

У. П. Природина

**Имя в культуре,
социуме, истории**
(на материале шведского языка)

У. П. Природина

**ИМЯ В КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ, ИСТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА)**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2023

УДК 811.113.6
ББК 81.2=433.2
П77

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко
С.М. Заяц;

д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии
и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова»
А.М. Иванова

П77 Природина У. П .

**Имя в культуре, социуме, истории (на материале
шведского языка) :** монография / У. П. Природина. –
Чебоксары : Среда, 2023. – 140 с.

ISBN 978-5-907688-48-3

В монографии представлены подходы к изучению имени собственного в контексте языка и культуры; описаны антропонимические системы ряда европейских языков; комплексно исследован процесс формирования и развития антропонимической системы шведского языка и показана ее национально-культурная специфика.

Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов вузов, а также для всех, кто интересуется проблемами ономастики.

ISBN 978-5-907688-48-3
DOI 10.31483/a-10525

© Природина У. П., 2023
© ИД «Среда», оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Функционирование имени в языке и культуре этноса	6
§ 1. Имя собственное как объект лингвистических исследований ...	6
§ 2. Имя собственное и этнокультура	19
§ 3. Антропонимика и европейская культура	32
3.1. Антропонимические традиции романской группы языков	32
3.2. Антропонимические системы германской группы языков.....	35
3.3. Антропонимические традиции в славянских странах	43
Глава 2. Формирование и развитие шведской антропонимии.....	52
§ 1. Терминологические сведения о антропонимах	52
§ 2. Типы и формы антропонимов. Акты деривации.....	56
§ 3. Сословия как источник формирования шведских фамилий.....	63
§ 4. Исторические принципы выбора имени.....	71
§ 5. Влияние межкультурной коммуникации и моды на формирование корпуса антропонимов	82
§ 6. Современные тенденции именаречения.....	94
§ 7. Популярность имен и фамилий	98
Глава 3. Функционирование антропонимов в шведском языке	105
§ 1. Антропонимы и сленговые единицы	105
§ 2. Антропонимы и идиоматическая лексика.....	110
§ 3. Имя и народный календарь	116
Заключение	120
Библиография.....	124
Приложение	138

Введение

В языкознании все большую актуальность приобретают работы, отражающие в системе языка различные аспекты восприятия мира человеком. В связи с этим изучение антропонимикона в любом языке – один из продуктивных видов научной деятельности, позволяющий обнаружить различные элементы языковой картины мира. Антропонимические системы, отличающиеся динамичностью и незамкнутостью, находятся в числе традиционных объектов исследований лингвистики. Закономерности возникновения, развития, сохранения корпуса антропонимов представляют значительный интерес не только для теоретической и прикладной антропонимики, но и этнографии, истории, культурологии, социологии, литературоведения, фольклористики.

Антропонимы образуют особый класс ономастической лексики, в котором в большей степени сохраняются изменения, происходящие в общественной жизни, находят отражение исторические события, культура этноса. Антропонимические единицы не только выступают главными «участниками» ядерно-периферийных отношений в ономастическом пространстве [Супрун 2000], но и имеют плотную связь с культурным пространством, образуя в определенной степени единство с ним.

Народ вырабатывает собственную систему именования, формирует обычаи наречения, что дает возможность определить функцию имени собственного как национального и социального знака в языковом строе. Имя – элемент сознания этноса, позволяющее выявить особенности духовной культуры народа, его ценностные установки. Оно существует в пространственном и временном континууме, отражает стадии и уровень развития общества, фиксирует информацию, передающуюся из поколения в поколение. Вышеуказанное позволяет нам рассматривать имя не только как носитель культурной, социальной, исторической информации, но и как обладатель памяти.

Фактическая база современной ономастики значительно расширилась в последнее время за счет привлечения данных целого ряда языков. Однако в отечественной ономастике недостаточное внимание уделялось антропонимическим единицам в шведском языке. Анализ системы шведских антропонимов важен с точки зрения определения механизмов словообразования, места имени в лексической системе шведского языка.

В нашей работе мы проведем в контексте современной парадигмы научного знания комплексный анализ и систематизацию материала по традициям и особенностям именованию человека в шведской культуре. Также рассмотрим подходы к изучению имени собственного в контексте языка и культуры в отечественном и зарубежном языкознании; изучим особенности антропонимических систем в европейских культурах в диахроническом и синхроническом аспектах.

Глава 1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕНИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ ЭТНОСА

Функционирование имени в языке и культуре этноса предполагает уяснение ряда концептуальных проблем: сущность имени собственного с учетом различных аспектов; взаимосвязь имени и этнокультуры; закономерности развития европейских антропонимических систем в диахроническом и синхроническом аспектах.

§ 1. Имя собственное как объект лингвистических исследований

Важность ономастики для лингвистических исследований определяется сохранностью архаизмов, утраченных в языке в целом, возникающими инновациями и новыми тенденциями языкового развития. Повышенное внимание исследователей к ономастике обусловлено особым положением имени собственного в языке. Как полагает В.Д. Бондалетов, «самой трудной задачей оказалось определить своеобразие значения имени собственного» [Бондалетов 1983: 7]. Исследователь отмечает также, что «ономастика как лингвистическая наука занимается изучением сущности собственных имен, их функциональной специфики, возникновения, развития, их связи со всеми уровнями или ярусами языка, теоретическим и практическим значением самой ономастической науки, а также ее связи с другими науками» [Бондалетов 1983: 8].

Вопрос о наименовании – один из древнейших, отразившийся в философии, лингвистике, литературоведении, психологии, культурологии, истории, социологии, что придает ономастике четко выраженный междисциплинарный характер. Находясь на стыке различных областей науки, ономастика порождает множество спорных вопросов, создает почву для возникновения многочисленных теорий. Например, семантику имени собственного, по мнению Н.Ф. Алефиренко, «можно свести к двум научным парадигмам – лингвофилософской и речемыслительной» [Алефиренко 2005: 203]. Заслуживает внимания мысль В.М. Мокиенко: «Имена окружают нас с самого рождения и сопровождают до последнего часа, нередко предопределяя нашу жизнь и диктуя наше отношение к носителю того или иного имени. Мы живем в мире имен, и за каждым из них стоит конкретный человек, конкретное место, конкретное явление» [Мокиенко 2006: 5].

М.М. Бахтин полагает, что имена обладают положительными коннотациями «...пока сохраняется имя (память), сохраняется (остается) в бытии именуемый, продолжает еще жить в нем» [Бахтин 1992: 146].

Проблема «именования» постоянно рассматривалась в древней китайской философии и логике. В.Н. Малышев приводит легенду о Конфуции, «которого спросили, с чего он начнет деятельность, если станет правителем, то он ответил, что, прежде всего, следовало бы исправить имена:

Когда не исправляются имена,
Перестают уместными быть речи;
Когда перестают уместными быть речи,
Не совершаются дела» [Малышев 2009: 46].

Спор об именах и их пригодности для именования вещей долгое время велся античными философами. В европейской культуре имена собственные в качестве особого класса были выделены стоиками, в частности Хрисиппом. Данное философское направление рассматривало имена собственные как совершенно независимый класс слов. Характерную особенность этого класса слов они видели в том, что имена собственные могут выражать как общие свойства, присущие индивиду, так и личные [Суперанская 2009а: 46].

Школа Платона усматривала непосредственную связь между именем и называемой им вещью. В категорию имени Платон включал и класс имен собственных, и класс имен нарицательных. В диалоге «Кратил», посвященном происхождению слов (имен), он проводит сравнение между именем и орудием: «... имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей, как, скажем, челнок – орудие распределения нити» [Платон Т.1 1990: 619]. По мысли Платона, слова отражают природу обозначаемых ими предметов. Имена, названия вещей, органически связаны с обозначаемыми этими именами вещами.¹ Противоположную точку зрения высказывал ученик Платона Аристотель. Он полагал, что имена и названия никак не связаны с природой вещей и они семантически лишь «по договору»: «[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь

¹ Подробный анализ диалога Платона «Кратил» см.: Теория и методика ономастических исследований / отв. ред. А.П. Неподкупный. – 3-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 92–103.

от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как например у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [Аристотель Т.2 1978: 93]. Так было положено начало двум направлениям в изучении природы имен: природному и соглашенческому.

Переосмысление понятия «имя» происходит на рубеже XI–XII вв. в работах А. Кентерберийского, П. Абеляра, П. Гелийского. Для них называть – значит классифицировать. Обозначается возврат к этимологии слова *nomen*, предложенной позднеантичным грамматиком Присцианом, который возводил его к греческому глаголу *nemo* (распределять, разделять), отделяется имя (*appellatio*) от его значения (*significatio*). По мнению средневековых философов, имя всего лишь указывает на человека, носящего его, и обозначает семью, к которой он принадлежит [Грошева 1985, Перельмутер 1991].

П.Ш. Габдрахманов в статье «Какими именами нарекали детей в Средние века: случай Фландрии» рассматривая проблему имянаречения, поднимает вопрос понимания и отношения к имени в Средние века. Так, на протяжении Средневековья отношение к имени не было единым: к такому выводу приходит в своих исследованиях Исидор Севильский, который возводит происхождение слова *nomen* (имя) к глаголу *nosco* (знаю): «Называть – это значит познавать». Для него и других раннесредневековых писателей (Гинкмара, Рабана Мавра, Валафрида Страбона, Смарагда и др.) имена «значимы», «вящи» и «говорящи» способны предвещать судьбу своих носителей и говорить об их сущности. П.Ш. Габдрахманов освещает вопрос лингвистического «перелома» в средневековом понимании природы имени, произошедшего в антропонимической системе Западной Европы между X и XIII вв. Сущность «глубокой эволюции» понимания природы имени заключается в переходе от антропонимов, состоящих лишь из одного имени (чаще всего древнегерманского происхождения), к антропонимам, состоящим из двух имен – имени собственного (*praenomen*) и прозвища (*cognomen*). Причины подобного явления ученый видит в сужении именника, замене варварских имен на антропонимы духовной сферы (библейские, имена святых). Исследователь приходит к выводу, «что столь фундаментальные изменения в имянаречении были связаны с не менее глубокими переменами в умонастроениях,

чувствованиях, переживаниях и ценностных устремлениях людей того времени, проявлявшихся как в их повседневном поведении, так и в их языке, одной из форм которого и являются имена» [Габдрахманов 2008: 234].

В трудах крупнейших мыслителей эпохи Просвещения (Т. Гоббс, Г.В. Лейбниц и др.) также уделяется внимание категории имени. Зачастую эти исследования имеют полемический характер по отношению к работам предшественников. Так, английский философ Т. Гоббс опровергает учение Платона об именах. В частности он утверждает факт произвольного появления имен, не находит связи между именем и называемым им предметом, утверждая, что «имя есть произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с нашими мыслями... Я считаю возникновение имен результатом произвола...» [Гоббс 1926: 14].

Мысли Т. Гоббса относительно имени собственного в XIX в. продолжает известный английский логик XIX в. Дж. С. Милл. Некоторые его положения относительно значения слова повлияли в дальнейшем на многие лингвистические теории. Дж. С. Милл, который ввел понятия коннотирующих (обозначают только признак или только субъект) и неконнотирующих имен (обозначают субъект и подразумевают признак). Рассуждая с этих позиций о природе слова, он пришел к выводу, что имена собственные не коннотируют и ничего не значат [Суперанская 2009а: 55–58].

Имена собственные, по Дж. С. Миллу, – «это как бы прикрепленные к вещам ярлыки, которые сами по себе лишены значения и служат только для того, чтобы отличать вещи друг от друга» [Стеблин-Каменский 2003: 668].

Противоположную точку зрения высказал О. Есперсен в работе «Философия грамматики». «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени, и очень мало занимались его контекстуальным значением в той конкретной ситуации, в какой оно произносится или пишется... Пользуясь терминологией Милля, но, полностью расходясь с его точкой зрения, я осмелюсь утверждать, что имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) коннотируют наибольшее количество признаков» [Есперсен 1958: 56].

Вопросы имени собственного и нарицательного были исследованы А. Гардинером [Gardiner 1940] и Э. Пулгрэмом [Pulgram 1954].

В работе «Теория имен собственных» А. Гардинер пишет о воплощенных (*embodied*) и развоплощенных (*disembodied*) собственных именах. «Частично развоплощенные имена», являющиеся в большей степени фактом речи, нежели языка, составляют третью группу. Согласно А. Гардинеру, данные имена – результат использования имен собственных во множественном числе (*Johns*), либо употребления имен собственных в качестве имен нарицательных (*Every country has its Babylon*) [Gardiner 1940: 15–23]. Представим определение имени собственного А. Гардинера в переводе М.И. Стеблина-Каменского: «Собственное имя – это слово или группа слов, специфическим назначением которых признается отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение исключительно посредством различительного звука, независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектом или объектами, отождествленными посредством этого звука» [Цит. по: Стеблин-Каменский 2003: 668]. М.И. Стеблин-Каменский отмечает, что «Теория имени собственного Гардинера едва ли не самое блестящее из всего, что о них написано» [Стеблин-Каменский 2003: 668].

Несмотря на популярность в отечественной ономастике идей А. Гардинера о двух типах именах собственных, немногочисленные публикации, касающиеся этой проблемы, носят спонтанный и независимый характер [Смольников 2005: 18]. Например, «оппозиция воплощенных и невоплощенных имен собственных, предложенная М.А. Кронгаузом, в итоге сводится к оппозиции определенных и неопределенных имен собственных» [Смольников 2005: 18]. В работе «Общая терминология: Вопросы теории» отмечается, что «телесность» или «воплощенность» оказываются «необходимым условием становления лексических единиц как имен собственных» [Суперанская и др. 2009: 38].

Э. Пулгрэм в труде *Theory of Names* утверждает, что любое имя существительное может стать собственным именем, и даже более того, именем может быть глагольная форма, наречие, целое предложение, даже одна буква [Pulgram 1954: 8]. Одинаковым потенциалом превращения в собственные обладают не все имена нарицательные.

Свойство «быть именем собственным» не абсолютно, а относительно. Оно определяется сложным сочетанием лингвистических и экстралингвистических факторов. В зависимости от меры проявления «номинационности» существует градация ИС [сокращение автора], причем наименьшая мотивированность названия обуславливает наибольшую «номинационность» [Топорова 1996: 13].

Теория имени собственного получает свое развитие в трудах Г. Фреге. Понятия «значения» и «смысла» лежат в основе его концепции имен собственных. Толкование имени Г. Фреге дает в статье «Смысл и значение»: «Под «знаком» или «именем» я понимаю любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), а не понятие и не отношение... Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов и иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение может быть названо именем собственным» [Фреге 1997: 26]. Г. Фреге проводит четкое разграничение между именами собственными и предикатными знаками, именуемыми им понятийными словами. Предмет является значением имени собственного, а понятие – значением предикатного знака.

Некоторые идеи Дж. С. Милла и Г. Фреге продолжил и английский логик Б. Рассел. Важным для Б. Рассела было различие двух видов знания – «знание-знакомство» и «знание по описанию». Первое есть изначальное и непосредственное знание о чувственных данных (позиция эмпиризма) и универсалиях (позиция реализма или платонизма). Те элементы языка, которые подтверждаются «знанием-знакомством», Б. Рассел называл «именами». «Знание по описанию» становится вторичным: оно означает выводное знание о физических объектах и психических состояниях других людей с помощью «обозначающих фраз» (*denoting phrase*). Именно они, согласно Б. Расселу, создают основные логические проблемы и недоразумения. Например, фраза «автор Уэверли» в предложении «Скотт есть автор Уэверли» лишена значения, поскольку не имеет объекта. Ученый разработал механизм анализа и исключения двусмысленных фраз, или, как их называет Б. Рассел, определенных дескрипций. Он обнаружил проблемы и с собственными именами, например с мифологическим именем Пегас, которое является скры-

той дескрипцией и порождает парадокс существования (тезис о существовании несуществующего объекта). В дальнейшем Б. Рассел признал все грамматические собственные имена двусмысленными и пришел к выводу, что язык взаимосвязан с миром только с помощью указательных местоимений, которые суть «логически собственные имена» [Рассел 1991: 955–961].

По мнению А.В. Суперанской, не все положения, выдвигаемые Б. Расселом, достаточно точны. Исследовательница разделяет тезисы английского логика о том, что слова любого языка различны по своему содержанию. Существуют слова, семантический объем которых более или менее константен, и слова с непостоянным объемом значений (абстрактная лексика) [Суперанская 2009а: 63].

Однако идея Б. Рассела относительно того, что собственные имена, – это «постоянные, являющиеся значениями переменных низшего типа, и что имена должны применяться к тому, что испытано на опыте» [Суперанская 2009а: 63] кажется исследовательнице не совсем правильной. А.В. Суперанская полагает, что в явном противоречии с этой идеей находится положение Б. Рассела, будто имена собственные не должны являться объектом изучения чистой логики.

Философскую разработку концепция имени собственного получает в трудах С.Н. Булгакова, о. Павла Флоренского и А.Ф. Лосева. Философы создают такую картину мира, где все есть имя, слово, язык, символ, миф. Исследователи со схожих позиций рассматривают проблему имени, которое выступает бытийным центром, где сходятся все возможные энергетические проявления божественного, единственно подлинного бытия.

Отталкиваясь от платоновского учения об идеях как подлинной реальности, о. Павел Флоренский углубляет его содержание на основе святоотеческой традиции, подкрепляющей его вывод о том, что «...платонизм и шире учения Платона и глубже его...» [Флоренский 1984: 167]. Смысл нового мирозерцания философ видит в феномене имени, которое выступает как метафизический принцип бытия и его познания. Переход от платоновской идеи к имени был связан с сутью самого христианского вероучения. Имя в бытийной концепции о. Павла Флоренского одновременно «есть идея–сила–субстанция–слово» [Флоренский 1984: 190]. В широком смысле имя рассматривается как философская предпосылка

общечеловеческого понимания, что нашло отражение в замысле о. Павла Флоренского создать труд под названием «У водоразделов мысли», правда, реализованном лишь частично. Выстраивая универсальную систему именотворчества, философ приходит к единой теории, связывающей личность с культурой через типологию имени и с социальной проблематикой через фольклор и архетипы народного сознания. Тем самым он предвосхищает работы таких философов и антропологов, как Карл Густав Юнг и Клод Леви-Стросс [Хоружий 2007: 112].

В книге «Имена» о. Павел Флоренский рассматривает социологический аспект бытования имени (гл. IV), где имя предстает и в культурном фоне в рамках общественных отношений (гл. VII). На примере имен Яков, Варфоломей мыслитель излагает теорию жизненных циклов личности [Флоренский 2000: 40–45]. В своей теории имени о. Павел Флоренский выявляет, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 2000: 52].

Работу «Философия имени» (Париж, 1953) С.Н. Булгаков считал своей самой философской книгой. Для С.Н. Булгакова, как и для о. Павла Флоренского и А.Ф. Лосева, очевидна символическая природа слова: «бесконечное мысли выражено в конечном изваянии слова, космическое в частном, смысл соединен с тем, что не есть смысл, – с звуковой оболочкой; это, что вовсе не есть знак, а сама сущность, ее энергия, ее действие, нераздельно связано с тем, что есть только знак. Это сращение мы называем символом» [Булгаков 1999: 24–25]. Опираясь на идеи А.А. Потебни и В. фон Гумбольдта, С.Н. Булгаков выстраивает философию грамматики. Анализ основных грамматических категорий, с его точки зрения, более конкретно позволяет установить взаимосвязь между космосом и словом. В наиболее общей форме эта взаимосвязь отражается в акте именования – «имя есть самооткровение вещи, оно принадлежит вещи, а не говорящему. В этом смысле вещь сама себя называет. Однако именоваться человек может только через человека, в человеке, человеком. В человеке сокрыты имена всех вещей» [Булгаков 1999: 68].

А.Ф. Лосев выстраивает наиболее полную систему доказательств бытийственности слова. «Если сущность – имя и слово – то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и

слова. Все бытие есть то более мертвые, то более живые слова. Космос – лестница разной степени словесности. Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово. Ибо все это – смысл и его выражение. Мир – совокупность разных степеней жизненности или затверделости слова. Все живет словом и свидетельствует о нем» [Лосев 1990: 153].

И.П. Смирнов в статье «Самозванство и философия имени» [Смирнов 2004] полагает, что «возобновление сократовско-платоновского подхода к имени, которое предприняли Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Алексей Лосев и другие мыслители начала XX в., было вызвано к жизни и еще одним, дальнедействующим, стимулом – русским самозванством». Исследователь полагает, что не случайно С.Н. Булгаков в своей «Философии имени» протестовал против самовольных переименований: «Псевдоним есть воровство, как присвоение не своего имени, гримаса, ложь, обман и самообман» [Смирнов 2004].

Некоторые исследователи XX в. в области личных имен главный акцент делают на изучение имени человека в качестве символа определенной культуры и общества. При этом язык рассматривается как действие и деятельность культуры. Типичной для культурологического подхода (Ю.М. Лотман, Р. Хадсон, Р. Сепир) к роли языка в культуре и их взаимосвязи является следующая цепочка: культура–мышление–язык. Данная последовательность показывает, что когнитивные процессы действительности отражаются в языке. С другой стороны, мышление в определенной степени предопределяет как создание культуры и культурных ценностей, так и их познание. О созвучии языка с мыслью и культурой писал в свое время В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1985].

Развитие концепции имени в рамках мифологического мышления находим в работе Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского «Миф–имя–культура». Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский исходят из того, что мифологическое мышление, в отличие от логического, не оперировало вовсе общими именами, а только единичными (собственными). Ученые указывают на принципиальную тавтологичность общего значения имени собственного: «...то или иное имя не характеризуется дифференциальными признаками, но только обозначает объект, к которому прикреплено данное имя; множество одноимен-

ных объектов не разделяют с необходимостью никаких специальных свойств, кроме обладания данным именем» [Лотман, Успенский 1992: 60]. Это определение соотносится с дефиницией Р.О. Якобсона: «Имена собственные <...> занимают в нашем языковом коде особое место: общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код. В английском языковом коде *Jerry* называет человека по имени Джерри. Круг здесь очевиден: имя обозначает всякого, кому оно присвоено. Имя нарицательное *pup* (щенок) обозначает молодую собаку; *mongrel* (помесь) – собаку смешанной породы; *hound* (охотничью собаку); гончая – собаку, с которой охотятся, тогда как *Fido* (Фидо) обозначает лишь собаку, которую зовут Фидо. Общее значение таких слов, как *pup*, *mongrel* или *hound*, может быть соотнесено с абстракциями типа *puppyhood* (щеночество), *mongrelhood* (помесьность) или *houndness* (гончестъ), а общее значение слова *Fido* таким путем описано быть не может» [там же].

М.И. Стеблин-Каменский выдвигает мнение, что все современные определения имен собственных базируются на работе Дж.С. Милла *A system of logic* (1891) и представляют собой разного рода перефразировки того, что изложено ученым [Стеблин-Каменский 2003: 668].

Различные варианты дефиниций имени собственного находим у современных лингвистов. Так, О.И. Фоякова под именами собственными понимает «универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [Фоякова 1990: 3]. Н.В. Васильева определяет имя собственное как «слово или словосочетание, которое называет индивидуальные предметы, выделяемые из состава однородных» [Васильева 2005: 11].

М.Л. Алёкшина, рассматривая грамматический аспект имени собственного в современном норвежском языке, пишет, что в скандинавской ономастической литературе принято определение данной единицы, предложенное в грамматике датского языка П. Дидериксена. П. Дидериксен рассматривает имя собственное как слово, индивидуально определяющее предмет, но не описывающее его.

Интерес к разработке универсального определения имени собственного для ономастологов скандинавских стран не характерен [Алёкшина 1997: 12].

В лексической системе каждого языка имена собственные образуют особый класс, который противопоставляется именам нарицательным и обладает особыми признаками. Деление имен существительных на собственные и нарицательные общепринятое и имеет давнюю традицию. Оно связано с особенностями значения и функционирования указанных классов. Однако провести четкую линию между ними не всегда оказывается возможным.

Переход имени нарицательного в имя собственное происходит в том случае, если оно становится наименованием единичного явления, что позволяет его выделить из ряда других: Шарик, Янтарь, Гром – клички котов и собак, Орхидея, Лепесток, Фиалка – названия магазинов. Имя собственное становится нарицательным, если им обозначается целый класс однотипных явлений. Если имя собственное выражает идею типичного представителя нации, культуры, то имя используется как обозначение целой категории людей, например Шерлок Холмс – проницательный сыщик, Дон Кихот – бескорыстный, благородный человек (в русской культуре). Оба класса имен обозначают качества и свойства явлений, предметов, однако имена собственные более выражают национально-культурную составляющую этноса, чем имена нарицательные.

Следует отметить, что в истории исследования имени собственного было выделено две противоположные тенденции, связанные с констатацией отсутствия или наличия у него лексического значения. Одни исследователи (Дж. С. Милл, А. Гардинер, Э. Пулгрэм, О.С. Ахманова, Г. Амман и др.) утверждают, будто имя собственное не имеет лексического значения и не выражает никаких понятий. Другие ученые (О. Есперсен, А.А. Потенба, Ф.И. Буслаев, Л.В. Щерба и др.) полагают, что имя собственное обладает значением, хотя и несколько отличающимся от значения имени нарицательного.

По мнению С.М. Толстой, отношение между именем собственным и нарицательным следует рассматривать как континуум, единицы которого «образуют некоторую шкалу «апеллятивности» – «ономастичности» (проприальности), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может

быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому полюсу» [Толстая 2005: 24].

А.А. Реформатский полагал, что, в отличие от имен нарицательных, имена собственные принципиально ограничены своей номинативностью [Реформатский 1964: 17–18].

А.В. Суперанская видит «основное отличие имен собственных от нарицательных в принципе их присвоения. Имя собственное дается одному специально выбираемому определенному объекту, входящему в известный класс, для его выделения и идентификации в ряду однородных и для отличия от прочих объектов того же и других рядов. При этом происходит специальный **акт индивидуальной номинации**» [жирн. шрифт – автор] [Суперанская 2009b: 11].

Различие между именами собственными и нарицательными не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании, функционировании обоих лексическо-семантических классов [Белецкий 1972: 167]. Функциональный подход к разграничению имен собственных и нарицательных представляется наименее спорным: именно особенности функционирования имен собственных обуславливают особенности их семантики.

В.Н. Топоров отмечает зыбкость понятия имени собственного по своему содержанию ввиду отсутствия ясной границы между именем собственным и именем нарицательным (апеллятивом) [Топоров 2005: 376].

«Собственные имена, в первую очередь, выполняют номинативную функцию, нарицательные – семасиологическую (содержательную)» [Бондалетов 1983: 27].

Датский лингвист П. Кристоферсен различие между именами нарицательными и собственными усматривал в том, что «первые абстрактны, вторые конкретны. Собственное имя является прямым наименованием индивида, нарицательное – непрямым. Наричательное сначала называет класс, в который входит данный индивид, а уже потом – индивид» [Цит. по: Бондалетов 1983: 12].

Исследования имени собственного и нарицательного нашли свое отражение в аналитической философии. Так, работа С. Крипке «Именование и необходимость» – одна из наиболее влиятельных книг второй половины XX в. в этом направлении и представляет собой критику дескриптивистских теорий собственных имен. С. Крипке приписывает различные варианты дескриптивистских

теорий Г. Фреге, Б. Расселу, Л. Витгенштейну, Р. Сёрлу. С. Крипке отрицает оба вида дескриптивизма, предложенных его предшественниками: синонимичность собственных имен дескрипциям и референцию собственных имен, определяющуюся ассоциацией имени с дескрипцией или кластером дескрипций, уникальным образом выполняющиеся некоторым объектом [Аналитическая ... 2004: 559–565]. В качестве альтернативы С. Крипке в общих чертах описал каузальную теорию референции, согласно которой имя указывает на объект благодаря наличию каузальной связи с объектом через сообщества говорящих. Он указывает, что собственные имена в отличие от большинства дескрипций являются жесткими десигнаторами. Собственное имя указывает на поименованный объект во всяком возможном мире, в котором этот объект существует, в то время как большинство дескрипций обозначают различные объекты в различных возможных мирах [Аналитическая ... 2004: 566].

Итак, взгляды, концепции и теории имени собственного меняются в зависимости от мировоззренческих установок той или иной эпохи, философской школы. Различные подходы к разграничению имени собственного и нарицательного, представляя собой важную проблему, определяют актуальность вопроса перехода имени собственного в нарицательное и наоборот.

§ 2. Имя собственное и этнокультура

Потребность в именовании предметов и явлений внешнего мира уходит корнями в дописьменную историю человечества. Созидательная работа сопровождается именовани­ем. Один из древнейших примеров мы встречаем в Ветхом Завете: «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один ... [Быт. 1:5]. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями» [Быт. 1:10]. Не в последнюю очередь в имени нуждается человек. Примечателен и отрывок из «Старшей Эдды»: «Тогда сели боги на троны могущества... ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине – прозвище дали, чтоб время исчислить» [Старшая Эдда 2010: 10]. «Младшая Эдда» повествует о сыновьях Бора, сотворивших из дерева людей и нарекших их именами. «Взяли они те деревья и сделали из них людей. Первый дал им жизнь и душу, второй – разум и движенье, третий – облик, речь, слух и зрение. Дали они им одежду и имена: мужчину нарекли Ясенем, а женщину – Ивой [Младшая Эдда 2010: 304].

М.И. Стеблин-Каменский в книге «Миф» (глава «Личность в эддических мифах») проводит анализ мифологических имен в эддических мифах и приходит к выводу, что имена, присутствующие у представителей мифологических групп (карлики, великаны и т.д.), являются их антропонимическими идентификаторами и отличают их от особей зоологического вида. «При этом те из этих имен, которые поддаются толкованию, обычно отражают какую-нибудь черту, которая может наличествовать у члена данной группы, и тем самым обеспечивается дальнейшее выделение особи из вида. <...> Собственное личное имя и есть, конечно, тот минимум индивидуальности, который необходим для выделения личности. Мифологические группы, о которых идет речь, отражают, таким образом, одну из начальных ступеней развития представления о личности» [Стеблин-Каменский 1976: 66–67]. Вышеуказанное свидетельствует о том, что имя уже на раннем этапе своего существования являлось одним из идентификаторов личности и носителем культурной и социальной информации.

По мнению В.Н. Топорова, имя служит важным элементом мифологической системы еще и по причине отсутствия мифов без имен. Имена – единственный источник, на основании которого

можно рассуждать обо всей мифологической системе, и в частности об отдельных мифах или мотивах [Топоров 1980: 508]. В.Н. Топоров относит мифы о творении к одной из ранних версий объяснения имени через соотнесение его с моментом появления. По утверждению ученого, процесс наименования заключается в том, что предметный состав мира обладает знаковыми характеристиками: «Появление имени вещи означает, что теперь она имеет не только свой объем, но и свое значение-смысл, которое хотя и связано с вещью, в идеале определяется не ею, а тем именем, которое вторично (на эмпирическом уровне, по крайней мере) по отношению к вещи» [Топоров 1989: 125].

Начиная с мифологического периода, имя в широком смысле имело священное значение для человека. Это касается и личных имен, и процесса номинации вещей, который в архаичном обществе рассматривался как «заключительный этап демиургического акта» [Топорова 1996: 7–8]. Сохраняющийся определенным образом и по сей день, один из культурных механизмов имени был заложен на этом этапе. Манипулирование именем имело практические цели и приводило к усилению положительных моментов в имени собственном: наречение «приятным» именем или «плохим, неблагоприятным» именем с тем, чтобы обмануть злых духов, не причинив вреда его носителю [Топорова 1996: 8].

Традиция награждения личными именами неодушевленных предметов появилась еще в архаичные времена. Примеры этого можно увидеть в эпических сказаниях, начиная с древнейших и заканчивая средневековыми. Так, Песнь вторая «Илиады» Гомера посвящена перечислению списка кораблей. Во французском средневековом героическом эпосе «Песнь о Роланде» меч Роланда имеет имя Дюрандаль (от прил. *dur* ‘твердый’, либо от гл. *durer* ‘быть прочным, устойчивым’). Меч короля Карла Великого «обладал» женским именем Жуайез (*joieux* ‘радостная’) [Горбулева 2007: 114]. В скандинавской «Саге о Хлёде» Ангантюр, король готов, сражался мечом под названием Тюрвинг (*Tyrving*). Тюрвинг – знаменитый меч, выкованный карликами для короля Сварлами и доставшийся Ангатюру от его отца Хейдрека. Название меча, вероятно, происходит от слова *tyrfi* ‘смолистая древесина’ (из нее была сделана рукоятка меча) [Скандинавский эпос ... 2010: 290]. Эскалибур (*Excalibur*) – меч легендарного короля Артура. Вероятно,

имя Экскалибур этимологически связано с валлийским *Caledfwlch* (*caled* 'битва', *fwlch* 'нарушать целостность, разрывать') [Bromwich, Simon Evans 1992: 64–65].

Мифологическая система именования неодушевленных предметов личными именами с целью придания им характера живых существ сохранилась вплоть до эпохи Средневековья. Как считает В.В. Долгов, «важной и характерной чертой средневековой религиозности было широкое распространение веры в магические свойства материальных предметов. Как и вера в колдовство, это явление досталось в наследство Средневековью от более ранней эпохи. Истоки его лежат в первобытном фетишизме, который получил распространение во всех религиозных системах по всему миру» [Долгов 2005: 118].

Имена собственные – самая восприимчивая часть языка, поскольку они реагируют на изменения в социуме, исторические и культурные события быстрее, чем любой другой его компонент. Взаимосвязь имени собственного и культуры определяют в своих работах О.И. Фонякова, Д. Н.-Д. Жапова, Ю.А. Рылов и др. Так, О.И. Фонякова, давая определение термину «имя собственное», в числе отличительных признаков данной категории выделяет и культурную составляющую [Фонякова 1990: 3]. Д. Н.-Д. Жапова определяет имена собственные как «своеобразные памятники, в которых отражается общественная история этноса, прослеживается специфика знаковой системы и динамика языковых закономерностей» [Жапова 2004: 216].

В рамках настоящего исследования необходимо также уделить внимание понятиям «культура», «культурное и этнокультурное пространство». Термин «культура» имеет большое количество толкований ввиду того, что включает в себя различные компоненты. В контексте взаимосвязи онимов и культуры важным в рамках данной работы видится определение Ю.М. Лотмана, где «культура» определяется как коллективное понятие. «Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, – явление общественное, то есть социальное. Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» [Лотман 2006: 5–6].

Дж. Б. Касагранд «называет параллельность развития языков и культур и происходящих в них изменений, усматривая помимо индивидуальных и явления общие, универсально представленные в культуре и языках разных народов» [Цит. по: Суперанская 2009а: 40].

Сопоставив понятия «культура» и «имя», А.В. Суперанская приходит к выводу, что «имя, созданное в ту или иную эпоху, может быть однозначно соотносено с культурой и культурно-исторической традицией известного народа» [Суперанская 2009а: 40–41].

Культура как четвертое состояние бытия (среди других – природа, общество, человек) обладает всеми качествами любого из таких состояний: она не только существует в мире относительно объективно от любого действующего субъекта, но и разворачивается во времени и пространстве [Быстрова 2008: 98]. Пространственный показатель культуры, как отмечает М.Н. Фомина, раскрывается через ось времени – «прошлое–настоящее–будущее». Культура несет в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящей жизни людей. За счет этого процесса обеспечивается связь времен [Фомина 1999: 14–15].

Понятие «культурное пространство» используется в области философии, культурологии, лингвистики. Вопросы, связанные с культурным пространством, его природой, структурой, освещены в работах А. Моля, М.С. Кагана, А.А. Боева, И.И. Свириды, А.С. Кармина, С.Н. Иконниковой, И.М. Гуткиной, В.А. Конева и др. Определение культурного пространства как своеобразного механизма, способа, при помощи которого происходит процесс окультуривания естественного процесса, находим у Л.В. Силкиной [Силкина 1999: 15]. В.А. Маслова под культурным пространством понимает форму существования культуры в сознании ее представителей. Культурное пространство соотносимо с когнитивным пространством, так как оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных пространств представителей данной культурно-национальной общности [Маслова 2001: 48]. Изучая бытие культуры в сознании ее носителей, необходимо учитывать, что речь идет и о культуре «с большой буквы» (т.е. искусство), и народной культуре (представленной в народных текстах), и массовой культуре, и культуре бытия, и т.д. [Русское культурное ... 2004: 11]. А.Н. Быстрова видит культурное пространство как

пространство «осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей, взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т.д.» [Быстрова 2004: 39]. В монографии «Феномен культурного пространства» отмечается, что «культурное пространство фиксирует бытование культуры в процессе ее функционирования» [Гуткин и др. 2005: 39]. Рассматривая структуру культурного пространства, А.Н. Быстрова определяет следующие ее составляющие: пространство реального мира (географическое, физическое); пространство социума: информационно-знаковое и интеллектуальное пространство [Быстрова 2008: 98]. Специфика структуры культурного пространства, по мнению Е.В. Орловой, состоит в том, что она не имеет четкой статичности, все пространства находятся в постоянном движении, они могут перемещаться, менять акценты и т.д. Структурная составляющая позволяет определить культурное пространство как сложное развивающееся образование, состоящее из совокупности относительно самостоятельных и взаимосвязанных друг с другом видов, являющихся определенными подпространствами, задаваемыми характером человеческой деятельности и обеспечивающими бытие культуры [Орлова: ЭР]. И.М. Гуткина выделяет культурное пространство художественной сферы, сферы науки, образования, общения, деятельного начала, мыслительного, эмоционального, организационного [Гуткина 2003: 85]. Следует отметить, что нередко встречаются и понятия «культурное пространство личности», «культурное пространство города»; исследуются пространства литературы, театра и др.

О важности исследования этнокультурного компонента имени собственного, его большого этнокультурного семантического потенциала пишет Е.Л. Березович в монографии «Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования» [Березович 2007: 59–60]. Е.Л. Березович уточняет, что онимы несут в себе различную концептуальную этнокультурную информацию. Так, для топонимии базовыми оказываются концепты, связанные с восприятием пространства; для антропонимии – концепты сферы «человек», для лирических песен ключевыми оказываются концепты сферы межличностных отношений. Содержание той или иной версии картины мира не исчерпывается базовыми концептами [Березович 1997: 91]. О связи имен с этнокультурным пространством пи-

шет А.А. Исакова в докторской диссертации «Эволюция прагматического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии)». «Не вызывает сомнений, что язык – специфический инструмент ментального упорядочения мира, средство закрепления этнического мировидения, которое складывается из мировидения личностей, являющихся представителями определенного этноса и носителями национальной культуры, с одной стороны, а с другой, способ манифестации определенных ценностей человечества в целом. Наиболее наглядны в этом плане имена собственные, которые занимают особое место в лексической системе языка в связи с их способностью аккумулировать этнокультурный опыт» [Исакова 2008: 3].

Важные замечания касательно онима как носителя этнокультурной информации находим в работе Н.Ф. Алефиренко «Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства». Исследователь рассматривает антропонимы через призму концепта и семантических полей. Так, «к номинативным единицам высокой эмоциональной нагруженности, по данным А. Гурочкиной, относятся, прежде всего, обозначения бытовых реалий (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т.д.), антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции» [Алефиренко 2010: 414].

Следует отметить, что к числу лингвокультурных показателей языкового и национального сознания в первую очередь причисляются топонимы, антропонимы, этнонимы.

В рамках исследования обратимся к вопросу этнокультурной окраски антропонимических единиц. Ряд исследователей (О.Н. Трубачев, А.Н. Антышев, О.В. Кисель, Ю.А. Рылов, Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун и др.) определяют антропонимы в качестве активных носителей культурной информации этноса. Так, исследователь в области славянских древностей О.Н. Трубачев акцентирует внимание на следующем: «антропонимия оказывается основным разделом ономастики, а также важнейшим материалом при исследовании вопроса о лингвистическом отражении истории культуры» [Трубачев 1985: 5].

А.Н. Антышев в статье «Антропонимы в языке и культуре», рассматривая подходы к изучению онимов, исходит из тезиса, что

«они [антропонимы – Природина] являются носителями и выразителями национально-культурной семантики, именно в них [выделено автором] закреплены национально-языковые, культурно-содержательные компоненты информации» [Антышев 1996: 14]. Именно антропонимы, как считает исследователь, «представляют собой не только феномен языка, но и общечеловеческой культуры в целом и этнокультуры в частности» [Антышев 1996: 21], видя в этом большой потенциал для дальнейшего изучения данного класса имен. По мнению Г.Б. Мадиевой и В.И. Супруна, история традиции наречения, антропонимическая формула именованья – важное средство отражения национальной культуры [Мадиева, Супрун 2010: 97–98].

На этнокультурный характер антропонимов указывает в своем исследовании В.В. Анисимова: «Несмотря на то, что в образности имен отмечается типичность и усматриваются антропологические универсалии, применение этого типичного и универсального определяется особенностями индивидуального развития народа» [Цит. по: Кисель 2008: 356]. О.В. Кисель подчеркивает, что «имена тесно связаны с реалиями, традициями, религией, мирозерцанием, мировосприятием, картиной мира. Таким образом, в имени всегда, независимо от воли называющих, отражаются национальная, культурная и социальная жизнь общества» [Кисель 2008: 356].

Немаловажным в контексте настоящего исследования нам представляется замечание Н.Ф. Алефиренко относительно формы проявления этнокультуры. По мнению ученого, «на начальном этапе социализации культура актуализуется в виде фольклорных дискурсов, основными репрезентантами которых выступают народные песни, былины, пословицы и поговорки и другие структуры языка, фокусирующие народную мудрость» [Алефиренко 2010: 410]. Значительный материал для понимания функционирования имен собственных в народной культуре дает фразеология. Анализ пословиц и поговорок разных народов показывает, что антропонимы – их постоянные компоненты, следовательно, они и в этом контексте являются носителями этнокультурной информации. Фразеология, как отмечает О.А. Леонович, тесно связана с историей, культурой, традициями и литературой народа. Эта связь наиболее четко видна в тех фразеологических единицах, в состав которых входит имя собственное [Леонович 2002: 117].

Так, частотно использование имен собственных в русском фольклоре. Таковы пословицы и поговорки: *ты, Исай, наверх ступай, ты, Денис, иди на низ, а ты, Гаврило, подержись за молотило!*; *Иванов, как грибов поганых; Мели, Емеля, твоя неделя; вроде Володи, на манер Кузьмы; Иван кивает на Петра, а Петр – на Ивана; я тебе про Фому, а ты мне – про Ерему.* Фразеологизмы – *показать кузькину мать; выдрать, как сидорову козу; куда Макар телят не гонял; филькина грамота; демьянова уха; тришкин кафтан.* В русской культуре встречаем много пословиц и поговорок с именами из месяцеслова: *Федул губы надул; Глеб с Борисом, а хлеб у них с анисом; пришел Прокон – разрыл сугроб; Евдокия благоволит, да насорит* и др.

А. Жаркова, проводя сопоставительный анализ русских и литовских пословиц и поговорок, отмечает наличие старинных имен в высказываниях, указывает на возможность рассмотрения личных имен в выражениях на предмет современности или старинности. Исследовательница утверждает, что старинных имен гораздо больше, чем современных. Как в случае с литовскими поговорками, так и с русскими, выделяются имена, являющиеся символами простого литовца (Йонас), простого русского (Иван) [Жаркова 2008: 121–122].

Примечательно, что в русской культуре этимологическая связь с именами Василий, Петр, Маргарита, Анна, Иван, Мария обнаруживается в названиях растений, таких как василек, петрушка, маргаритка, анютины глазки, иван-чай, иван-да-марья, марьин корень.

Вербализацию французской этнокультурной картины мира, как считают С.А. Моисеева, И.А. Волошкина, можно проследить на примерах фразеологизмов, в структуре которых выявлен ономастический компонент, представленный, в частности личными именами, распространенными в этнокультуре, прозвищами. Так, в составе идиом *faire le Jacques* (букв. поступать как Жак, т.е. валять дурака, прикидываться дурачком, быть послушным как овечка) и *Grand Jacquot* (букв. Великий Жако, т.е. простофиля) содержится главный компонент *Jacques*. Жак – прозвище французского крестьянина в старину. Со временем прозвище Жак приобрело насмешливый характер [Моисеева, Волошкина 2009: 26]. В португальской культуре мы находим следующие примеры: *Dona Elvira* – очень высокомерный человек; *Maria-vai-com-as-outras* – человек, идущий

на поводу у других; *Menino Potrei* – человек, которого легко обмануть; в болгарском языке – *Луда Кояна*, *Луда Пройна* – сильная, бесстрашная женщина; *Мека Гана*, *Мека Мария*, *Милостлива Гана* – слабохарактерный, уступчивый человек; *Мазна Гана* (пренебр.) – неискренний, двуличный человек.

Личные имена, в том числе и имена святых, в испанском языке могут фигурировать как нарицательные: *hierba de San Juan* – веночек с желтыми цветами, *hierba de San Roberto* – разновидность герани, *sanjacobito* – бифштекс с сыром. Ю.А. Рылов подчеркивает выразительность испанской идиоматики, включающей наиболее распространенные имена: *buen Juan*, *Juan de buen alma* – простак, добряк; *a Juan y a Pedro*, *a Diego y a Juan* – встречному и поперечному; *todo es Juan y Manuela* – все это вздор, чепуха [Рылов 2006: 256].

Д.Г. Мальцева в работе «Страноведение через фразеологизмы», исследуя разнообразные примеры немецких фразеологизмов с антропонимами в качестве компонента, отмечает, что «... личное имя является весьма сложной и значащей языковой единицей, и это «значение» имеет по преимуществу экстралингвистический характер. Личное имя – это пароль, обозначающий принадлежность носителя к тому или иному общественному кругу» [Мальцева 1991: 128]. Фразеологизмы с антропонимами в своем составе, перешедшие в имена нарицательные в силу частотности и обыденности употребления, используются часто для обозначения различных неодушевленных предметов: *die Flotte Lotte* – мясорубка, соковыжималка; *(ei)'ne große Pauline* – большой кофейник; *langer Heinrich* – подобранный ключ, отмычка; *trockener Oskar* – хлеб; *großer Hans* – пудинг [Мальцева 1991: 123–124].

Фразеологические единицы, имеющие в составе библейские имена собственные, существуют в языках всех стран, история которых в той или иной мере связана с христианством. Например, в немецком языке встречаем: *in Abrahams Schoß sitzen* – сидеть в лоне Авраамовом (жить как у Христа за пазухой); *der Alte Adam* – Ветхий Адам (старые привычки, устарелые взгляды, пережитки). В английском языке: *a doubting Thomas* – Фома неверующий (человек, которого трудно заставить поверить во что-либо); *a Juda's kiss* – поцелуй Иуды (Иудино лобзание, предательский поступок); *as poor as Job* – беден как Иов (нищий человек) и т.д.

Следует отметить, что существует круг антропонимов, который легко узнаваем носителями большинства языков, например русское имя Иван, восходящее к древнееврейскому Иоханан, Иоанн – Бог благоволит. В антропонимическом кластере (индивидуальное имя, фамилия и дополнительное имя-прозвище) закрепляемость за каким-либо конкретным именем определенного символического значения сохранилась до сих пор, что лишней раз подчеркивает особый статус имени как знака-символа. Таковы имена – символы всей нации: Иван – в России, Жан – во Франции, Йоганн – в Германии, Джон – в Англии, Джованни – в Италии, Юхан – в Швеции, Йенс – в Дании, Хуан – в Испании [Щербак 2007: 10]. В то же время выделяется круг антропонимов, которые неизвестны другим народам. Данный фактор обусловлен историческими и культурными факторами. Сходной позиции придерживается Ю.А. Рылов, который отмечает сходство некоторых русских и испанских личных имен, объясняя это принадлежностью данных народов к христианскому миру [Рылов 2006: 251].

В рамках этнокультурного пространства особо прослеживается связь имени и социума, обозначается межкультурный статус имени. Каждая эпоха обогащает систему имен своим собственным социологическим и идеологическим багажом.

Имя становится значимым социокультурным элементом уже в первобытном обществе, где оно связано с еще сакральными воззрениями. Подробное исследование данного аспекта провел Дж. Дж. Фрэйзер. В частности, автор обращает внимание на первобытного человека, не разделявшего имя и вещи, соединяя их в единую сакральную нить. Для первобытного человека имя было частью него самого [Фрэйзер 1980: 277–278]. Дж. Дж. Фрэйзер со ссылкой на одного из авторов отмечает: «для американского индейца имя является вещью священной, и владелец не должен необдуманно разглашать его. Попросите воина любого племени назвать свое имя, и ваша просьба встретит либо прямой отказ, либо вам дипломатично дадут понять, что неясен смысл вопроса. Но лишь успеет подойти кто-то из друзей, как спрошенный индеец прошепчет нужный ответ ему на ухо. Друг имеет право назвать его имя, узнав в обмен на эту любезность имя человека, который задал вопрос» [Фрэйзер 1980: 280].

Однако, как справедливо определяет В.А. Никонов, «примитивные суеверия и могущественные религии мистифицировали имя» [Никонов 1974: 28]. В традиционной культуре имя непосредственно связано с судьбой человека. Имя мифологически отождествляется с его носителем, и вместе с тем оно обладает известной самостоятельностью, являясь объектом многих ритуалов [Агапкина 1995: 210, 212].

В культуре многих народов с древнейших времен сохраняется представление, что имя человека, став известным врагам, получает власть над ним [Происхождение ... 1995: 164]. Ю. Липс отмечает магическую силу имени [Липс 1999: 386]. «Страх, что знание имени человека может сделать его жертвой злых чар, побудил некоторые австралийские племена к тому, чтобы давать общеизвестные имена только детям, поскольку они слишком малы, чтобы иметь врагов» [Липс 1999: 386].

К. Леви-Стросс, исследуя мышление, мифологию и ритуальное поведение представителей ныне существующих первобытных обществ с позиций структурной антропологии, выявляет особенности образования имен собственных, в частности антропонимов. Так, ученый указывает на достаточно сложную систему личных имен у племен викмункан, которые живут в западной части полуострова Кейп-Йорк, и пенан, кочующих во внутренней части острова Борнео. Рассматривая системы наречения у викмункан, К. Леви-Стросс находит, что с одной стороны, их имена собственные производны от тотемов и зависят от сакрального и эзотерического знания, с другой – они связаны с социальной личностью и обусловлены совокупностью обычаев, ритуалов, запретов [Леви-Стросс 1994: 253]. Тем самым подтверждается идея многих исследователей о социальной составляющей имени. Имя выступает как элемент общественной жизни на определенных стадиях развития культуры этноса.

Взаимосвязь имени собственного и культуры общества рассматривает В.Н. Топоров в работе «Из теоретической ономатологии». В частности, ученый отмечает, что «имя собственное (*nomen proprium*) свойственно только человеку и функционирует только в человеческом обществе» [Топоров 2005: 376]. Ономастическая лексика социально окрашена, ее развитие обусловлено не только языковыми, но и внеязыковыми факторами [Кобрин 2008: 235]. Личные имена имеют социальный характер, так как «существуют в

обществе и для общества, оно и диктует неумолимо выбор их, каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны все и всегда» [Никонов 1974: 7–8]. Не отрицая социальной значимости имен собственных и тезис В.А. Никонова в целом, А.В. Суперанская, тем не менее, делает замечание относительно того, что данное свойство имени зачастую абсолютизируется [Суперанская 2009а: 235]. При этом исследовательница считает: имена собственные реагируют на все происходящее вокруг человека, в зависимости от эпохи, имеют свое социальное и культурное наполнение. Национально-культурное и социальное в имени собственном находятся во взаимосвязи [Суперанская 2009а: 36, 41]. «Социальная отмеченность имени воспринимается, прежде всего, в плане его функционирования в речи. Та или иная языковая форма имени обычно бывает продиктована конкретной лингвистической средой и спецификой ситуации общения, что позволяет одному и тому же человеку именоваться множеством различных способов, и каждый из этих способов по-своему социален» [Суперанская 2009а: 236].

Важность социокультурного фактора при рассмотрении имени собственного доказывает то, что эта сторона становится предметом анализа многих ученых. П.Ш. Габдрахманов разделяет мнение В.А. Никонова относительно социального характера имени и указывает на два его свойства важных для нас в контексте настоящего исследования: «выделение индивида из социальной группы и одновременно интеграция его в нее» [Габдрахманов 2002: 30]. Р.А. Агеева и К.В. Бахнян на материале русского языка описывают социолингвистический подход в ономастике, рассматриваемый как социально обусловленный пласт в лексике. Этот подход находит свое выражение в семантике онимических основ, в особенностях номинации, а также косвенно проявляется на всех языковых уровнях онимических систем. «Онимы, т.е. различные разряды собственных имен, – это зеркало социальной истории» [Агеева, Бахнян 1984: 5].

Вопрос о раскрытии социального аспекта в имени собственном подробно рассматривает Л.С. Красноперова. В частности, как определяет исследовательница, существование имени собственного тесно связано с общественным сознанием, проявляясь при функционировании антропонимов. Имя собственное имеет социальный характер, несет отпечаток того времени и общества, где было создано и использовалось. Имя соотносится с человеком-носителем языка, что в свою

очередь отражает менталитет социума [Красноперова 2004: 3–10]. «Антропонимы – это, прежде всего, социально-исторические образования, которые возникли и функционируют в конкретных условиях как необходимый элемент человеческого общения» [Красноперова 2004: 24]. Нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Рылова о том, что «антропонимы (имена, фамилии, а также отчества – в русском языке) являются важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом. Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена» [Рылов 2010: 4–5].

В результате межкультурной коммуникации, суть которой можно раскрыть на уровне общения людей, представляющих разные культуры [Боголюбова 2009: 17], происходит расширение культурных контактов, заимствование культурных ценностей. В этом отношении имена не являются исключением. Имена, употребляемые в одну эпоху, как определяет Л.П. Калакуцкая, взаимно влияют друг на друга, как внутри одного языка, так и в международном масштабе [Калакуцкая 1981: 23]. На межкультурный статус имени собственного указывает Д.И. Ермолович: «Любое использование иноязычного имени собственного в речи есть акт межъязыковой и межкультурной коммуникации и результатом его становится взаимодействие двух языковых и речевых систем, двух культурно-психологических традиций» [Ермолович 2001: 132].

Вышеизложенное дает основание утверждать, что, изучая антропонимы, находящиеся в плотной связи с этнокультурным пространством, следует учитывать не только географическое пространство, занимаемое этносом, но и «пространство» мироощущения и принадлежности к определенному этносу; религиозное и национальное сознание этноса.

§ 3. Антропонимика и европейская культура

3.1. Антропонимические традиции романской группы языков

Формирование антропонимической базы во многих языках сложилось в эпоху Средневековья. Например, в романской группе (испанский, французский, португальский языки) закрепляется система именования с обязательными личным именем и фамилией. Эта система отличается от существовавшей в латыни, доминантном языке периода Средневековья.

Испанские имена состоят из трех основных элементов: личного имени (исп. *nombre de pila*) и двух фамилий (исп. *apellido*). Особенностью структуры испанского имени является наличие сразу двух фамилий: отца (исп. *apellido paterno*, исп. *primer apellido*) и матери (исп. *apellido materno*, исп. *segundo apellido*). Отцовская испанская фамилия традиционно ставится перед фамилией матери, например *Pablo Ruiz Lorca*.

В Испании количество регистрируемых имен одного человека в официальных органах и при крещении различно: в первом случае может быть одно–два имени, во втором – неограниченное.

Как и во многих других европейских странах, в Испании существует определенный порядок имянаречения: старшему сыну дают первое имя в честь отца, а второе в честь деда по отцу, старшая дочь получает имя матери и имя бабушки по матери. Основным источником для выбора имени являются святцы [Рылов и др. 2010: 11].

Несколько иная традиция сложилась в Испании относительно имени Мария. В других католических странах его предпочитали не давать, так как оно ассоциировалось с Девой Марией. Мария – одно из самых распространенных женских имен в стране. Однако оно встречается и в качестве второго компонента в мужских именах: *Jose Maria* (Хосе Мария), *Fernando Maria* (Фернандо Мария). Девочкам зачастую дают имя Мария с добавлением различных титулов Богородицы, распространенных у католиков: *María de las Mercedes* (Мария Милостивая), *María de los Dolores* (букв. Мария Скорбящая), *María la Reina de los Ángeles* (Мария – царица ангелов), *María del Consuelo* (Мария Утешительница), *Maria de la Salud* (букв. Мария Здоровья), *María del Socorro* (Мария Помогающая). Такие имена значатся и в официальных документах. В обиходе эти имена сокращают до последнего компонента – Мерседес, Долорес,

Анхелес, Консуэло, Салуд, Сокорро. Данный факт иллюстрируется на примере имени *Carmen* (Кармен), относящегося к числу литературно закрепленных имен благодаря одноименной новелле П. Мериме. Имя Кармен входит в состав антропонима *Maria del Carmen*. Вторая часть имени, *Carmen*, обозначает гору в Палестине, где произошло явление Богородицы [Рылов и др. 2010: 9].

Религиозная культурная традиция проявляется и в том, что девочкам часто дают имена в честь чтимых икон или статуй Богоматери. Так, полное имя оперной певицы Монтсеррат Кабалье – Мария де Монтсеррат Вивиана Концепсьон Кабалье-и-Фолк (кат. *Maria de Montserrat Viviana Concepción Caballé i Folch*). Назвали ее в честь Марии Монтсерратской, почитаемой в Каталонии чудотворной статуи девы Марии из монастыря на горе Монтсеррат.

Следует отметить, что имя *Maria* может употребляться не только как имя собственное, но и как обозначение монеты в 12 реалов, печенья, погребального покрывала [Рылов и др. 2010: 81].

Португальская система именования по сравнению с испанской отличается большей гибкостью. Антропонимические модели в португальском языке сформировались в период Средневековья, причем они сходны с моделями других романских языков. При рождении ребенок может получить одно или два имени и до четырех фамилий. Традиционно в португальском языке выделяют следующие модели именования: двучленную, трехчленную и многочленную. В португальском, как и в других западнороманских языках, база имен формируется «исходя из потребностей общественной жизни и юридических институтов, существовавших и формирующихся в период Средневековья». Португальского языка коснулась волна заимствованных имен из латинского, греческого, древнееврейского (библейского), германского языков. Для португальского языка характерно также включение антропонимов из иберийского и баскского языков [Красноперова 2004: 12–15].

Франция – католическая страна, поэтому и там религиозные традиции оказали на именник большое влияние. Для того чтобы получить покровительство как можно большего количества святых, детям давали несколько имен, хотя в повседневной жизни, как правило, использовали только одно, первое имя (*prénom usuel* – обиходное имя). Порядок имен складывался следующим образом: если рождался первый сын, то ему давали имя деда по отцу + имя

деда по матери + имя святого, почитаемого в день крещения ребенка; первой дочери: имя бабушки по матери + имя бабушки по отцу + имя святого, почитаемого в день крещения ребенка. Тем не менее этот характер имянаречения не имел строго установленного порядка, и ребенку могли присвоить любые понравившиеся имена [см.: Французские имена // <http://kurufin.narod.ru/html/french.html>]².

У католиков кроме имени, полученного при крещении, могло быть еще и имя, выбранное при конфирмации (таинство миропомазания, который человек проходит в годы отрочества или юности, если он был окрещен ребенком, так как считается, что таинство должно совершаться над человеком в сознательном возрасте). Обычно в быту конфирмационное имя не используется, однако есть и примеры исторического закрепления конфирмационного имени. Французского короля Генриха III при крещении нарекли именем Эдуард-Александр. Первое имя он получил в честь крестного отца, английского короля Эдуарда IV, а второе имя – Генрих – при конфирмации, и известен был король исключительно под этим именем. Его брат Эркюль Франсуа (Франциск) де Валуа (фр. *Hercule François de Valois*) при конфирмации сменил имя на Франсуа в честь своего брата Франциска II, короля Франции.

Во Франции в течение многих веков осуществлялся переход от антропонимической модели Средних веков (имя, данное при крещении, + возможное прозвище) к модели современной (имя индивидуальное + имя наследственное). Французская антропонимическая модель двучленна (имя + фамилия): *Pierre Leblanc* (Пьер Лебланк), *Jean Dubois* (Жан Дюбуа), где имя (*prénom*) выступает первым элементом, а фамилия (*nom de famille*) – вторым [Матвеева 1986: 319].

² Материал на сайтах не всегда предполагает авторство, однако содержит ценную информацию о культуре, истории и т.п. европейских стран, в том числе в области антропониимики.

3.2. Антропонимические системы германской группы языков

Рассмотрим процессы формирования антропонимических систем германской группы языков.

На формирование немецкого антропонимикона существенное влияние оказала церковная традиция, введшая в немецкий обиход календари с установленными в них датами почитания святых. Эта традиция сохраняет свою силу и по сей день. При этом законодательство не ограничивает немцев в количестве имен для детей.

Т.В. Топорова, исследуя древнегерманские двучленные имена собственные, высказывает точку зрения, что картина мира древних германцев раскрывается в имени через основные семантические сферы – «пространство и время», «космология», «мир вещей», «социально-юридическая сфера» и т.д. [Топорова 1996: 126–132].

Особенностью исконно немецких имен из двух корней издавна было использование определенных основных слов только в мужских *-brand, -ger, -bert, -hart*: *Hildebrand* (Хильдебранд), *Ludger* (Людгер), *Albert* (Альберт), *Eberhard* (Эберхард) или только в женских именах *-hild[e], -held, -lind[e]*: *Brunhild[e]* (Брунхильд, Брюнхильда, Брунгильда), *Adelheid* (Адельхейд), *Gerlind[e]* (Герлинд(е)). Некоторые основные слова используются как в мужских, так и женских именах, например *-mut*: *Hartmut* (Хартмут), *Helmut* (Хельмут) – мужские имена; *Erdmute* (Эрдмуте) (также *Erdmuthе*) – женское имя.

Современные немецкие имена восходят к двум группам. Первая – это имена древнегерманского происхождения: *Karl* (Карл), *Ulrich* (Ульрих), *Wolfgang* (Вольфганг), *Gertrud* (Гертруда); вторая – иноязычные имена, пришедшие из католического календаря: *Johann* (Йоганн, Йоханн), *Anna* (Анна), *Katharina* (Катарина), *Margarete* (Маргарета(е)).

Значительная роль в формировании немецкого антропонимикона принадлежит протестантизму, в который Германия перешла в XVI в. «Протестанты сохранили католическую традицию – иметь два имени (иногда и больше), однако, поскольку состав их имен не ограничен календарным списком, имя может быть образовано практически от любого слова» [Суперанская 2007: 90]. Движение, принявшее форму борьбы против католической церкви, «положило начало новой разновидности христианства – протестантизму», реформация потребовала «отказа от личных имен, которые католическая церковь рекомендовала своим последователям» и «обращения к библейским именам» [Комова, Гарагуля 1998: 31].

Как видно из приведенных фактов, крупные исторические события зачастую сказывались на окраске имен собственных, мотивации выбора или, наоборот, забвении имени. В Германии периода Третьего рейха запрет был наложен на имена из Ветхого Завета, идеологическая подоплека фашизма заставила обратиться к древнегерманским именам, чтобы подчеркнуть свою связь с предками [Кисель 2008: 361].

Картина формирования антропонимикона Англии не менее разнообразна, чем в других европейских странах. Одними из предков англичан являются гаэлы. Складывающаяся у них антропонимическая система во многом повлияла на английское имянаречение. В основу антропонимической системы гаэлов были положены прозвища, подразделявшиеся на четыре разряда. Доминирующими являлись генеалогические прозвища, позволявшие выстроить родословную по отцовской линии. «В генеалогических прозвищах в основном использовался термин *mac ~ maq* – сын, реже другие: *ui* – внук; *fer* – муж, т.е. муж такой-то (ср. совр. НИ: *Macdonald < mac + Donnhall, Macrae < mac + Rath* и т.п.). Позже под влиянием германского *son ~ sunu* появляется у шотландцев *Ferguson < Fergus + son, Farquharson* и др. Возникают местные, т.е. оттопонимические имена: *Mannan* – с островов Мэн и т.п. Другие группы: *Mognuadatt* – раб Наудат; *Maclir* – сын моря (так гаэлы называли искусных лоцманов); *Brecc* – конопатый и т.п.» [Зайцева 1986: 38]. На сложность разграничения апеллятивной лексики и прозвищ в древнеанглийский период указывает О.А. Леонович. Всплеск интереса к древнеанглийским и средневековым именам наблюдался в XVIII в., что объясняется популярностью готического романа. В настоящее время присутствие в антропонимиконе Англии древнеанглийских имен минимально [Леонович 2002: 6–7].

Значительное влияние на формирование не только антропонимикона, но и английской культуры в целом, оказало норманнское завоевание. Норманны ввели германские имена, приобретшие французский оттенок: *Richard* (Ричард), *Hugo* (Хьюго), *Gerard* (Джерард), *William* (Уильям) и др. Впоследствии имя *William* (Уильям) было одним из наиболее популярных на протяжении пяти веков. Интересный факт связан с фиксацией женских имен в «Книге Судного дня», где женские имена упоминались после описи скота [Зайцева 1986: 39–40, Леонович 2002: 21]. В пьесах Шекспира женские персонажи вне зависимости от статуса перечислялись после слуг. Тем не менее можно сказать, что в тройку самых

популярных женских имен с 1600 по 1800 г. входили *Elizabeth* (Элизабет), *Mary* (Мэри) и *Anne* (Анна). Популярность этих имен объясняется как религиозными соображениями, так и тем, что эти имена носили коронованные особы [Зайцева 1986: 40].

Начиная с XIII в. английский именной претерпевает изменения в сторону «уменьшения количества имен, возрастания их частотности, «концентрации имени» [Кисель 2008: 360]. Английский католик был свободнее в своем выборе: например в 1200 г. самым распространенным крестильным именем в Англии было Уильям – имя, на тот момент не имевшее никаких связей с католическим календарем. В XVI в. Тридентский собор строго осудил использование имен для крещения, не входящих в святцы, но действия это не возымело.

Изменения в английском именнике произошли в начале XVII в. Борьба с католичеством коснулась и корпуса имен – было решено отказаться от святцев и обратиться к именнику Ветхого и Нового Заветов. Этот процесс ознаменовался творчеством, в результате появились имена Черити (благотворительность), Честити (непорочность), Верити (истина), Мерси (милосердие). Пуритански настроенная часть граждан ввела в оборот такие имена, как *Everlasting-Mercy* (Бесконечное-Милосердие), *Sorry-for-Sin* (Сожалею-О-Грехе), *Faith-My-Joy* (Вера-Моя-Радость), *Search-the-Scriptures* (Изучай-Писание), *The-Work-of-God* (Божья-Работа), *Stand-Fast-on-High* (Вознесись-Поскорее), *Fight-the-Good-Fight-of-Faith* (Борись-За-Добро-Борись-За-Веру), *Flie-Fornication* (Избегай-Прелюбодеяния), *God-Reward* (Божие-Воздаяние). Сделано это было с целью отделения пуритан от безбожников [Кисель 2008: 360, Леонович 2002: 9].

Для английской системы именования характерно трехкомпонентное именование: первое имя (*first name, christian name, given name*), второе имя (*middle name*) и фамилия (*name, surname, last name*).

Фамильное имя находится во взаимосвязи с личным именем. «В отфамильных именах можно определить, какие личные имена они содержат» [Гарагуля 2010: 49]. Фамильные префиксы *O-*, *Mac-* (сын) распространены также среди шотландцев и ирландцев [Леонович 2002: 22]. Тесное взаимодействие и взаимопроникновение английских личных имен и фамилий привело к тому, что часто бывает трудно отличить одни от других. В таких именовании, как *William Henry* (Уильям Генри), *Singlair Lewis* (Синглэр Льюис),

James Thomas (Джеймс Томас) и др., значение составляющих имен может быть раскрыто лишь через словорасположение: фамилия, как правило, замыкает такой словесный ряд [Рыбакин 2000: 7].

Процесс образования английских личных имен от фамильных, начавшийся в Средние века, сохранился до настоящего времени. Традиция использования фамилий в качестве личных имен возникла в высших слоях общества в почетных и уважаемых семьях в XVI–XVII вв. В англоговорящих странах создание отфамильных личных имен продолжается до сих пор. Этот процесс более продуктивен в США и Шотландии, нежели в Англии и Уэльсе [Гарагуля 2010: 50–51].

В истории Великобритании можно проследить динамику развития личных имен, среди которых исторически выделяются кельтские, римские, древнегерманские, древнескандинавские, нормандские, библейские, пуританские имена, имена Реформации, заимствованные и современные имена [Комова, Гарагуля 1998]. А.В. Плотникова отдельно выделяет имена собственные, образованные от названий цветов и драгоценных камней: *Blossom, Daisy, Ruby* и др. [Плотникова 2010: 11].

Европейская культура, и английская в частности, оказала огромное влияние на формирование американского антропонимикона. Американцы – нация переселенцев, сложившаяся в конце XVIII в. из англичан, ирландцев, шотландцев, валлийцев, голландцев и др.

В Соединенных Штатах Америки наряду с двучленной моделью, состоящей из личного, или индивидуального, имени (имеется в виду имя, данное при крещении, например англ. *baptismal name*, т.е. имя в отличие от фамилии – англ. *Christian name, given name, personal name, first name*, а также *prename* и – реже – *forename*) и присоединяемого к нему второго имени, общего для всех членов семьи, к которой принадлежит тот или иной человек, т.е. фамилии, или фамильного имени (англ. *surname, family name, last name*), все чаще встречается трехчленная антропонимическая модель: «два личных имени (или индивидуальное имя + среднее имя) + фамилия» [Скрозникова 1986: 27].

Для культуры англоговорящих стран характерно использование уменьшительных форм, производных личных имен (англ. *short names, pet names, familiar names, diminutives* и т.д.), имеющих несколько иной оттенок, чем в русской культуре, в результате чего употребление краткого имени с фамилией политика, актера или певца воспринимается вполне адекватно. Так, 42-й президент США

упоминался в прессе как Билл Клинтон (*Bill Clinton*), в то время как полное имя – Уильям Джефферсон Клинтон (*William Jefferson Clinton*).

В американском английском говорящий может использовать более одной формы личного имени для одного и того же адресата. Это может быть и первое имя, может быть и фамилия, и прозвище или же фонетический вариант первого имени или прозвища [Вежбицкая 1997: 197].

К. К. Эванс в статье *Baby Naming trends* («Тенденции выбора имени ребенка») отмечает, что сегодня многие молодые родители в США предпочитают, чтобы имя их ребенка отражало его этническую принадлежность. Хотя эти имена могут быть и необычны для страны, в которой родился ребенок, родители делают свой выбор в пользу имен, пользующихся популярностью на родине их предков. В 1960-х гг. жители Америки, выходцы из Африки, или афроамериканцы, – начали давать своим детям африканские имена. Даже многие взрослые люди поменяли свои имена, данные при рождении, на африканские или мусульманские. По причине того, что рабам из Африки часто присваивали фамилии их владельцев и общие личные имена, наречение младенцев африканскими именами стало для афроамериканцев определенным вектором возрождения своего исторического наследия. Однако только несколько подлинных африканских имен, таких как *Ayana* (Аяна), *Kwame* (Кваме) и *Jabari* (Джабари), получили распространение в афроамериканской общине. Мусульманские имена *Iesha* (Иеша), *Jamal* (Джамаль), *Malik* (Малик) и *Aaliyah* (Алиях) популярны в последнее время даже среди афроамериканцев.

В 70-х гг. XX в. среди афроамериканцев распространилась тенденция создавать новые детские имена, комбинируя набор модных звуков и слогов. Имена для девочек, образованные таким способом, называются *Lakeisha*-имена. Они создаются путем соединения модного префикса, например *Sha-*, *La-*, *Ka-*, *Shan-* или *Tu-* с модным суффиксом, к примеру *-isha*, *-ika*, *-onda*, *-ae*, *-ique* или *-ice*. Ударение в таких именах почти всегда приходится на второй слог.

В 70-х и 80-х гг. XX в. имена, первый компонент которых был *La-*: *Lashonda* (Лашонда), *Lashay* (Лашай), – являлись самыми популярными в Америке. В 90-х годах в моде были имена с префиксом *Sha-*: *Shameka* (Шамека), *Shanae* (Шанаи) и *Shaniqua* (Шаниква). В 2004 г. особым успехом пользовались имена, начинаю-

щиеся на *Ja-* или оканчивающиеся на *-iyah*: *Jakayla* (Джакайла), *Jatya* (Джамья), *Janiyah* (Джаниях) и *Taniyah* (Таниях). Зачастую родители стремятся создать для своего ребенка особое, уникальное имя, и многим из них это удается. Даже в таких крупных американских штатах, как, например, Пенсильвания, каждый год какая-нибудь афроамериканская девочка получает уникальное имя, которое больше нигде не встречается.

Исторически сложилось так, что первое поколение иммигрантов из Европы и Азии пытались перенять традиции американской системы имянаречения человека. Однако, полностью не приняв новую американскую культуру, они часто нарекали своих детей несовременными именами. Например, недавние иммигранты из Китая и Кореи предпочитали давать новорожденным девочкам имена *Linda* (Линда) или *Eunice* (Юниса).

Второе поколение иммигрантов обычно дают своим детям имена, не отличающиеся от общепринятых в современном обществе, в то время как представители третьего и четвертого поколений нередко возрождают имена своих предков. Многие американцы ирландского происхождения начали этот процесс в 40-х гг. XX в., вновь введя в обиход в Америке такие традиционные ирландские имена, как *Sean* (Шон), *Kevin* (Кевин), *Sheila* (Шейла) и *Caitlin* (Кейтлин), – впоследствии ставшие популярными. Эта тенденция наблюдалась и среди американцев итальянского происхождения, которые начиная с 90-х гг. XX в. значительно увеличили использование таких традиционных итальянских имен, как *Isabella* (Изабелла), *Gianna* (Джанна), *Lorenzo* (Лоренцо) и *Leonardo* (Леонардо).

Традиционно американских детей испанского происхождения называют именами святых. Американским мальчикам испанского происхождения нередко дают имена, связанные с Евангелием: *Jesus* (Иисус), *Angel* (Ангел) и *Salvador* (Спаситель). Девочек часто называют в честь Девы Марии, используя слова из ее благочестивых титулов [Evans: ЭР].

Группа имен, интересующая нас в контексте настоящего исследования, – скандинавские имена.

Скандинавия всегда была довольно обособленным культурным регионом, что во многом объясняется географическим положением. Народы, жившие севернее и восточнее, не оказывали на нее значительного влияния. Такая культурная обособленность в эпоху викингов сказывалась и на распространении имен [Роэдаль 2001]:

27]. Аналогичные процессы легко прослеживаются по географическим названиям, в состав которых входят имена собственные. В географических наименованиях чаще встречаются мужские имена, нежели женские.

Основным источником информации об именах собственных периода викингов являются руны, повествующие о викингах. Собственно руны, а именно надписи старшими рунами, представляют собой источник имен собственных. Общий запас слов этих надписей поразительно велик, и исключительно богат фонд личных имен [Вессен 2007: 102]. Имена собственные имели территориальные ограничения по своему хождению, хотя и была группа имен (Торстен, Ульф, Грим), распространенная на всей территории скандинавских стран [Роэсдаль 2001: 47].

Г.Б. Бедненко в статье «Имена в скандинавском мире» приводит классификацию имен собственных, в ее основу положен семантический признак. Исследовательница выделяет имена-ожидания, которые в свою очередь подразделяются на помощников и защитников, означающие любовь и пожелание удачи, храброго воина, грозу врагов или подругу воина; следующую группу образуют имена-обереги; третья группа состоит из имен-прозвищ. Прозвища заменяли имя, описывали внешность, характер человека или его возраст, характеризовали человека по роду его занятий, выдающимся умениям, социальному положению и стране происхождения. Последнюю группу представляют имена, являющиеся отражением религиозных представлений [Бедненко: ЭР].

Имена викингов заложили основу этнического пространства скандинавского антропонимикона. Викингов именовали в честь языческого бога Тора, имена в честь животных употреблялись как самостоятельные, так и составная часть. Эти группы имен продолжали существовать и в период принятия и распространения христианства [Роэсдаль 2007: 47]. В скандинавском ономастиконе зооморфная символика имен занимает особое место. Мифы германо-скандинавских народов в полной мере свидетельствуют об этом. В качестве воина мужчину могли сравнить с сильным медведем *-björn*: *Ásbjörn* (Асбьёрн – медведь асов), *Ingibjörn* (Ингибьёрн – медведь Инга), *Styrbjörn* (Стюрбьёрн – буйный, яростный медведь); или воинственным волком *-ulf*: *Helgulf* (Хельгульфр – священный волк), *Ulfrekr* (Ульфрекр – король, предводитель волков), *Ulfvaldr* (Ульфвальдр – владыка волков), а также с птицами, доминирующими на поле боя,

скажем орлом *arn-*: *Arngeirr* (Арнгейрр – копье орла, орлиное копье); *Arnmundr* (Арнмундр – орел-защитник) и вороном (др.-швед. *Ramn*): *Bertram* (Бертрам), *Wolfram* (Вольфрам).

Следующий этап в развитии скандинавского антропонимикона относится к периоду Средневековья и связан с принятием христианства. В Дании (ок. 960), Швеции (X в.), Норвегии (XI в.) христианизация происходила насильственно.

В Исландии христианскую веру приняли добровольно в 1000 г., старые культуры существовали наряду с христианством. Христианские имена в Исландии воспринимались как чужеземные, и долгое время еще бытовали родовые, языческие имена. Когда же крестильные имена стали основными, они превратились в те же имена родовые и семейные, впрочем, на чужом и незнакомом языке. Имена потеряли свой первоначальный смысл, но и с христианской традицией они также оказались в разрыве [Анохин 1986: 278–279].

Христианство способствовало введению вариантов христианских имен: *Margrét* (Маргрет – Маргарита), *Níls* (Нильс – Николай), *María* (Мария); появлению двусоставных имен, бытовавших в скандинавских странах, например, *Kristmundur* (*Kristr*, Христос + *mund* ‘защита’), *Kristbjörg* (*Kristr* + *björg* ‘помощь, спасение’). Сравним традиционные *Sigmundur* – защитник победы; *Aðalmundur* – благородный защитник, *Gunnbjörg* – помогающая в битве; *Sigurbjörg* – помогающая в победе [см.: Исландские имена // <http://kurufin.narod.ru/html/icelandic.html>].

Н. Парменова, описывая этнокультурные особенности средневековой Исландии, среди прочих обычаев отмечает и традицию наделения предметов личными именами. Эта традиция «находила также свое проявление в своеобразном понимании соотношения между вещью и ее обладателем. На объект владения переходит частица личности самого владельца, отчего самый этот предмет приобретает некоторые черты его обладателя» [Парменова: ЭР].

Наряду с личными именами у скандинавов в период Средневековья активно бытовали имена-клички, о чем свидетельствуют письменные источники. Г.И. Анохин видит в этом большую вариативность для выделения индивидуума по сравнению с другими типами антропонимов. Так, норвежец *Erik Rede* (Эрик Рыжий), исландец, открывший Гренландию и первым из европейцев ставший ее жителем, обладал столь же единственным и оригинальным именем, как и шведский король *Magnus Ladulås* (Магнус – Амбарный замок), получивший свое уважительное и шуточное историческое

имя-прозвище за то, что пекся о сохранности скота земледельцев и призывал вешать замки на коровники [Анохин 1986: 282–283].

В скандинавском мире существовали родовые и династические имена. О различиях в понимании данных терминов пишет в своей монографии «Имя и власть» Ф.Б. Успенский. В роду конунгов наследнику должны были выбрать «правильное» имя, при выборе имени учитывались не только родовые связи, но и политические. Имя могли дать в честь полезного соседа, либо в честь легендарной личности, «важность понятия рода, родовых связей для монарха лишь усиливалась по сравнению с обычным человеком, но порой род мог трактоваться здесь расширительно. Благодаря этому династические имена оказываются, с одной стороны, даже еще более устойчивыми и консервативными, чем просто родовые, однако, в то же время, именно они порой оказываются более проницаемыми для новшеств» [Успенский 2001: 11].

Как отмечает Ф.Б. Успенский, среди всех сословий в христианский период имя считалось инструментом воздействия на судьбу. Процесс христианизации оказывал определенное влияние на формирование скандинавского антропонимикона, при этом достаточно долго сосуществовали языческие и христианские имена. Несмотря на различия в процессах формирования антропонимикона Дании, Швеции и Норвегии, исследователь подчеркивает очевидность синхронности процессов усвоения христианских имен, которые осуществлялись в едином культурном пространстве в этих странах [Успенский 2001: 9–15].

3.3. Антропонимические традиции в славянских странах

Обратимся к традиции имянаречения в славянских странах. Л.Н. Алешина отмечает, что антропонимы славянских языков имеют много общего в силу генетической близости языков и сходства экспрессивных систем [Алешина 2009: 61]. Для польского языка характерна четкая гендерная противопоставленность имен, что выражается и грамматически: все женские имена оканчиваются на *-a*, все мужские на согласный или на *-o*. Характерное противопоставление по полу проходит через всю систему экспрессивного словообразования [Вежбицкая 1997: 149]. В соответствии с традицией поляки как католическая нация выбирают имена из церковного календаря. В возрасте 9–10 лет, когда ребенка приводят на первое причастие, он вправе выбрать себе третье имя. Этим именем

ребенок нарекается обычно в честь святого, которому он хочет подражать. Третье имя, однако, не используется в быту и в официальной документации. «Сохранение элемента официальности даже в интимных отношениях – отличительная черта традиционной польской культуры, что находит свое отражение и в антропонимике» [Алешина 2009: 61].

Н.И. Толстой и С.М. Толстая приводят следующий пример: согласно славянским представлениям, дети, умершие до крещения превращаются в демонов, а души некрещенных детей просят дать имя. Все это заставляло родителей торопиться с обрядом крещения. Как отмечают исследователи, присвоение ребенку календарного имени было самым распространенным явлением. Однако и здесь не обходится без поверий – ребенку дают имя того святого, день которого празднуется после его рождения, иначе ребенок не будет расти [Толстой, Толстая 2000: 600–601].

Наречение детей именами родителей, дедушек и бабушек характерно для всех славянских народов, однако в каждом есть свои определенные особенности. Например, сербы старались давать уникальные имена, чтобы они не повторялись не только в семье, но и в местности: по поверьям, ношение уже имеющегося в роду имени наносит вред его первому носителю. Неоднозначна позиция различных славянских народов относительно передачи имени умершего человека новорожденному. У сербов Восточной Герцеговины личное имя должно как можно дольше сохраняться в семье [Толстой, Толстая 2000: 603]. Табуированию на произношение истинного имени подвергались имена членов семьи при вступлении женщины в брак, имена умирающего, умершего или погибшего человека [Толстой, Толстая 2000: 610–612].

У болгар, сербов, черногорцев перевод греческих имен на славянский язык широко распространен до наших дней: Федор – Божидар, Макарий – Благ, Блажко [Мадиева, Супрун 2010: 97].

До 1917 г. процесс имянаречения в России опирался на святцы и православный обряд крещения (А.В. Суперанская, М.Э. Рут, В.Д. Бондалетов). Разграничения между именем собственным и прозвищем не существовало. Об этом свидетельствует факт наличия в древнерусском языке для обозначения имени собственного слов «рекло», «назвище», «прозвище», «название», «прозвание».

Значительную роль в становлении и обновлении русской антропонимической базы сыграли периоды принятия христианства и его насаждения. М.Я. Блох и Т.Н. Семенова в монографии «Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике» отмечают факт огромного влияния христианства на культуру народов, что не могло не сказаться и на антропонимике. «Под влиянием церкви в лексикон стали включаться канонические христианские и библейские имена, образованные от нарицательных основ древних языков: латинского, греческого, еврейского, египетского и других» [Блох, Семенова 2001: 4]. В обиход стали входить имена греческого и еврейского происхождения. Это в свою очередь породило специфическую культурную традицию двойного именования: наряду с именем, данным при рождении, присваивали крестильное имя. Именно греческая система именования византийской эпохи, по мнению А.А. Белецкого, стала основным источником восточнославянской антропонимике [Мадиева, Супрун 2010: 96]. Кроме того, как отмечает А.В. Суперанская, византийские имена приобрели «русскость» за тысячелетнюю историю, чему способствовали разрыв с языком–первоосновой и фонетическая и морфологическая ассимиляция [Суперанская 2009а: 218].

Наречение имени ребенку не должно быть случайным, необходимо, чтобы в нем был смысл, намерение сохранить добрую преемственность рода, выразить почтение и уважение к тому, ради кого имя дается – выдающийся ли то человек или, что еще гораздо лучше, – святой и праведный. Надо, чтобы получивший славное имя оправдывал такую честь всей своей жизнью [Худошин 2010: 57].

Развитие русского антропонимикона в принципе сводится к борьбе исконно русских единиц с заимствованными. Процесс вытеснения исконных антропонимов заимствованными длился достаточно долго и завершился лишь к XVII в. ввиду того, что христианство легло на почву с достаточно прочными языческими корнями [Ильичев 2009: 246–247]. Подобные «разногласия» между исконно славянскими и заимствованными именами, а также «расхождение между антропонимией и нарицательной лексикой оказывается по большей части результатом взаимодействия культур и может быть признано показателем сложной культурной эволюции» [Белецкий 1972: 78].

На материале именования новгородцев в деловой письменности А.А. Ильичев предлагает типологию именования и выделяет следующие структуры и их антропонимические формулы:

– одночастные структуры (имена священнослужителей, имена светских людей);

– двучастные структуры (имя + патроним, личное имя + отчество, личное имя + фамилия, личное имя + прозвище, личное имя + профессия, личное имя + матроним, личное имя + компонент, не поддающийся идентификации, личное имя + патроним отца);

– трехчастные структуры (личное имя + патроним + фамилия, личное имя + отчество + фамилия, личное имя + патроним + прозвище, личное имя + патроним + профессия, непродуктивные структуры);

– многочастные структуры.

Закрепившаяся и сохранившаяся в настоящее время русская формула имя + отчество + фамилия представляется уникальной и стала культурно-историческим феноменом русского национального языка [Ильичев 2009: 247–250].

Русские мужские и женские имена отличаются по внешней форме. Так, мужские имена обычно оканчиваются на твердый согласный: Семен, Август. Или на *-ий*: Юрий; женские имена на *-а* или *-я*: Анна, Валерия. Однако в корпусе имен выделяются мужские имена, оканчивающиеся на *-а* или *-я*: Никита, Кузьма, Илья и другие [Суперанская, Сулова 2010: 10–11].

Церковь строго регламентировала русский именник и запрещала использовать некоторые имена, не включенные в официальные списки. К числу таких имен относились, например Ярослав (имя в святцах отсутствовало), Святослав, Бронислав, Мечислав (имена считались католическими). Клементина, Клара, Альберт, Леонард (считались лютеранскими).

Первое имя – настоящее, данное при крещении; вторым, позже придуманным именем, называли данное лицо на практике чаще, чем настоящим. Предполагалось, что двумя именами можно «обмануть смерть». Примечателен тот факт, что в русской церковной традиции не разрешалось долгое время давать имена в честь Иисуса Христа и Богородицы. Отдельную категорию, по замечанию А.В. Суперанской, образуют монашеские имена, «мало знакомые миру, и имена

схимников; нельзя забывать и о старообрядцах с их архаическими традициями в именовании» [Суперанская 2009а: 219].

Дети великого князя киевского Юрия Долгорукого в летописях зафиксированы под именами, принятыми при крещении, – Андрей Юрьевич Боголюбский, в то время как его братья вошли в историю под дохристианскими именами – Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (в крещении – Дмитрий), Ростислав Юрьевич. Сыновья Владимира Крестителя Борис и Глеб, убитые Святополком Окаянным, были канонизированы Русской православной церковью и стали первыми русскими святыми. Тем не менее православная церковь почитала этих князей не под христианскими именами (Роман и Давид), а под мирскими; тем самым произошло введение этих имен в православный именованослов. Однако эти примеры – исключение из общей тенденции [Кулабухов 2007: 50].

И только когда христианские имена «обросли» ассоциациями агиографического, культурного, фольклорного, исторического характеров, обрели краткие и деминутивные формы и стали восприниматься как русские, потребность в понятном имени отпала, а сами некалендарные имена перешли, как считает В.К. Чичагов, в разряд прозвищ [Чичагов 1959: 29].

Первые попытки фиксации русского именика относятся к XI в.: в «Изборнике» (1073) было дано объяснение некоторым именам, заимствованным из других языков. В XVI в. Максимом Греком было составлено «Толкование имен по алфавиту». Существенную роль в фиксации русского антропонимикона сыграли Азбуковник – список непонятных иностранных слов с их кратким объяснением (обычно глосс к текстам). В число таких слов входили и имена собственные. К самым ранним антропонимиконам относят «Новгородскую кормчую книгу» (1282). Другим важным источником формирования антропонимической базы служили Четьи-минеи. Четьи-минеи – то же, что четьи (то есть предназначенные для чтения, а не для богослужения) – книги житий святых православной церкви. В них повествования излагаются по порядку месяцев и дней каждого месяца, откуда и название минеи (греч. *μηνιαίος* – месячный, одномесячный, длящийся месяц) [Соколова 2008: 148].

В.Д. Бондалетов указывает на невозможность классифицировать имена периода становления русского антропонимикона ввиду

их чрезвычайной разветвленности и разнообразия форм происхождения [Бондалетов 1983: 83]. Тем не менее одна из попыток классификации была предпринята в «Словаре древнерусских личных собственных имен» (1903), составленном Н.М. Тупиковым. Среди зафиксированных в словаре 5300 мужских и 50 женских имен выделяются: числовые имена, отражающие порядок рождения детей в семье; имена, данные по внешним признакам, цвету волос и кожи, с особенностями телосложения; имена, связанные с чертами характера, привычками и поведением; имена, отражающие желанность или нежеланность появления ребенка в семье, отношение родителей к ребенку; имена, связанные со временем года, в которое родился ребенок; имена, связанные с животным и растительным миром (вполне возможно, такие имена отражали тотемические верования предков); имена, связанные с поверьями, что «плохие» слова в состоянии отвращать злых духов, болезни, смерть; имена, связанные с соседними народностями [Бондалетов 1983: 98–99].

Мощным катализатором в обновлении антропонимической базы в XVII в. стала церковь в результате реформ патриарха Никона в 1650–1660-е гг. В это время начали формироваться три четко противопоставленные друг другу группы имен: народная (разговорная), литературная и церковная.

Одной из целей реформ стало исправление старых церковных книг, в которых из-за множественного переписывания содержалось большое число неясностей, ошибок и разночтений. Патриарх Никон решил унифицировать церковную службу и исправить ошибки в богослужебных книгах, в том числе в минеях и святцах [Бондалетов 1983: 104]. А.В. Суперанская и А.В. Сулова отмечали *«Никоновская “справа” церковных книг не могла вернуть русским именам их греческий облик, потому что они его никогда не имели. Имена бытовали у нас в “ославяненном” виде, благодаря этому они сравнительно легко проникали в живой разговорный русский язык. Никоновские реформы лишь увеличили вариантность в написании имен, отдалив официальный церковный перечень имен от тех форм, которые бытовали в народе»* [Суперанская, Сулова 2010: 68–69].

Размежевание церкви и государства в России после революции 1917 г. привело к тому, что гражданская регистрация привела к утрате церковного календаря и соответствующей традиции. В 1920-е гг. произошла глубинная и коренная перестройка в процессах имянаречения в российском обществе, следствием которой

явилось объединение русского именника за счет увеличения частотности имен-лидеров [Володина 2009: 107; Кисель 2008: 156; Мадиева, Супрун 2010: 98].

В 1924 г. «в календарях ГИЗа проявляется тенденция осовременить старый состав имен, в частности, удалить плохо согласующиеся с нормами живого русского языка церковные имена, ввести народные разговорные и литературные формы имен вместо форм церковнославянских» [Суслова 1979: 306]. В советский период (1917) в обиход вошли иностранные имена, чему способствовала переводная литература и драматургия, театр, кино. Например, Артур и Джемма («Овод» Э. Л. Войнич), Спартак (одноименный роман Р. Джованьоли) – имена главных героев культовых романов [Бондалетов 1983: 130–131]. Некоторые новые заимствования отчасти были связаны с именами деятелей европейского рабочего и коммунистического движения начала XX в., организаторов народных восстаний, бунтов. В связи с этим в обиход вошли имена Клара, Роза (в честь Клары Цеткин и Розы Люксембург), Марат, Жанна (в честь Жанны д'Арк). Подобно тому как в христианстве новорожденный нарекался в честь святого, так и в послереволюционную эпоху ребенок получал имя в честь того или иного чем-то прославившегося революционного деятеля. В этом проявлялась убежденность, что вместе с именем ему передаются свойства того человека, в честь которого его назвали, и (или) он получит его заступничество, патронаж [Душечкина: ЭР].

С ходом истории одни имена исчезают (с принятием на Руси христианства большая часть древнерусских имен постепенно выходит из употребления); другие появляются – таковы имена, появившиеся в России после Октябрьской революции; третьи видоизменяются, заимствования ассимилируются. Так, имена Иван, Анна, Мария кажутся нам исконно русскими, хотя пришли из других языков.

Сделаем выводы

Взгляды, концепции и теории имени собственного сменяются в зависимости от мировоззренческих установок той или иной эпохи, философской школы. Особенно часто смена антропонимических парадигм обнаруживается при смене эпох. Начиная со Средневековья, процесс теоретического осмысления антропонимики протекает с большей интенсивностью. Постепенно расширяется круг гуманитарных дисциплин (культурология, философия, этнография, литературоведение), демонстрирующих концептуальные подходы к имени собственному. Изучение имени собственного выходит за пределы собственно лингвистики и тесно взаимосвязано с культурным контекстом.

Процессы имянаречения в памятниках мировой литературы: Библии, «Старшей Эдде», «Младшей Эдде» и связанные с имянаречением древнейшие антропонимические обычаи и их свойства свидетельствуют о важности для человека имени собственного и определяют начальную стадию формирования этнокультурного пространства имени.

Антропонимы как особый класс имен собственных отражают национальную и культурную составляющую этноса. Это особо проявляется в традициях имянаречения и выбора имени. Изучение антропонимических систем в рамках европейской культуры в диахронии и синхронии с учетом системных критериев выделения аспектов анализа антропонимов позволяет определить его как часть этнокультурное пространства.

Антропонимы, взаимодействуя с лексической системой языка, демонстрируют особые отношения имени собственного с языком. Так, личные имена, в том числе и имена святых, в испанском языке могут фигурировать как нарицательные: *hierba de San Juan* – венок с желтыми цветами; *hierba de San Roberto* – разновидность герани; *sanjacobo* – бифштекс с сыром. В русской культуре встречаем анютины глазки, иван-чай, иван-да-марья, иванова трава, марьян корень.

Функционирование антропонимов как единиц лексического состава в фразеологических единицах – пословицах, поговорках, приметах: русск. *Федул губы надул, пришел Прокоп – разрыл сугроб; я тебе про Фому, а ты мне – про Ерему*; англ. *a Juda's kiss* (поцелуй Иуды, Иудино лобзание, предательский поступок); англ. *as poor as Job* – (беден как Иов, т.е. нищий человек); нем. *Abrahams Schoß*

sitzen (сидеть в лоне Авраамовом, т.е. жить как у Христа за пазухой) – свидетельствует о том, что имя – одна из составляющих этнокультурного пространства.

Несмотря на наличие сходных элементов у европейских народов в системе имянаречения человека (личное имя, фамилия), существуют некоторые различия, обусловленные самобытностью антропонимических систем. Так, испанские имена состоят из трех основных элементов: личного имени и двух фамилий (отца и матери). Отцовская испанская фамилия традиционно ставится перед фамилией матери, например *Pablo Ruiz Lorca*. Для английской системы именования характерно трехкомпонентное именование: первое имя, второе имя и фамилия, например *Charles Philip Brown*.

В Средние века религия оказывает влияние на европейскую цивилизацию и на ее антропонимическую базу, процесс имянаречения в европейских странах опосредован церковным календарем. Для антропонимических новообразований церковь старается найти семантические эквиваленты (сравн. *Фотиния* – имя *Светлана* в России).

Процесс имянаречения, традиция обращения к человеку в обществе по имени выходят за рамки лингвистики и делают имя собственное важным социокультурным феноменом (напомним о сакральном характере имени в первобытном обществе).

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ШВЕДСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Проблемы формирования и становления антропонимической системы шведского языка, определение состава и типологии антропонимических единиц, функционирования имени в социуме, выявление лингвокультурных и лингвострановедческих факторов, оказывающих влияние на выбор имени, изучение антропонимов в лексической системе шведского языка образуют круг проблем, решение которых даст возможность определить национально-культурную специфику шведских личных имен, фамилий.

§ 1. Терминологические сведения о антропонимах

Основными элементами шведской системы имен являются личное имя (*förnamn*), фамилия (*efternamn*) и вторая фамилия (*mellannamn*). Для шведской антропонимии характерна система наречения человека несколькими личными именами (*flernamnsystem*). Они могут быть как исконно шведскими (*inhemska namn*), так и заимствованными (*inlånade namn*). Среди имен выделяют односоставные (*enledade namn*), двусоставные (*tvåledade namn*), а также двойные личные имена (*dubbelnamn*). А. Риббинг утверждает, что в Швеции существует приблизительно 214 тысяч личных имен, из них 95 тысяч мужских и 119 тысяч женских [Ribbing 2005: 3]. И. Валленстин констатирует факт регистрации в Швеции более 240 тысяч личных имен. Одна из причин такого многообразия – внесение в компьютерную базу данных вариантов написания личных имен как отдельных имен. Это означает, например, что *Karl* и *Carl*, так же как *Elisabet* и *Elisabeth*, – разные имена. Другая причина возникновения все большего количества личных имен заключается в том, что каждое новое поколение шведов оставляет свой след в статистике. И наконец, третья причина: современные родители любят придумывать для своих детей новые имена [Wallensteen 2008: 11].

В Швеции принято к человеку обращаться по первому личному имени (*det första förnamnet*). Такой антропоним носит название основного (*tilltalsnamn* или *huvudnamn*). Для имени *Anna Maria* (Анна Мария) это будет *Anna*, если только не сообщат, что *Maria* – основное имя. Подтверждением тому – имя известного шведского писателя – *Johan August Strindberg* (Юхан Август Стриндберг), где

August выступает как *tilltalsnamn*. В качестве обращения могут использоваться максимум два имени, скажем *Anna Maria*. Если поставить дефис, этот антропоним уже будет считаться одним первым именем (*det första förnamnet*) – *Anna-Maria* (Анна-Мария). К. ван Луик отмечает, что представители высшего общества и члены королевской династии обычно имеют четыре и большее количество личных имен (*förnamn*) [van Luik 2009: 172]. Имя, служащее обращением к человеку, родители для ребенка выбирают сами, в то время как вторые личные имена (*andranamn* или *sidonamn*), как правило, связаны с родственниками по линии отца или матери. Например, если человека зовут *Ulf Jan-Erik Fridolf* (Ульф Ян-Эрик Фридольф), то имя *Jan-Erik* может носить один из дедушек, а имя *Fridolf* – дядя со стороны матери.

До появления понятий *efternamn* (фамилия), *familjenamn* (фамильное имя), *släktnamn* (родовое имя) существовало понятие *tillnamn*, которое обозначало профессию, допустим *Smed-Johan* (Кузнец-Юхан), или характеризовало внешность человека *Erik Röde* (Эрик Рыжий), *Harald Blåtand* (Харальд Голубой зуб), либо откуда он родом – с какого хутора или двора. Так, если человека звали *Pers Margit* (Перс Маргит), то это означало *Margit från gården Pers* (Маргит с хутора Перс). В понятие *tillnamn* могли входить и патронимы – *Andersdotter* (Андерсдоттер), *Svensson* (Свенссон) и т.д. [Martenius: ЭР].

Скандинавские ученые не пришли к единому мнению по вопросу однозначной трактовки понятия *tillnamn*. Шведская исследовательница Э. Брюлла определяет *tillnamn* как общее для обозначения родового имени (*släktnamn*) и исторических прозвищ (*binamn*), в то время как датские и норвежские исследователи используют этот термин только в тех случаях, когда речь идет об исторических прозвищах [Brylla 2001: 67]. Спорным остается и вопрос, связанный с патронимами в рамках понятия *tillnamn*. Г. Уттерстрём (1976), рассматривая значение термина *tillnamn* в период правления королей Карла X, Карла XI и Карла XII в Стокгольме (1654–1718), относил его к общему обозначению родового имени и прозвищ, поскольку какие-либо границы между этими двумя определениями порой практически отсутствуют. В то же время М. Бломквист (1988) в своем исследовании о переходе *tillnamn* в родовое имя

(*släktnamn*) сельских жителей провинции *Österbotten* (Эстерботтен) включала в понятие *tillnamn* и патронимы [Цит. по: Brylla 2001: 68].

Понятие *mellannamn* по аналогии с английским словом *middle name* иногда ошибочно связывают с обозначением второго личного имени *andranamn*, не являющегося *tilltalsnamn*. А. Риббинг определяет понятие *tilltalsnamn* как имя, служащее обращением к человеку. Другие личные имена (*förnamn*) А. Риббинг называет *andranamn* или *mellannamn* (букв. среднее имя) [Ribbing 2005: 14]. У. Карлссон, сотрудник секретариата Шведской языковой комиссии, подчеркивает, что в соответствии с законом «Об именах» (*Namnlag*) от 1982 г., *mellannamn* считается не фамильным именем, а добавочным именем. До определенного времени вместо *mellannamn* употреблялся термин *tilläggsnamn* (букв. добавочное имя). *Mellannamn* должно стоять между личным именем (*förnamn*) и фамильным именем (*efternamn*): отсюда и такое название. *Mellannamn* присваивается в двух случаях: 1) один из супругов (как правило, жена) при вступлении в брак берет фамильное имя другого супруга, но свое сохраняет как средний антропоним; 2) ребенок, родители которого носят разные фамилии, получает одну из них в качестве фамильного антропонима (*efternamn*), другую – в качестве среднего антропонима. В книге регистрации по месту жительства средний антропоним пишется в отдельной колонке. Дефиса между средним антропонимом и фамильным антропонимом быть не должно, например *Anders Andersson Bergman* (Андерс Андерссон Бергман). У. Карлссон отмечает, что раньше не существовало никаких четких норм употребления двойных фамильных антропонимов и средних антропонимов, но, согласно закону «Об именах» от 1963 г., двойные фамильные антропонимы не должны больше образовываться в шведском языке, их заменила система средних имен [Karlsson 2003: 14]. Можно предложить разные варианты интерпретации понятия *mellannamn*: среднее имя, добавочное имя или вторая фамилия. Мы считаем, что последний вариант наиболее подходящий.

В 2017 г. в Швеции вступил новый закон «Об именах». Согласно данному закону, гражданам Швеции больше нельзя присваивать *mellannamn*. Обладатели старых *mellannamn* могут оставить их в антропонимических формулах или преобразовать в двойные фамилии, что разрешено новым законом. Правда, двойная фамилия

может состоять исключительно из двух слов, соединенных при написании дефисом [Leibring 2017: 414].

При изучении прозвищ в шведской культуре именовании человека возникает необходимость внести терминологическую ясность относительно понятий *smeknamn*, *binamn*, *öknamn*. Л. Густафссон характеризует *smeknamn* (прозвище) как вымышленное имя с положительными коннотациями, маркирующее определенную близость между его носителем и создателем. Когда имя содержит негативные коннотации, часто используют понятие *öknamn* (кличка, прозвище). По мнению исследовательницы, границы между прозвищем и кличкой расплывчаты и определяются ситуацией [Gustafsson 2010: 172]. Зачастую *smeknamn* обозначают также ласкательное имя. И. Линдстедт объединяет *smeknamn* и *öknamn* в термине *affektiva namn* (аффективные номинативные средства), одним из преимуществ которого является универсальность. Термин не ограничивается ни положительными, ни отрицательными номинативными коннотациями и может употребляться вне зависимости от контекста [Lindstedt 1989: 8]. Лингвистический термин *binamn* (прозвище, кличка) обычно применяют при изучении исторического материала [Gustafsson 2010: 172]. *Binamn*, по определению Т. Андерссона, – это имя, которое употреблялось вместо официального имени. Так, имя *Virus* (Вирус) относилось к человеку *Hans Lindberg* (Ханс Линдберг). Иногда имя использовали вместе или вместо официального имени, например *Hans Virus Lindberg* (Ханс Вирус Линдберг). Компоненты такого рода имен, не употребляемые по отдельности, скажем *Svarta Rudolf*, *Run-Janne*, обозначаются как *binamnselement*, т.е. элемент (компонент) прозвища [Andersson 1983: 16].

Ф. Линдстрём, специалист в области скандинавских языков, ведущий рубрики *Fredriks fynd* («Находка Фредрика») в журнале *Språktidningen*, утверждает, будто *binamn* появились в шведской традиции именовании гораздо раньше, чем фамилии (*efternamn*) [Lindström 2007: 44].

В результате изучения содержательной стороны основных понятий антропонимической системы выяснилось, что изучение шведской традиции имяназвания требует внесения терминологической ясности.

§ 2. Типы и формы антропонимов. Акты деривации

Среди шведских антропонимов выделяются имена:

- одинаковые по форме для мужского и женского имени (имена без родовых различий): *Andrea* (Андреа), *Charlie* (Чарли), *Elis* (Элис), *Isa* (Иса), *Kim* (Ким), *Robin* (Робин);

- парные имена: *Andreas – Andrea* (Андреас – Андреа), *August – Augusta* (Аугуст – Аугуста), *Fredrik – Fredrika* (Фредрик – Фредрика), *Johan – Johanna* (Юхан – Юханна), *Love – Lova* (Луве – Лува), *Mikael – Mikaela* (Микаэль – Микаэла), *Stefan – Stefanie* (Стефан – Стефание);

- двойные имена: *Carl-Johan* (Карл-Юхан), *Karl-Erik* (Карл-Эрик), *Nils-Emil* (Нильс-Эмиль), *Sven-Åke* (Свен-Оке), *Anna-Stinna* (Анна-Стинна), *Kajsa-Vera* (Кайса-Вера);

- имена-палиндромы: *Ada* (Ада), *Anna* (Анна), *Ebbe* (Эббе), *Eve* (Эве), *Otto* (Отто).

Полной форме личных антропонимов в шведском языке соответствует краткое имя (*kortnamn*) и краткая форма имени (*kortform*), ласкательная (*smekform*) и демунивативная (*diminutivform*) формы. Различные формы кратких личных антропонимов могут называться гипокористиками, уменьшительными, фамильярными формами имен [Языковая ... 1977: 342], а также индивидуализаторами [Живоглядов, Нухов 1996: 50].

Р. Оттербьёрк определяет термин «гипокористика» как общее название для фамильярных и сокращенных именных форм. Исследователь отмечает, что гипокористики образовывали значительную группу среди односоставных древнескандинавских имен, которые часто использовались в повседневной жизни вместо громоздких двусоставных имен. Так, *Gudmund* (Гудмунд) превратился в *Gumme* (Гумме), *Kättilbjörn* (Чэттильбьёрн) – в *Käbbe* (Чэббе), *Torste* (Торсте) – в *Toste* (Тосте). Часто первая основа имени (гораздо реже – вторая) превращалась в отдельный антропоним, иногда используемый параллельно с полной формой – *Arne* (Арне) от *Arngrim* (Арнгрим), *Inge* (Инге) от *Ingemund* (Ингемунд), но обычно носивший характер совершенно самостоятельного имени, например *Gunne* (Гунне), *Holme* (Хольме), *Ragne* (Рагне), *Hild* (Хильд), *Inga* (Инга), *Tora* (Тора), *Åsa* (Оса). Однако лишь немногие из этих имен просуществовали столь же долго, что составные. Возможно,

виной тому – отсутствие некоего официального и значимого оттенка, незакрепленность в древних источниках – на камне или пергаменте. В устной речи каждое двусоставное имя, как и множество односоставных, имело соответствующую ласкательную или краткую форму [Otterbjörk 1973: 10].

Норвежская исследовательница Э.В. Мельдгорд видит явную ошибку в употреблении термина «гипокористика», поскольку он используется и в отношении настоящих гипокористических имен (ласкательных имен), и в отношении имен, которые с течением времени перестали считаться гипокористиками, приобретя совершенно нейтральное значение. Для первой категории повседневных имен (*hverdagsnavne*) Э.В. Мельдгорд предлагает использовать термин «первичные гипокористики» (*primære hypokorismer*), а для другой – «вторичные» (*sekundære hypokorismer*) [Meldgaard 1983: 104].

Действительно, такие ласкательные формы имен, как *Kalle* (Калле), *Lasse* (Лассе), *Olle* (Улле) для *Karl* (Карл), *Lars* (Ларс) и *Olof* (Улоф), как отмечает С. Страндберг, признаны в Швеции широко распространенными (*vardagsnamn*) и общепотребительными [Strandberg 2002: 61]. Исследователь также обращает внимание на факт определения их Р. Оттербьёрком как ласкательных форм [Otterbjörk 1973: 106, 109, 115], что соответствует изначальной функции. Остается открытым вопрос, не являются ли такие ласкательные формы имен, как *Kalle*, *Lasse* и *Olle*, в современной Швеции гораздо более укоренившимися, выражающими определенную долю доверия или демонстрирующими близость отношений, чем обычные ласкательные имена. В таком случае их вполне можно было бы назвать вторичными гипокористиками (*sekundære hypokorismer*), как и предлагала Э.В. Мельдгорд [Meldgaard 1983: 104]. Э. Брюлла приводит примеры антропонимов, которые до определенного времени считались ласкательными формами, однако на данный момент признаны официальными именами: *Lotta* (Лотта) < *Charlotta* (Шарлотта), *Stina* (Стина) < *Kristina* (Кристина), *Max* (Макс) < *Maximilian* (Максимильян) [Brylla 2004: 23].

Внесем терминологическую ясность относительно понятий «краткое имя» и «краткая форма имени», «ласкательная форма», «деминутивная форма».

По мнению Р. Оттербьёрка, «краткое имя» (*kortnamn*) часто используется в качестве термина, обозначающего гипокористики, хотя

такой подход несколько спорный. Краткое имя порой оказывается длиннее, чем соответствующее ему полное, например *Bosse* (Буссе) для *Bo* (Бу). Термин «краткая форма» (*kortform*) обозначает антропонимы, образованные от основы слова: *Inge* (Инге) от *Ingevald* (Ингевальд); от неделимой последовательности звуков полной формы имен: *Stina* (Стина) < *Kristina* (Кристина), *Geo* (Ео) < *Georg* (Еорг), *Ger* (Ер) < *Gerhard* (Ерхард) [Otterbjörk 1973: 10, 11]. Краткая форма может быть одной и той же:

- для разных имен, например, сходные по звучанию *Natan* и *Nathan* (Натан) производные: первое – от *Natanael* (Натанаэль), второе – от *Jonatan* (Юнатан) [af Klintberg 2005: 425];

- как для женского, так и для мужского имени, например *Sylve* (Сюльве) для мужского имени *Sylvester* (Сюльвестер), так и для женского имени *Sylvia* (Сюльвия).

Б. аф Клинтберг приводит примеры обычных кратких форм имени *Lovisa* (Ловиса): *Lova* (Лова) и *Isa* (Иса) [af Klintberg 2005: 293]. Форма *Lova* (Лува) не полностью соответствует определению, предложенному Р. Оттербьёрком. Аналогичная ситуация наблюдается и с краткой формой *Dea* (Деа) для имен *Andrea* (Андрея) и *Desideria* (Десидерия); *Agna* (Агна) для имен *Agnes* (Агнес) и *Agneta* (Агнета); *Reine* (Рейне) для имен *Reinhard* (Рейнхард), *Reinhold* (Рейнхольд).

Э. Брюлла определяет термин «ласкательная форма» (*smekform*) как повседневную форму имени. Она образуется путем сокращения сложного антропонима, присоединением определенных окончаний (*ändelser*) или комбинацией этих двух способов. Из сложных имен ласкательные формы образуются с помощью окончания *-e* (мужские имена) и *-a* (женские имена) [Brylla 2004: 23]. В качестве доказательства этого факта исследовательница приводит примеры уменьшительных форм др.-швед. антропонимов: *Gudhi* (Гудхи) от *Gudhbiorn* (Гудхбиорн), *Gisle* (Йисле) от *Thorgisl* (Торгийсл), *Ragna* (Рагна) от имен, начинающихся на *Ragn-* (Рагн-), *Inga* (Инга) от имен на *Ing-* (Инг-). Р. Оттербьёрк полагает, что термин *smekform* раскрывает суть таких гипокористических образований, как, например, *Pelle* (Пелле) для *Per* (Пер), *Kajsa* (Кайса) для *Karin* (Карин) [Otterbjörk 1973: 11].

Иногда ласкательная форма может быть общей для разных имен, скажем *Vivi* (Виви) для *Vivianne* (Вивьянн) и *Vivan* (Виван).

Точно так же *Vivi* (Виви) оказывается ласкательной формой для имен *Lovisa* (Ловиса), *Viola* (Виола) и *Viveka* (Вивека). Подобное происходит и с ласкательной формой *Gusten* (Густен) для имен *Gustav* (Густав) и *August* (Аугуст); *Fiken* (Фикен) – ласкательной формой для имен *Fredrika* (Фредрика), *Sofia* (София); *Adde* (Адде) – ласкательной формой для имен *Adolf* (Адольф), *Adrian* (Адриан), *Anders* (Андерс).

В некоторых случаях краткие и гипокористические формы совпадают. Р. Оттербьёрк отмечает краткие формы имени *Valdemar* (Вальдемар) – *Valde* (Вальде), *Valle* (Валле), указывая, что *Valle* становится одновременно уменьшительной формой для *Valdemar* (Вальдемар), *Valentin* (Валентин), *Valfrid* (Вальфрид), *Valter* (Вальтер) [Otterbjörk 1973: 133]. Схожая ситуация наблюдается с именем *Astrid* (Астрид): *Asta* (Аста) не только краткая форма имени *Astrid* (Астрид), она также входит и в список уменьшительных форм этого имени: *Assa* (Асса), *Assi* (Асси), *Asta* (Аста), *Atti* (Атти) [Otterbjörk 1973: 144].

Э. Брюлла обозначает термином «деминутивная форма» (*diminutivform*) использование окончаний (*ändelser*) для сообщения имени ласкательного характера, например *Jannike* (Яннике) < *Johanna* (Юханна) [Brylla 2004: 23].

В шведском языке наиболее частотные модели образования производных форм от полных личных антропонимов – усечение и аффиксальное словообразование. Рассмотрим это утверждение на примере образования гипокористических имен. С.С. Маслова-Лашанская отмечает, что словообразовательная аффиксация «является в шведском языке важнейшим способом словопроизводства» [Маслова-Лашанская 1973: 158]. Под усечением исследовательница понимает эллиптическое отпадение части слова, считая, что данный «способ словопроизводства играет известную роль в пополнении шведской лексики» [Маслова-Лашанская 1973: 160]. О.С. Ахманова рассматривает усечение как «образование новых слов путем сокращения» [Ахманова 2007: 52]. В настоящей работе под усечением понимается способ словообразования, где новая единица образуется путем отсечения различных элементов исходного антропонима.

Усечение отдельных фонем и групп фонем в процессе образования гипокористических имен может встречаться в начале (аферезис), в середине (синкопа) и в конце (апокопа) исходного антропонима:

- аферезис: *Tina* (Тина) < *Kristina* (Кристина), *Lotta* (Лотта) < *Charlotta* (Шарлотта), *Hanna* (Ханна) < *Johanna* (Юханна), *Bella* (Белла) < *Isabella* (Исабелла);

- синкопа: *Alina* (Алина) < *Adelina* (Аделина), *Celia* (Селия) < *Cecilia* (Сесилия);

- апокопа: *Ras* (Рас) < *Rasmus* (Расмус), *Seb* (Себ) < *Sebastian* (Себастиан), *Jess* (Йесс) < *Jessica* (Йессика).

В результате усечения срединные элементы приобретают статус отдельных имен: *Lisa* (Лиса) < *Elisabeth* (Элисабет), *Stoffe* (Стоффе) < *Kristoffer* (Кристоффер).

Гипокористические формы способны отделиться от полного личного антропонима не только по указанным выше моделям, но и за счет выпадения или добавления некоторых элементов: *Acke* (Аке) < *Axel* (Аксель), *Agge* (Агге) < *Algot* (Альгот), *Mante* (Манте) < *Magnus* (Магнус) и т.д. Морфологические изменения могут оказаться значительными, особенно если изменения структуры антропонима не регулируются определенными правилами. Тождество антропонима в данном случае может определяться наличием одной фонемы, представленной в разных вариантах антропонима, например *Louise* (Луис): *Lizzie* (Лисси), *Lisen* (Лисен), *Lou* (Лу), *Lolo* (Луло), *Lollo* (Лулло), *Lollan* (Лоллан); *Fredrika* (Фредрика): *Dika* (Дика), *Riken* (Рикен), *Fiken* (Фикен), *Frigga* (Фригга).

Обращаясь к вопросу аффиксального словообразования деминутивных имен, следует отметить, что структурные элементы *-a*, *-e*, *-i* и др. Э. Брюлла, Т. Риад, Н. Ларссон обозначают терминологически как окончания (*ändelser*), в то время как мы вслед за С.С. Масловой-Лашанской [Маслова-Лашанская 1973], А.Н. Антышевым [Антышев 2001: 173] относим их к классу лексико-грамматических суффиксов. Отметим наиболее продуктивные суффиксы для образования ласкательных имен:

- e*: *Affe* (Аффе), *Nisse* (Ниссе), *Joche* (Юкке), *Totte* (Тутте), *Tobbe* (Туббе), *Uffe* (Уффе), *Valle* (Валле);

- a*: *Klasa* (Класа), *Jimpa* (Йимпа), *Gurra* (Гурра), *Larsa* (Ларса), *Rogga* (Ругга), *Ronta* (Ронта);

-an: *Biggan* (Бигган), *Fredan* (Фредан), *Maggan* (Магган), *Maxan* (Максан), *Tesan* (Тесан), *Stickan* (Стикан), *Robban* (Руббан);
 -y: *Andy* (Анди), *Vicky* (Вики), *Teddy* (Тедди), *Tommy* (Томми);
 -i: *Anki* (Анки), *Ninni* (Нинни), *Cissi* (Сисси), *Sussi* (Сусси).

К наименее частотным суффиксам, участвующим в образовании ласкательных имен, можно отнести *-ie*: *Charlie* (Шарли), *Robbie* (Робби) и *-en*: *Leifan* (Лейфен).

Среди прочих способов образования деминутивных имен необходимо особо выделить редупликацию: *Affe* (Аффе) < *Alf* (Альф), *Davve* (Давве) < *David* (Давид), *Danne* (Данне) < *Dan* (Дан) и *Daniel* (Даниель), *Fabbe* (Фаббе) < *Fabian* (Фабиан), *Frasse* (Фрассе) < *Frans* (Франс), *Gurra* (Гурра) < *Gustav* (Густав), *Hasse* (Хасе) < *Hans* (Ханс). Редупликация как способ образования ласкательных имен – вполне обычное явление не только для шведской антропоники, но и для любой другой языковой системы. Т. Риад и Н. Ларссон в статье *Ibrahim kallas Ibbe* [Riad, Larsson 2004: 7–13] указывают, что ласкательные имена и удвоенные слоги имеют определенные общие черты: их звуковая структура проста, и они одинаково связаны с исходным словом. По мнению исследователей, дети часто используют повтор, стремясь упростить заучивание новых слов в родном языке, – так легче перейти от односложных слов к двусложным. Когда ребенок сам себя называет *Nenne* (*Linnea*), *Jojjo* (*Johanna*) или *Leffe* (*Leif*), взрослые также используют эти имена в своей речи, способствуя включению подобных имен в речевую среду.

Т. Риад и Н. Ларссон, затрагивая тему традиционных особенностей образования ласкательных личных имен, не разграничивают термины *smekform* и *smeknamn* (ласкательное имя). Авторы приводят примеры ласкательных имен, образованных способом телескопического словообразования (*teleskopbildning*). Так, ласкательные имена *Meta* (Мета) и *Ubbe* (Уббе) образованы от имен *Margareta* (Маргарета) и *Urban* (Урбан). Исследователи подчеркивают, что все ласкательные имена, независимо от исходной формы, отличаются двуслоговостью с ударением на первый слог. Ради этого антропонимы подвергаются изменениям. Т. Риад и Н. Ларссон акцентируют внимание на том, что не только внешняя, но и внутренняя форма ласкательных имен должна быть как можно проще и содер-

жать только один согласный звук между двумя гласными. Если исходное имя имеет группу согласных, как например *Albert* (Альберт), *Margareta* (Маргарета), *Urban* (Урбан), *Viktor* (Виктор) и *Mats* (Матс), один из согласных обязательно выпадает: *Abbe* (Аббе), *Maggan* (Магган), *Ubbe* (Уббе), *Vicke* (Вике), *Matte* (Матте). В большинстве случаев при наличии выбора, спор решится, скорее, в пользу шумных согласных *p, t, k, b, d, g, s*, чем сонорных *r, l, m, n*. Если согласные равносильны, то обычно сохраняется первый: *Vicke* (*Viktor*) – Вике (Виктор), вероятнее, чем *Vitte* (Витте), *Ulla* (*Ulrika*) – Улла (Ульрика), вероятнее, чем *Urra* (Урра). Тем не менее некоторые ласкательные имена содержат группу согласных, среди которых всегда встречается носовой звук, т.е. *n, m* или *ng* (звук *äng* [eŋ:]). Например, *Henke* (Хенке) (произносится *Hengke*), где в исходном *Henrik* (Хенрик) есть и носовой согласный, и заднеязычный *k*. В некоторых случаях согласный может быть добавлен, как это произошло в имени *Tompa* (Томпа). Схожий процесс наблюдается и с именем *Svempa* (Свемпа), но здесь, помимо всего прочего, *n* перешел в *m* под влиянием последующего *p*. Когда ласкательное имя содержит группу согласных, они образуются в одной и той же части речевого аппарата, поэтому второй согласный всегда глухой.

Особую роль в образовании уменьшительного имени играют первый и ударный слоги исходного имени. Из многосложных имен с ударением не на первом слоге можно образовать несколько ласкательных имен: *Birgitta* (Биргитта) – *Bibbi* (Бибби), *Biggan* (Бигган) или *Gittan* (Йиттан); *Margareta* (Маргарета) – *Maggan* (Магган), *Greta* (Грета) или *Meta* (Мета).

Когда исходное слово содержит несколько ударных слогов, то для образования уменьшительного имени могут использоваться оба слога: *Lisa* (Лиса) и *Bettan* (Беттан) от *Elisabet* (Элисабет). Производные от *Kristina* (Кристина) более разнообразны: *Tina* (Тина) по ударному слогу, *Kina* (Чина) по первому согласному и ударному слогу, *Kicki* (Чики) по первому согласному и первому гласному, но с выпадением среднего согласного, т.е. никак не *Kricki* (Крики) и не *Krickri* (Крикри). Для имени *Kristina* (Кристина) существует также ласкательное *Nina* (Нина). Т. Риад и Н. Ларссон отмечают, что свойства согласных в данной системе имеют определенное зна-

чение. От *Margareta* (Маргарета) и *Katarina* (Катарина) нельзя образовать *Reta* (Рета) или *Rina* (Рина), несмотря на то, что согласные взяты из ударных слогов исходного слова. В случае с именем *Katarina* (Катарина), считают Т. Риад и Н. Ларссон, *k* привлекательнее для *Kattis* (Каттис) как типичный согласный, чем *r*, а в случае с *Maggan* (Магган), *Meta* (Мета) для *Margareta* (Маргарета), таким образом, предпочтение отдается губным (лабиальным) согласным.

§ 3. Сословия как источник формирования шведских фамилий

Шведские фамилии отличаются от немецких и английских, поскольку появились гораздо позднее. Традиция употребления постоянных, передающихся по наследству фамилий (*ärfliiga släktnamn*) закрепились в Швеции только в XVII в. [Brylla 2009: 36]. Фамилии были приняты всеми классами общества только в XIX в. [Nyman 2009: 9].

В данном разделе нашего исследования по большей части использовался материал монографии Э. Брюллы *Andersson, Petersson, Lundström och ... Beachman: Om nordiska efternamn i sin europeiska omgivning* [Brylla 2009 36–47].

Использование постоянных фамилий (*fasta släktnamn*) в Швеции, так же как и в других скандинавских странах, не имеет давней истории. При рождении дети получали отчества (*patronymikon, fadersnamn*), образованные путем соединения в одном слове двух компонентов: имени отца и форманта *-son* (сын), если рождался мальчик, и имени отца и форманта *-dotter* (дочь) в случае рождения девочки. Таким образом, если ребенка звали *Peter Nilsson*, это означало, что имя его отца *Nils*; если *Anna Svensdotter*, следовательно, ее отца звали *Sven*. Приведем еще один пример, иллюстрирующий данную систему образования фамилий: *Erik Andersson* (Эрик, сын Андерса), *Sven Eriksson* (Свен, сын Эрика), а его сын в свою очередь мог иметь имя Андерс – *Anders Svensson*. Дочь Эрика (*Erik*) Брита (*Brita*) приобретала фамилию *Eriksdotter* (Эриксдоттер). Фамилии *Eriksson* (Эрикссон), *Svensson* (Свенссон) и *Eriksdotter* (Эриксдоттер) не использовались при обращении к человеку, они лишь обозначали, что эти люди являлись соответственно сыном или дочерью Эрика (*Erik*) или Свена (*Sven*). И. Мартениус отмечает, что в то время как сыновья получали фамилию *Petersson* (Петерссон), дочерям давали

фамилию *Persdotter* (Персдоттер), так как фамилия *Petersdotter* более громоздка в произношении [Martenius: ЭР].

В Средние века этот обычай получил распространение даже среди знатных слоев населения. Письма могли, к примеру, адресовать следующим образом: *Bo Jonsson* (Бу Йонссон) или *Karl Ulfsson* (Карл Ульфссон). Различительную функцию выполняли символы, которые являлись общими для того ли иного рода, например, на прикреплявшейся к письму печати можно было увидеть, что у одного человека на семейном гербе изображен *Grip* (грифон), у другого – *Sparre* (стропилина). Впоследствии наименования *Grip* и *Sparre* стали семейными [Wallensteen 2008: 17].

Во второй половине XIX в. фамилии, оканчивающиеся на *-son*, стали передаваться по наследству как настоящие родовые имена. Даже женщины начали брать фамилии с таким окончанием. Таким образом, вместо модели имя отца + компонент *-dotter* употребляли модель имя отца + компонент *-son*. В связи с этим в системе шведских фамилий не прижились фамилии с компонентом *-dotter*. Тем не менее благодаря закону «Об именах» от 1982 г. женщины имеют право брать такие фамилии.

В средние века лишь незначительная часть фамилий переходила по наследству. Прежде всего такие фамилии встречались у горожан немецкого происхождения, например *Bekman* (Бекман), а также в дворянских семьях – *Bonde* (Бунде), *Trolle* (Тролле). В XVI в. дворяне все чаще носили постоянные родовые фамилии, и после учреждения в 1626 г. рыцарского собрания данный обычай получил широкое распространение. В Дании в 1526 г. приняли постановление, согласно которому все дворяне должны были иметь постоянные фамилии. Родовые имена, употребляемые в Дании, стали появляться и в Швеции, например *Gyllenstierna* (Йюлленшерна), *Bielke* (Бильке) [Brylla 2009: 36, 37].

В постановлении шведского рыцарского собрания от 6 июня 1626 г. не было четко указано, что дворяне обязаны носить фамилии. Более того, в нем говорилось о непозволительности для дворянина заимствовать фамилию или герб какой-либо другой династии. И. Валленстин отмечает, что у многих семей имелись гербы с изображением свирепых животных, например головы льва, медведя, волка или кабана. Впоследствии появились такие фамилии, как *Lejonhuvud* (Лейонхувуд – голова льва), *Björnram* (Бьёрнрам –

медвежья лапа), *Svinhufvud* (Свинхувуд – голова свиньи) [Wallenstein 2008: 17].

Многие из старых дворянских фамилий были односоставными. Со временем и двусоставные получали все более широкое распространение. Первые сложные по составу дворянские фамилии образовались от названия герба той или иной семьи – вероятно, по датскому образцу – *Gyllenstierna* (Йюлленшерна), *Sjöblad* (Шёблад). Регентство королевы Кристины (1632–1644) было озаменовано тем фактом, что дворянский титул получило большое количество людей, а состоящие из нескольких основ фамилии предоставили хорошую возможность для вариаций. Многим даровали дворянский титул в период правления Карла XI, однако их фамилии образовывались не только от названий родовых гербов, многие сохранили свои недворянские родовые имена (*ofrälse namn*). Когда фамилия одной семьи совпадала с фамилией другой, то к одной из них прибавлялось название местности или населенного пункта: *Roos af Hielsäter* (Рос аф Хильмсэтер), *Drake af Hagelsrum* (Драке аф Хагельсрум) [Brylla 2009: 37].

В некоторых случаях новоявленному дворянину присваивалась особая фамилия, отмечавшая физический недуг, увечье, полученное в результате военных сражений: *Hufvudskått* (Хувудскотт, дворянский титул с 1647 г.) – получивший огнестрельное ранение в голову; *Stöltenhielm* (Стёльтенхильм, дворянский титул с 1649 г.) – потерявший левую ногу и вынужденный ходить с помощью опоры; *Tandefelt* (Тандефельт, дворянский титул с 1650 г.) – получивший повреждение челюсти; *Ögnelood* (Эгнелуд, дворянский титул с 1653 г.) – получивший ранение глазного яблока из мушкета. На гербах таких семей соответственно изображены голова, опора, зубы (челюсть) и глаз.

В качестве первых компонентов сложных фамилий обычно выступали *Adel-*, *Adler-*, *Gyllen-*, *Ehren-*, *Rosen-*, *Lillie(n)-*, *Lejon-*, *Löwen-*, *Silfve-* (*Sölfer*), *Stiern(e)-*, *Ridder-* (*Ritte-*). Самыми популярными вторыми компонентами сложных фамилий были *-felt*, *-hielm*, *-sköld*, *-berg* и *-stierna*. Часто употреблялись такие, как *-crantz*, *-crona*, *-flyckt*, *-creutz* и *-klo*. Несколько позднее приобрели популярность *-stråle*, *-sparre*, *-stolpe* и *-bielke*.

Новоиспеченный дворянин часто оставлял себе свою недворянскую фамилию, например *Lindegren* (Линдегрэн). Однако в этом

случае она могла использоваться и как первый компонент сложной фамилии: *Lang* (Ланг) при получении дворянского титула становился *Langman* (Лангман). Допускалось образование из недворянского родового имени второго компонента сложного имени: *Groll* (Гролл) превращался в *Riddergroll* (Риддергролль), *Nieroth* (Нирот) в *Gyllenieroth* (Йюлленирот), *Eld* (Эльд) в *Stiereld* (Стирельд) [Brylla 2009: 38].

Некоторые части сложных фамилий встречались у представителей особых профессий. Например, фамилии военных моряков: *Ankarström* (Анкарстрём), *Stieranckar* (Стиранкар), *Gyllenskepp* (Йюлленшепп), *Rodersköld* (Родершёльд) и *Bilesköld* (Билешёльд). У последнего на гербе был помещен топор для обрубания корабельных снастей. В качестве первых или вторых компонентов антропонимов часто выступали такие слова, как *ankar* (якорь); *ström* (река, течение); *skepp* (корабль, судно); *roder* (руль); *bååt* (лодка); *sköld* (щит).

Военнослужащие часто носили значимые фамилии *Gyllenstorm* (Йюлленсторм), *Ridderstorm* (Риддерсторм), *Reuterhielm* (Реутерхильм), *Sabelhierta* (Сабельхирта), *Rosensabel* (Росенсабель), *Silverharnesk* (Сильверхарнеск), *Gyllenpatron* (Йюлленпатрон), *Sölvärmusköt* (Сельвермушёт) и *Gyllensvärd* (Юлленсверд). В приведенных антропонимах первые или вторые компоненты имеют отношение к военной тематике: *harnesk* (панцирь); *storm* (шторм); *patron* (атрон); *sabel* (сабля, шашка); *musköt* (мушкет); *svärd* (меч, сабля).

Л. Рюман отмечает, что шведские фамилии испытывали очевидное влияние немецкого языка [Ryman 2002–2003: 45]. По мнению Э. Брюллы, одним из отчетливых признаков такого влияния на шведские дворянские фамилии было частое употребление соединительного интерфикса *-en-* между двумя основами сложного слова. Этот элемент встречается в старинных фамилиях *Oxenstierna* (Оксен-шерна) и *Löwenhielm* (Лёвенхильм). Из недворянской фамилии *Påfve* (Пове) образовалась форма *Påfvenhielm* (Повенхильм), другую – *Lindeblad* (Линдеблад) – заменили на *Lindencrona* (Линденкруна) [Brylla 2009: 39].

В немецком языке предлог *von* (фон) в имени изначально указывал на сословную или географическую принадлежность лица – *Eduard von Winterstein* (Эдуард фон Винтерштейн), *Hofman von Hofmannswaldare* (Хофман фон Хофмансвальдаре) [Гильченко

2009: 19]. Тот же предлог *von* в шведском языке выступал только в значении префикса перед дворянской фамилией: *von Beijer* (фон Бейер). В значении префикса предлог *von* использовался в составе фамилий, ядро которых составляли застывшие патронимы: *von Carlsson* (фон Карлссон), *von Hermansson* (фон Херманссон) [Brylla 2009: 39].

В шведских дворянских родовых фамилиях часто использовался префикс *af* (швед. *av*). Самый ранний пример его употребления – фамилия *af Vasaborg* (аф Васаборг), ее носителем был незаконно-рожденный сын Густава II Адольфа. Начиная со второй половины XVIII в. префикс *af* начинает конкурировать с *von*. Стоит отметить тот факт, что *af* употреблялся исключительно перед фамилией изначально недворянского происхождения [Utterström 1994: 38]. Префикс *de* не стал образцом для образования шведских благородных фамилий. Династии, носившие имена с подобным префиксом, напоминали иностранные: *De la Gardie* (Де ла Гарди), *De Geer* (Де Гир).

Начиная с позднего Средневековья священнослужители начали латинизировать свои имена и фамилии. Определенное влияние оказывал и греческий язык. Так, окончание *-ius*, довольно широко распространенное в римских фамилиях (ср. *Horatius* – Гораций; *Tullius* – Туллий), стало употребляться при образовании шведских фамилий. Из греческого языка был заимствован компонент *-ander* (от греч. *anēr*, формы генитива от слова *andrós* – мужчина, человек), а также соединительные *-æ/-ej-*, испытавшие на себе влияние греческого языка, например в фамилии *Petřejus* (Петрейус).

Согласно одной из точек зрения, возникновение подобных форм берет начало из итальянских академий XV в., где пытались придать фамилиям античное звучание с целью обозначения связи с древней классической эпохой. Студенты из других стран, приезжавшие в Италию на учебу, адаптировались к такому употреблению слов, и данная тенденция распространялась затем среди слушателей различных академий по всей Европе. Подобные фамилии носили представители образованных кругов – священнослужители, университетские преподаватели, студенты. Латинизация родовых имен сначала совершалась по простым правилам. Так, братья *Olaus* (Олаус) и *Laurentius* (Лаврентий) изменили свою фамилию *Pedhersson* (Педерссон) на *Petri* (Петри) (форма латинского генитива). Начался

процесс образования патронимов с латинскими словообразовательными морфемами: *Beronius* (Берониус) от имени *Björn* (Бьёрн), превратившегося во время латинизации в *Bero* (Беро), *Svenonius* (Свенониус) от имени *Sven* (Свен), трансформировавшегося в *Sveno* (Свено).

Первые фамилии образованных людей практически не передавались по наследству. Чаще всего они обозначали происхождение человека: *Bothniensis* (Ботниенсис) – житель провинций Норр- или Вестерботтен; *Angermannus* (Ангерманнус) – житель провинции Онгерманланд. Такие фамилии были уместны в случае, если шведский студент учился за границей. В Швеции происходило образование значительного количества родовых имен, указывающих на то, из какого церковного прихода или села был родом человек: *Floderus* (Флодерус) – из *Floda* (Флода); *Kjellander* (Челландер) из *Källhult* (Челльхульт).

В XVI в. стали присоединять к имени прилагательное, обозначающее родной край. Андерс из Даларны мог называться Андреасом Далекарлусом (*Andreas Dalekarlus*), Петер из Рослагена – Петрусом Роспиггиусом (*Petrus Rospiggius*) [Wallensteen 2008: 17–18].

Отдельную категорию образовали фамилии, связанные с конкретной местностью. Это фамилии, имевшие в составе наименования географических названий (топонимов): *Sylvanus* (Сюльванус) и *Sylvander* (Сюльвандер) (от лат. *silva* – лес). Последняя фамилия трактуется как человек из леса. Шведские топонимы *Högen* (Хёген) и *Högsjö* (Хёгше) могут восходить к латинским *Celsius* (Цельсиус) и *Altinus* (Альтинус), поскольку латинские прилагательные *celsus* и *altus* имели значение «высокий» (швед. *hög*) [Wallensteen 2008: 18].

От географического названия *Alatagrius* (Алатагриус) образовалась фамилия *Vingåker* (Вингокер). В данном случае, вероятно, имела место ассоциация с латинскими словами *ala* (крыло) и *ager* (поле, пахотная земля), т.е. крылатое поле. Однако название церковного прихода *Västra Vingåker* (Вестра Вингокер) в древности было зафиксировано в форме *Wikinghaker* (Викингхакер) (ок. 1314) и имело совсем другое значение – (пахотная) земля, принадлежащая тем, кто живет у залива [Brylla 2009: 41].

Постепенно латинские окончания были упразднены, и вместо прежних фамилий появились краткие: *Montan* (Монтан), *Nobel* (Но-

бель), *Norén* (Нурен), *Tessin* (Тессин). Такие изменения, предполагает Э. Брюлла, объясняются выходом из моды фамилий на *-us* в XVIII в., так как популярность приобрел французский язык. Краткие фамилии, оканчивающиеся на *-ell*, *-en*, *-in* и *-an*, уходили корнями в французский язык. Даже некоторые немецкие фамилии с окончаниями *-el* и *-en* служили примерами для образования новых имен. Краткие фамилии также проникли и в другие социальные слои: дворянские и буржуазные династии в составе сложных фамилий сохраняли свои краткие фамилии. И. Валленстин отмечает, что сын крестьянина, собиравшийся выучиться на священника, охотно брал латинскую фамилию, но, когда его дети становились государственными служащими, латинское окончание *-us* из фамилии выпадало. Окончания *-us* и *-ius* последовательно исчезали из фамилий при возведении их носителей во дворянство. *Linnæus* (Линнэус) называл себя *Linné* (Линне), потомки *Rudbeckius* (Рюдбекиус) превратились в *Rudbeck* (Рудбек).

Укороченные фамилии представителей образованных кругов населения стали продуктивными для различных новообразований, а необходимость в изначальном появлении фамилии на *-(i)us* отпала. Кроме того, шведы следовали французским правилам расстановки ударения на последний слог: *Rydén* (Рюден), но *Montan* (Монтан) и *Melin* (Мелин).

Фамилии просвещенных людей сохранились как родовые имена прежде всего в Швеции, Нидерландах и на севере Германии.

Фамилии представителей буржуазии появились в XVII в. Двусоставные дворянские фамилии служили моделью для образования формы имен. Э. Брюлла отмечает, что изначально «геральдические» фамилии *Rosengren* (Росенгрэн) и *Lindelöf* (Линделёф), вероятно, выполняли роль образцовых. В геральдические фамилии редко включали в качестве вторых компонентов *-crona*, *-hjälm*, *-sköld*, *-svärd*. Вместо названных вторых компонентов сложных фамилий использовались слова, обозначающие природные явления и выполняющие функцию суффиксоида: *-berg* (гора), *-gren* (ветка), *-kvist* (сучок, ветка), *-lund* (роща), *-mark* (земля, почва, пашня), *-vall* (пастбище).

Э. Брюлла предполагает, что в таких городах, как Умео, Питео и Лулео, фамилии с подобным вторым компонентом приобрели широкое распространение. Около 1670 г. начали появляться также

и другие элементы сложных фамилий: *-sten*, *-berg*, *-bäck*, *-bom*, *-mark*, *-ström* и *-gren*, например *Lindström* (Линдстрём), *Sjöberg* (Шёберг). В настоящее время фамилии с такими элементами претерпели некоторые изменения: второй компонент употребляется в неопределенной форме, скажем, фамилия *Djurberget* (Юрбергет), трансформировалась в *Djurberg* (Юрберг); ударение падает не на второй, а на первый слог (*Li'ndberg* вместо *Lindesbe'rg*); первый или второй компонент является односложным (*Blomberg* вместо *Blommaberg*) [Modéer 1964: 127].

Основой для возникновения фамилий представителей буржуазии служили и немецкие родовые имена. Особенно влиятельным источником были фамилии, оканчивающиеся на *-man* [Utterström 1994: 41]. Такая фамилия, как *Nyman* (Нюман), произошла от немецкой фамилии *Neumann* (Нойман). Когда стали появляться двусоставные фамилии подобного типа, самым распространенным окончанием стало *-man*. В качестве одного из ранних примеров фамилии на *-man* может служить *Burman* (Бурман): она была образована от наименования поместья *Bure* (Буре) в приходе *Skellefteå* (Шеллефтео) или же от имени *Bure* (Буре). Подобный переход имени в фамилию мог произойти под влиянием немецкой фамилии *Burmann* (Бурманн) или от шведского существительного *burman* (буржуа, горожанин, бюргер; а возможно, от имени тролля Бурмана из народной песни «О Хольгере Датском»). Другим примером является родовое имя *Sparrman* (Спarrман), образованное от названия прихода *Sparsåtra* (Спarrсетра) в Уппланде [Brylla 2009: 44].

Фамилии представителей буржуазии могли быть и односоставными. Вероятно, такие из них, как *Bring* (Бринг), *Lind* (Линд), *Ugglå* (Уггла), восходят к древним вторым именам (отчествам). Топонимы также могли быть основой для подобного рода образований: фамилия *Hjort* (Юрт) от *Hjorted* (Юртед), *Alm* (Альм) от *Almbu* (Альмбю) и т.п.

Обычай иметь фамилии быстро переняли недворянские слои населения. Переход из одного сословия в другое получил распространение в период, когда увеличивалось количество фамилий, в конце XVII – XVIII вв. Возможность передвижения из одного сословия в другое давало возможность получить университетское образование или повышение по военной службе. Обычай брать родовые имена быстро проник и в другие части шведского королевства.

В Норрботтене этот обычай распространился уже в конце XVIII в. лишь среди сельских жителей, что несколько удивительно, потому что эта провинция располагается не в Центральной Швеции. Благодаря военным, служившим в прибрежных районах на севере страны, он приобрел популярность среди крестьян. И напротив, в других частях Швеции, в старых датских провинциях, традиция брать фамилии не прижилась столь быстро. Особенно в сельской местности, где, как и в Дании, люди были более склонны образовывать родовые имена от застывших патронимических форм.

§ 4. Исторические принципы выбора имени

Этнические характеристики имени особо проявляются в принципах и традициях выбора имени. Р. Оттербьёрк [Otterbjörk 1973: 2–6] и Э. Брюлла [Brylla 2004: 6–8] выделяют три основных принципа выбора или создания имен в эпоху викингов (800–1050): аллитерация, вариация и родовое имянаречение. Один из древнейших – **аллитерационный принцип** (*alliterationssystemet*), который в обязательном порядке требовал, чтобы все имена рода начинались с одинакового звука и побуквенно сочетались друг с другом. Этот принцип зафиксирован в «Саге об Инглингах», где каждый из королей от Арне (*Arne*) до Эстена (*Östen*) носил имя, начинавшееся на гласный звук. Аллитерация как способ создания нескольких имен, объединенных своей принадлежностью к тому или иному роду или клану, существовала и у других германских народов. Р. Оттербьёрк отмечает, что, вероятно, это было характерно для королей и ярлов, представителей социально доминирующих родов. Аллитерация применяется и в наше время. Самый распространенный случай – получение аллитерированных имен близнецами, например *Britt* (Бритт) и *Barbro* (Барбро), *Lars* (Ларс) и *Lena* (Лена). Нередки случаи наречения детей в многодетных семьях именами, начинающимися на одну и ту же букву. Иногда имя ребенка может начинаться с той же буквы, что и имя отца или фамилии семьи.

Другой принцип выбора имени, который достаточно широко использовался в эпоху викингов, но стал очень редким в наши дни, – **вариативный принцип** (*variationssystemet*). Вариативность предполагает использование двусложных имен и заключается в том, что отдельные их части постоянно используются в именах представителей рода, сочетаясь с другими, произвольными частями имени,

чем и достигается реализация принципа вариативности. Таким образом, отдельная часть имени становится особым отличительным признаком целого рода. Немало примеров таких имен можно найти на шведских рунических камнях. Так, камень у церкви в Тенсте (*Tensta kyrka*) был оставлен Торбьёрном (*Torbjörn*), Торстеном (*Torsten*) и Стюрбьёрном (*Styrbjörn*) в память об их отце Торфасте (*Torfast*). Неподалеку от Альста (*Alsta*) установлен камень братьями Йислом (*Gisl*), Хольмфастом (*Holmfast*), Стюрфастом (*Styrfast*), Гудфастом (*Gudfast*) и Торгислом (*Torgisl*). В провинции Сёдерманланд (*Södermanland*) известно о братьях Эстен (*Östen*), Хостен (*Håsten*), Хольмстен (*Holmsten*) и Бьюрстен (*Bjursten*).

Вместе с тем вариативные имена – редкость в наше время, хотя немало новообразований, возможно, появилось схожим способом: родители, называя ребенка, складывали часть мужского и часть женского имени, например *Almrik* (Альмрик), *Idolf* (Идольф), *Johild* (Йохильд). Более удобный вариант, но очень редкий, когда все братья и сестры в семье получают имена с общим компонентом. Р. Оттербьёрк приводит следующий пример: пастор Карл Альмквист (*Carl Almquist*) окрестил своих шестерых сыновей, рожденных в период с 1875 по 1888 г., именами с повторяющейся второй частью - *vald*: *Evald* (Эвальд), *Harald* (Харальд), *Torvald* (Торвальд), *Ragvald* (Рагвальд), *Osvald* (Освальд) и *Ingevald* (Ингевальд).

Пример вариации первой части имени отмечен в Лидчёпинге, где в 1920-е и 1930-е гг. братьев и сестер называли *Gunni* (Гунни), *Gunnar* (Гуннар), *Gunbert* (Гунберт), *Gun-Britt* (Гун-Бритт) и *Gun-Marie* (Гун-Мари) (отец *Gustav* (Густав), а мать *Gunhild* (Гунхильд)).

Однако важнейшая из древних форм именованья человека – **родовое имянаречение** (*uppkallelsen*). Эта форма используется довольно часто, несмотря на то, что претерпела некоторые изменения. В давние времена детей называли только в честь умерших людей, родственников или просто знакомых. Используя имя умершего, хотели не только почтить его память, но и привить ребенку благородные качества, возможно, предопределив тем самым даже жизненный успех. Позднее в эпоху викингов появился обычай называть ребенка в честь живущих людей. Таким образом, имена продолжателей рода могли служить свидетельством о героях ска-

заний и древности, о могущественных вождях того времени и удачливых воинах, т.е. все большую роль в выборе имени стала играть мода [Otterbjörk 1973: 4].

Традиция наследовать имена продолжала существовать и во времена христианства, хотя и со значительными изменениями: на смену традиционно использовавшимся именам христианских святых пришли христианские имена святых, апостолов и мучеников, почитаемых в чужой стране.

Со времен эпидемии чумы в Европе в 1346–1349 гг. почитание четырнадцати древних святых (*de 14 nödhjälparna*) как единой группы распространилось из Германии в другие страны. Большинство святых помощников жили в IV в. и получили статус мучеников за свою веру. И. Валленстин называет некоторые имена древних святых, которые особенно хорошо известны в Швеции [Wallensteen 2008: 9].

Blasiius (Власий)³ – согласно легенде, спас жизнь мальчика, подавившегося рыбной костью. К его помощи прибегали при болезнях горла.

Barbara (Варвара) – защитница пленников, кузнецов, камнерезов и дубильщиков. Считалась заступницей от внезапной смерти, грозы, пожара, лихорадки и чумы.

Christoffer (Христофор) – покровитель путешественников, мореплавателей и воздухоплавателей. Защищал от многих болезней.

Dionysius (Дионисий) – более всего известен под именем *Денис*. К нему обращались в бедственных ситуациях.

Georg (Георгий) – в Швеции известен как Святой Ёран (швед. *S:t Göran*) или Эрьян (*Örjan*), покровитель воинов и художников, а также защитник от войны и чумы.

Catharina (Екатерина) или Святая Карин (швед. *S:ta Karin*) – великомученица, защитница от смерти, головной боли и чумы.

Nicolaus (Николай) – один из самых известных святых, в честь которого освящены несколько тысяч церквей. Считается покровителем путешественников, моряков, влюбленных и детей. Предположительно стал одним из прообразов шведского Деда Мороза (*jultomte*).

³ В скобках указано каноническое написание имен в соответствии с христианской традицией.

Margareta (Маргарита) – почитается как защитница от различных бед, а также как помощница беременных женщин и кормящих матерей.

Со временем наследование имени в некоторых районах Швеции попало под влияние строгих норм, что привело к значительному сокращению корпуса имен. Распространена была такая традиция имянаречения: первого сына называли в честь деда по отцовской линии. Образец классической модели: *Anders Svensson–Sven Andersson–Anders Svensson* (Андерс Свенссон–Свен Андерссон–Андерс Свенссон). Второго сына нарекали в честь деда по материнской линии, третьего – в честь отца, отсюда и складывалось имя и фамилия *Anders Andersson* (Андерс Андерссон). Остальным сыновьям давали имена в честь других родственников, а также друзей. Дочерей называли, придерживаясь схожей схемы, – первую дочь нарекали в честь бабушки по линии матери, вторую в честь бабушки по линии отца, третью – в честь матери, остальных в честь других родственников и друзей [Martenius: ЭР].

Таким образом, культура имянаречения отличалась использованием малого количества имен. Обычаи крестьянства, связанные с наречением, существенно не менялись почти до XIX в., и наступившие перемены, вероятно, стали следствием социального переворота в связи с эмиграцией, сменой законов. Полное снятие существовавших ограничений происходит в значительной части Швеции около 1870 г. Именно тогда даже в провинции в употребление входит множество новых модных имен, которые с начала XIX в. были признаны в высших кругах общества.

Немаловажную роль в традициях наречения играл принцип именования посредством нумерации рождавшихся детей, в результате чего появлялись номерные имена (*nummernamnen*): *Uno* (Уно), *Fyr* (Фюр), *Nona* (Нон) и т.д. Поскольку в семьях было большое количество детей, то имена *Elva* (Эльва) и *Tolf* (Тольф) для одиннадцатого и двенадцатого ребенка, соответственно девочки и мальчика, не являлись чем-то необычным в XIX в., как и древн.-швед. *Siunde* (Сиунде), дошедшее до наших дней в форме *Sjunne* (Шунне, от *sju* – семь) в провинции Сконе. Принцип имянаречения посредством номерных имен берет начало в культуре древних римлян, у которых формы *Primus* (Примус – первый), *Quintus* (Квинтус – пятый) и *Sextus* (Секстус – шестой) заменили забытые индоевропейские

имена. Случайные ассоциации также играли здесь большую роль, например, имена *Otto* (Отто) и *Ottilia* (Оттилия) давались и восьмому ребенку, и ребенку, рожденному в восьмом месяце (августе). С месяцами соотносятся имена *Maj* (Май), *Julia* (Юлия), *Julius* (Юлиус), *August* (Август), *Augusta* (Августа).

Древнейшие свидетельства об именах собственных в Швеции имеются в составе некоторых топонимов и встречаются в рунических надписях. Среди топонимов, содержащих древние имена, можно назвать: *Gislaved* (Ийславед) и *Gisle* (Йисле), *Sibbarp* (Сиббарп), *Sibbe* (Сиббе) – краткая форма имени *Sigbjörn* (Сигбьёрн). В рунических надписях, датированных в большинстве своем 850–1100 гг., встречается более 3000 мужских и женских имен. Многие из них уже вышли из употребления, но весьма значительная часть сохранилась в неизменном виде до наших дней, например *Erik* (Эрик), *Ingrid* (Ингрид), *Sigrid* (Сигрид) или *Siri* (Сири), *Sten* (Стен) и *Tora* (Тора) [af Klintberg 2005: 13].

Б. аф Клинтберг, описывая хронологию становления имени собственного в шведской культуре, фактически определяет историческую базу имени [af Klintberg 2005: 13–15]. Исследователь отмечает, что в рунах XI–XII вв. встречаются также ранние формы первых христианских имен, таких как *Johannes* (Йоханнес), *Andreas* (Андреас) и *Kristina* (Кристина). Скорее всего, в период укрепления позиций христианства культ святых оказал сильное влияние на скандинавские имена. Имена святых, которые раньше доходили в греческом или латинском написании, например *Nikolaus*, *Stefanus*, *Katarina*, *Helena*, *Margareta*, *Petrus* и *Laurentius*, со временем ассимилировались и в шведском языке приобрели формы *Niklas* (Никлас) или *Nils* (Нильс), *Staffan* (Стаффан), *Karin* (Карин), *Elin* (Элин), *Margit* (Маргит), *Per* (Пер) и *Lars* (Ларс). Канонизированные короли в средневековой Скандинавии были особо чтимы: *Olav* (Улав) в Норвегии, *Erik* (Эрик) в Швеции и *Knut* (Кнут) в Дании. Церкви, где хранились их мощи, стали местами паломничества, а имена получили широкое распространение.

В XV в. наряду с традиционным мужским именем *Jon* (Йон) в Швеции одним из самых распространенных было также *Olof* (Улоф). С Запада в Скандинавию пришло изначально кельтское христианское имя *Brigida* (Бригида), которое впоследствии, под

влиянием культа Святой Биргитты (*den heliga Birgitta*) из Вад-стены, получило различные формы бытования.

Женское имя *Eva* (Эва) вряд ли когда-либо встречалось в средневековой Швеции. Раньше девочек не хотели называть в честь библейской прародительницы человеческого рода, поскольку она ослушалась Бога и сорвала в Райском саду запретный плод. По иной причине крайне редко в Средние века использовалось имя *Maria* (Мария). Культ Богородицы (*Guds Moder*), которую в церквях изображали с короной на голове и младенцем Иисусом на коленях, делал это имя «слишком святым» для того, чтобы дать его обычной земной женщине. По той же причине слишком редко использовалось имя *Joses* (Иисус). В XVI в. наблюдается резкая перемена, и имя *Maria* (Мария) вскоре становится одним из самых распространенных женских имен, каким и сохраняется до настоящего времени.

В связи с эпохой Реформации и становлением лютеранства в XVI в. имена святых перестали занимать особое положение в языке. Ветхий Завет начал играть важную роль в жизни крестьян, исповедовавших лютеранство; вошли в употребление некоторые упоминавшиеся в нем имена: *Abraham* (Абрахам), *Sara* (Сара) и *Isak* (Исак). В северной части региона Норрланд эти имена сохранялись в течение длительного времени.

Языковое влияние иного характера исходило в эпоху Ренессанса из княжеских дворов. Снова вошли в употребление имена античных императоров и вождей. Первыми, кто предпринял попытку ввести в Швеции новую моду на имена, были сыновья Густава Васы Эрик XIV и Юхан III. По распоряжению Эрика трех его дочерей окрестили *Lucretia* (Лукреция), *Virginia* (Виргиния) и *Constantia* (Констанция), двоих внебрачных сыновей Юхана назвали *Julius* (Юлиус) и *Augustus* (Аугустус). Полководец Понтус Делагарди (*Pontus De la Gardie*), француз по происхождению, сделавший карьеру в Швеции во время правления Юхана III, носил имя, предвещающее возрождение древнеримской культуры. Таким образом, мужское имя Понтус сохранилось в Швеции и по сей день, в то время как в остальных европейских странах оно было утрачено.

Путь, проделанный именем Понтус, характерен, возможно, и для некоторых других шведских антропонимов: возникая в шведском языке благодаря какому-нибудь дворянину-иностранцу, оно передавалось по наследству его потомкам. Имя часто переходило в другие знатные династии при заключении браков. Однако распространение таких имен среди других общественных классов началось не ранее второй половины XIX в. Это касается, например, таких имен, как *Robert* (Роберт) и *Patrik* (Патрик), которые были введены шотландскими дворянскими семьями, а также имени *Stellan* (Стеллан), пришедшему в шведский язык благодаря немецкому роду *Mörner* (Мёрнер).

В течение нескольких столетий сборники псалмов, катехизисы и календари имен представляли собой единственную в своем роде книгопечатную продукцию, имевшуюся практически в каждом шведском доме [af Klintberg 2005: 17].

Э. Брюлла [Brylla 2002: 22–35], Б. аф Клинтберг [af Klintberg 2005: 17–21] подробно рассмотрели вопрос становления и формирования календаря имен в шведской культуре.

Б. аф Клинтберг полагает, что календарь был одним из тех печатных изданий, которое с самого начала определило норму в пласте личных имен. Первый календарь имен вышел в 1540 г. [Carlsson 1986: 6]; старейший, из дошедших до наших дней, напечатан в 1585 г. [Otterbjörk 1973: 46]; с 1596 г. издание приобрело ежегодный характер [Otterbjörk 1983: 46; Nyman 2009: 10]. Перечень имен в нем восходит к списку имен святых, принятому в средневековых календарях имен; самый древний из них – *Vallentunakalendariet* – датирован 1198 г. [Carlsson 1986: 6].

Поскольку первые шведские календари составлялись по немецким образцам, в них содержалось множество неизвестных в протестантской Швеции имен святых. В скором времени важнейшие имена скандинавских святых, например *Erik* (Эрик), *Olof* (Улоф) и *Birgitta* (Биргитта), стали указываться под теми датами, которые уже с эпохи Средневековья считались днями их именин. Несмотря на то что в честь этих святых больше не проводились мессы, до определенного времени существовали такие понятия, как *Olsmäss*, *Brittmäss* (*mässa* – церк. ‘Месса’; ‘ярмарка’). Если для какого-либо имени еще не было своего дня, оно подписывалось заглавными

буквами к подходящей дате, чтобы читатель смог понять его значение.

Возник обычай заносить в календарь даже имена членов королевских семей. Календарь определенно сыграл важную роль в том, что приобрели популярность такие мужские имена королевских особ, как *Karl* (Карл), *Gustav* (Густав), *Adolf* (Адольф), *Fredrik* (Фредрик), *Johan* (Юхан), а также женские имена *Kristina* (Кристина), *Lovisa* (Ловиса), *Ulrika* (Ульрика), *Sofia* (София) и *Magdalena* (Магдалена).

В самых древних календарях имена не всегда совпадали с установленными для них датами. Именины того или иного человека могли выпасть на другое число, так как они часто не помещались в нужной строке и переходили соответственно на строку ниже. С целью придания точности астрономическим расчетам в 1749 г. Шведская королевская академия наук получила право печатать календари. Это повлекло за собой упорядочение списка имен [Nyman 2009: 10].

Список имен сохранил множество особенностей средневекового календаря. Наряду с широко распространенными встречались редкие имена святых, например *Hegesippus* (Хегесиппус), *Aquilina* (Аквилина), *Eudoxus* (Эудоксус) и *Zenobia* (Зенобия). Около тридцати–сорока календарных дней не были днями именин. В эти дни вспоминали о событиях, описанных в Новом Завете (*Nya testamentet*) или в сказаниях о святых: *Pauli omvändelse* (День обращения апостола Павла), *Petri fängelse* (заключение в темницу апостола Петра), *Johannes Döparens halshuggning* (обезглавливание Иоанна Крестителя), а также *Sju sovare* (День семи отроков Эфесских; День сони) и *Fyrtio martyrer* (День сорока Севастийских мучеников). Шесть дней были связаны с именами, напоминающими о почитании Девы Марии (*Jungfru Maria*) еще в период Средневековья: *Marie avlelse* (день Непорочного зачатия Девы Марии) и *Marie himmelfärd* (день Вознесения Девы Марии). До нашего времени сохранились только два дня почитания Божьей Матери – *Kyndelsmässodagen* (День свечей) и *Marie bebådelsedag* (Благовещение).

Таким образом, назрела необходимость составить список, более соответствующий сложившемуся положению в классе антропонимов. По распоряжению парламента Швеции был учрежден коми-

тет, в обязанности которого входило рассмотрение данной проблемы. Новые нормы написания и употребления имен закрепились в 1901 г. и действовали на протяжении почти всего XX столетия. В соответствии с их основным принципом старые латинские имена подлежали замене на сходные по звучанию скандинавские: *Bonifacius* (Бонифациус) превратился в *Bo* (Бу), *Hilarius* (Хилариус) – в *Hilding* (Хильдинг), *Aristarkus* (Аристаркус) – в *Arne* (Арне), *Hippolitus* (Хипполитус) – в *Hillevi* (Хиллеви), *Damianus* (Дамианус) – в *Dagmar* (Дагмар), *Heliodorus* (Хелиодорус) – в *Helga* (Хельга).

Несмотря на то что в конце XVIII в. не существовало статистики наречения в современном понимании этого слова, введение отдельного списка имен означало серьезную новацию в учете антропонимов того времени. Р. Оттербьёрк отмечает, что из календаря 1901 г. были вычеркнуты 150 имен, заменены 28, общее число имен составило 356 [Otterbjörk 1973: 50]. В календаре еще не были представлены имена, которые вскоре стали самыми распространенными: *Anita* (Анита), *Göran* (Йёран), *Jan* (Ян), *Peter* (Петер), *Siv* (Сив) и *Ulla* (Улла). Однако в результате существенных изменений шведский язык обогатился 177 новыми личными антропонимами. Первые изменения произошли с именем *Nore* (Нуре), которое было заменено на имя *Sverker* (Сверкер) в результате разрыва унии между Швецией и Норвегией в 1905 г. Имя *Astrid* (Астрид) в 1907 г. заменило имя *Estrid* (Эстрид) после появления на свет принцессы Астрид в 1905 г. Имя *Kasper* (Каспер) в 1934 г. вновь появилось в списке имен вместо женского имени *Sibylla* (Сибюлла) [Otterbjörk 1973: 50].

Новый перечень имен установился благодаря тому, что привилегия Шведской королевской академии наук печатать календари имен была отменена постановлением парламента в 1972 г. Вследствие этого различные организации могли заниматься выпуском календарей и вносить туда любые имена.

Как отмечает К. Ньюман, в XX в. для изменения перечня имен привлекали различных участников, поэтому возникло желание сделать так, чтобы он лучше соответствовал современному языку и больше людей получили возможность праздновать именины, имея в распоряжении расширенный список имен. Необходимо было также учесть культурно-исторические традиции [Nyman 2009: 10].

Издательство *Esselte Almanackförlag* поручило Р. Оттербьёрку, эксперту по шведским антропонимам, разработать список имен собственных для календаря. Поскольку в списке отсутствовали многие из существовавших имен собственных, которые стали в XX в. широко употребительными, Р. Оттербьёрк должен был каждый день вводить в употребление по три новых имени. Первое из них соответствовало перечню имен от 1901 г., остальные два – новым нормам. «Правила трех имен» Р. Оттербьёрка впервые издали в 1986 г. Благодаря правилам в употребление вошли такие имена, которые шведам до этого были совершенно не знакомы, например: *Alin* (Алин), *Almar* (Альмар) и *Idar* (Идар) – формы мужских имен, образованные от *Alina* (Алина), *Alma* (Альма) и *Ida* (Ида) соответственно. Новые правила никогда не пользовались успехом и действовали лишь в течение семи лет [af Klintberg 2005: 19].

В издательстве *Esselte Almanacksförlag* решили, что имена, указанные в альманахе, должны отображать более реальную картину состояния шведских личных антропонимов, и поручили П. Хеннингссону разработать новые правила, на этот раз выводя из списка по два имени в день. Нововведение закрепилось в 1993 г. Десяток устаревших имен, числившихся в календарях с 1901–1986 гг., в том числе *Ambrosius* (Амбросиус), *Eufemia* (Эвфемия), *Götilda* (Йё-тильда) и *Napoleon* (Наполеон), исчезли из календарей. В соответствии с новыми стандартами, основное внимание теперь уделялось определению частоты употребления тех или иных имен в течение всего XX столетия.

В результате изменений в 1993 г. количество мужских имен в календаре составило 51%, а женских – 49% [Hebbe, Ek 2005: 219].

Несмотря на явные преимущества, правила двух имен также не избежали критики. Стремление представить родственные пары антропонимов привело к тому, что в календари вошло большое количество ласкательных форм имен. Теперь на месте одиночных имен стояли пары: *Edvard* (Эдвард) – *Eddie* (Эдди), *Elsa* (Эльса) – *Elsie* (Эльси) и *Anna* (Анна) – *Annie* (Анни). Это вызвало многочисленные вопросы о функции ласкательных имен и предпочтении тех или иных форм. Например, включение *Annie* вместо *Anne* и *Ann* противоречило логике: женщины знают, что являются носительницами варианта имени Анна и, соответственно, могут справлять именины в один день.

Поскольку правило двух имен закрепляло на письме множество подобных форм, существовал риск того, что исчезнет различие между официальными именами и формами, используемыми в непринужденном общении. В некоторых парах оба имени являлись уменьшительными формами какого-либо антропонима, уже занимавшего определенную дату в календаре, например *Gunni* (Гунни) – *Jim* (Джим) (26.06). *Gunni* (Гунни) – ласкательная форма от имени *Gunhild* (Гунхильд) (30.01), а *Jim* (Джим) – от *James* (Джеймс), английского аналога имени *Jakob* (Якоб) (25.07) [af Klintberg 2005: 20].

На примере имени *Jim* (Джим) можно также сделать вывод, что число английских уменьшительных форм среди шведских имен было внушительным: *Jack* (Джек), *Jill* (Джилл), *Bill* (Билл), *Tim* (Тим), *Clary* (Клэри), *Jerry* (Джерри), *Nelly* (Нелли), *Sally* (Салли), *Sam* (Сэм) и *Mark* (Марк). Все эти имена прижились в современном шведском языке. Однако для нормативных правил употребления имен следовало бы ввести некоторые ограничения на влияние со стороны имен английских. Так считали многие из тех, кто подвергал правила двух имен критике [af Klintberg 2005: 20–21].

В середине 1990-х гг. действовали два принципа употребления имен: «правило двух имен» и «осовремененное» правило 1901 г. Многим людям не нравился тот факт, что их имена можно было обнаружить под разными датами в нескольких календарях. Под давлением со стороны предприятий по выпуску календарей имен образовалась рабочая группа, куда входили представители Шведской академии (*Svenska Akademien*), Института языка и фольклора (*Språk - och folkminnesinstitutet, SOFI*), Шведской языковой комиссии (*Svenska språknämnden*), этнологи и издатели календарей. Работа по созданию общего списка по употреблению и написанию имен собственных в календарях началась в 1996 г., и в 2001 г. шведские издатели приняли новые правила.

Согласно новым нормам по два имени приходится на 254 дня в году и по одному на 104 дня. Под шестью датами вообще не значится имен: первый день Нового года (*Nyårsdagen*, 1.01), День свечей (*Kyndelmässodagen*, 2.02), Благовещение (*Marie bebådelsedag*, 25.03), День Иоанна Крестителя (*Johannes Döparens dag*, 24.06), День Всех Святых (*Allhelgonadagen*, 1.11) и Рождество (*Juldagen*, 25.12), а также каждые четыре года добавляется високосный день

(*Skottdagen*, 29.02) [af Klintberg 2005: 20]. Единственный день в году, на который выпадает три имени, – *Kasper* (Каспер), *Melker* (Мелкер), *Baltsar* (Бальтсар) – Крещение (*Trettondedag jul*, 13.01).

Принцип 1993 г. – соединять в пары имена, несхожие по значению корней, но близкие по звучанию, – отменили. Следуя этому принципу, можно было получить неверное представление о сходстве таких имен. 18 имен, убранных согласно правилам 1993 г. из календарей, были возвращены на те даты, под которыми они значились в 1901 г. Среди них такие имена, как *Börje* (Бёрье), *Rakel* (Ракель), *Rebecka* (Ребекка), *Rudolf* (Рудольф) и *Svante* (Сванте).

При выборе имен основное внимание уделяется частотности их употребления в современном шведском языке и значимости последних для культурного наследия страны. Шведские имена указаны в календарях не только для того, чтобы знать, когда отмечать именины, они также напоминают об истории страны [af Klintberg 2005: 21].

§ 5. Влияние межкультурной коммуникации и моды на формирование корпуса антропонимов

Межкультурная коммуникация, охватывающая лингвистические и социальные основы общения, влияет на имятворчество. Одни имена и фамилии легко вписываются в шведскую языковую и речевую среду, для установления их происхождения нужны этимологические разыскания, в то время как другие свидетельствуют о том, что они уходят корнями в обычаи и традиции другой культуры. Шведская антропонимическая база расширяется не в последнюю очередь под влиянием моды на имена.

Вплоть до начала XII в. в Швеции безраздельно господствовали древние скандинавские имена. Благодаря крестовым походам с юга в страну начали проникать иностранные антропонимы, связанные с церковной тематикой: библейские имена и имена святых, например *Nikolaus* (Николай), *Stefanus* (Стефан), *Petrus* (Петр). К. Нюман, изучая историю шведских антропонимов, пришла к выводу, что немецкое влияние было особенно значительным, начиная с XIII в. С этого же времени вошли в активное употребление такие имена, как *Henrik* (Хенрик), *Vilhelm* (Вильгельм) и *Sivert* (Сиверт) [Nyman 2009: 9]. Расширение международных контактов в эпоху

Великодержавия (1611–1718) способствовало активному употреблению немецких антропонимов [Otterbjörk 1973: 24; Wallensteen 2008: 10]. Начиная с этого времени в Швеции появляются следующие мужские имена: *Adolf* (Адольф), *Fredrik* (Фредрик), *Ludvig* (Людвиг), *Otto* (Отто), а также женские – *Amalia* (Амалия), *Emma* (Эмма), *Ida* (Ида) и *Matilda* (Матильда). В период Тридцатилетней войны и некоторое время спустя имена в шведский язык проникали из нижненемецкого языка; нижненемецкий впоследствии был вытеснен верхненемецким языком. Так, имя *Vilhelm* (Вильгельм) стали употреблять вместо *Velam* (Велам), *Rudolf* (Рудольф) заменил *Rolf* (Рольф), *Bernhard* (Бернхард), *Eberhard* (Эберхард), *Gerhard* (Ерхард) начали использовать вместо *Ber(e)nt* (Бер(е)нт), *Evert* (Эверт), *Gert* (Ерт) соответственно [Otterbjörk 1973: 24].

В Средние века мода на имена определялась внутренними причинами. Почитание святых играло большую роль и приобрело такое же значение, как и языческий культ усопших предков, чему в немалой степени способствовала церковь. В этот период на процессы наречения влияет календарь, где указывались имена святых (*helgonkalendern*). Родители выбирают имя того святого, в чей день они крестят ребенка или же у кого ищут помощи и защиты для новорожденного. Имена многих святых, наряду с именами апостолов и других библейских персонажей, становятся «образцами для подражания» [Wallensteen 2008: 10].

Первоначально Р. Оттербьёрк [Otterbjörk 1973: 25, 27], а впоследствии Э. Брюлла [Brylla 2002: 14], Б. аф Клинтберг [af Klintberg 2005: 15], О. Даун [Цит. по: van Luik 2009: 79, 80], К. Нюман [Nyman 2009: 9, 10] указывают, что в XVIII в. антропонимические модные веяния диктовались в основном Францией. Так, Б. аф Клинтберг пишет, что в высших и зажиточных средних слоях общества при обращении друг к другу стали употребляться французские формы имен: например, женщину могли крестить под именем Йоханна, но в кругу друзей ее называли *Jeanette* (Жанетт). Неофициальные французские антропонимические образования вскоре приобрели статус официальных, даруемых человеку при крещении. Возникшая в XVII в. традиция давать детям двойные имена достигла своего пика в XVIII столетии. Зачастую это были женские имена французского происхождения. Такие двойные имена, как *Anne Charlotte* (Анна Шарлотта), *Beate Sophie* (Беата

Софи) и *Marie Louise* (Мари Луиза) переживали в то время свой расцвет. Они сохранили свою популярность вплоть до 1930–50-х гг., но в несколько иной орфографии (между частями имени начали ставить дефис) [af Klintberg 2005: 15]. Приведем примеры: *Ann-Marie* (Анн-Мари), *Ulla-Maj* (Улла-Май), *Sven-Olof* (Свен-Улоф), *Lars-Olof* (Ларс-Улоф), *Nils-Arvid* (Нильс-Арвид). Многие женские имена меняли графическое написание в угоду французской традиции: *Charlotta* (Шарлотта) превратилась в *Charlott* (Шарлотт), а *Sofia* (София) могла стать *Sophie* (Софи) [Nyman 2009: 10].

Имена: *Charlotte* (Шарлотта), *Louise* (Луиза), *Marianne* (Марианна), *Jean* (Жан), *Pierre* (Пьер), *Eugen* (Эжен) – взяло на вооружение духовенство, затем городская буржуазия, вслед за ними жители развитых провинциальных областей, а также ремесленники, торговцы, солдаты. Крестьяне выбирали подобные антропонимы в качестве крестильных, желая с помощью модного имени избавиться от «печати нищеты» [van Luik 2009: 79].

Б. аф Клингберг, Р. Оттербьёрк констатируют, что главенство французской традиции продержалось до начала XIX в., когда на смену рококо пришел романтизм. Произведение шотландца Дж. Макферсона «Песни Оссиана», которое было провозглашено народным эпосом (несмотря на то что в его создании по большей части участвовал сам Макферсон), ввело в Швецию XIX в. моду на такие имена, как *Oskar* (Оскар) и *Selma* (Сельма). Причиной популярности первого имени стало то, что по предложению Наполеона Карл XIV Юхан при крещении своему старшему сыну дал имя Оскар.

В Скандинавии романтизм выражался в почитании эпохи викингов, брутальность которых контрастировала с изящной культурой французских королевских дворов XVIII в. Вследствие возрождения языкового наследия эпохи викингов, важную роль стало играть творчество скандинавских писателей.

Б. аф Клингберг полагает, что одним из тех, чье творчество особенно повлияло на состав корпуса антропонимов в Швеции, был Исая Тегнер (*Esaias Tegnér*). Эту позицию разделяет и А. Мальмстен [Цит. по: van Luik 2009: 14]. В XIX в. приобрели популярность не только имена главных героев «Саги о Фрильофе» – викинга *Frithiof* (Фрильоф) и его *Ingeborg* (Ингеборг); интерес пробудили также имена второстепенных персонажей – *Björn* (Бьёрн), *Hilding*

(Хильдинг), *Torsten* (Торстен) и *Helge* (Хельге). В других поэтических произведениях Тегнера встречаются следующие имена: *Axel* (Аксель), *Gerda* (Ерда) и *Svea* (Свеа), последнее – в качестве аллегорического наименования Швеции. Эти имена в период эпохи Возрождения в скандинавских языках в XIX в. получили широкое распространение [af Klintberg 2005: 15–16].

Начиная с XIX в. в обиход вошло немало английских имен: причиной тому были иммиграционные процессы и переводы английской литературы на шведский язык. Упомянув о первом факторе, Р. Оттербьёрк отмечает, что речь идет в основном об именах из шотландских родов, таких как *Hamilton* (Гамильтон), *Murray* (Мюррей), *Sinclair* (Синклер). Благодаря им шведский именной фонд пополнился следующими антропонимами: *Gilbert* (Гилберт), *Hugo* (Хюго), *Malkolm* (Малькольм), *Patrik* (Патрик). Вторым фактором обусловил употребление таких имен, как *William* (Уилльям), *Oskar* (Оскар), *Benny* (Бенни), *Fanny* (Фанни) и *Annie* (Энни) [Nyman 2009: 10]. Особой популярностью стали пользоваться имена, оканчивающиеся на *-y* и *-ie*: *Billy* (Билли), *Kitty* (Китти), *Lilly* (Лилли), *Molly* (Молли), *Peggy* (Пегги), *Teddy* (Тедди), *Tommy* (Томми), *Eddie* (Эдди), *Maggie* (Магги) [Otterbjörk 1973: 27].

Шведская традиция публиковать объявления о происходящих в семьях событиях имеет давнюю историю. Связано это с обычаем размещать в газетах на семейных страницах (*familjesidor*) информацию о помолвке (*förlovningsannonserna*), свадьбе (*bröllopsannonserna*), рождении (*födelseannonserna*) и смерти (*dödsannonserna*) человека. К. ван Луик предполагает, что по этим объявлениям можно изучить историю имен и выявить связанные с ними определенные тенденции. Например, объявления о рождении дают возможность проследить антропонимические предпочтения, из сообщений о помолвке или свадьбе можно узнать, как зовут людей в возрасте от 20 до 50 лет, а извещения о смерти позволяют сопоставить типичные имена начала XX в. с современными [van Luik 2009: 139]. А. Риббинг обращает внимание на различия в содержании объявлений о рождении ребенка 50–70-х гг. XX в. от объявлений конца столетия, в частности, прежде имя новорожденного в них не указывалось [Ribbing 2005: 4]. Публикация имен детей в сообщениях об их появлении на свет – новая реальность в шведской культуре. В 60-е гг. XX в. в объявлениях сообщалось только о поле

ребенка, дате рождения и именах родителей [van Luik 2009: 11]. В настоящее время зачастую рассказывается, что малыша любят и что он долгожданный, придумываются оригинальные фразы с именем («Добро пожаловать, любимая Алисиа (*Alicia*)», «Тим (*Tim*) стал старшим братиком для Вигго (*Wiggo*)»). Таким образом, наличие имен в текстах подобного типа может оказать воздействие на решение других родителей, ищущих подходящее имя для своего ребенка.

По мнению А.-М. Селлерберг, профессора социологии Лундского университета, называя ребенка модным именем, родители должны понимать, что он будет носить это имя и тогда, когда мода на него пройдет. И все равно, если речь заходит о чем-то прочном и долговечном, будь то солидная мебель или официальное имя, люди инстинктивно выбирают модное, хотя прекрасно знают – вещи или понятия, модные даже несколько лет назад, сегодня уже неактуальны. Так, мебель из тика спустя какое-то время привлекает нас гораздо меньше, равно как и имена *Greta* (Грета) и *Rut* (Рут). Тем не менее, размышляя о модных понятиях, люди не думают о прошлом или будущем, они мыслят настоящим. Личные имена являются своего рода маркерами настоящего, ведь рождение ребенка становится самым важным событием в жизни родителей, а задача вторых и третьих имен – далее передавать традицию имянаречения [Sellerberg 1978: 13, 15].

В XX в. особой популярностью в шведской культуре пользуются имена полубившихся героев книг, кинофильмов и телесериалов и т.п. Так, в 30-е гг. XX в. после показа в Швеции фильма *Sonny Boy* («Мальчик по имени Сонни») родители начали активно называть новорожденных мальчиков *Sonny* (Сони). В это же время у шведов стало популярным имя *Clark* (Кларк). Мода на это имя появилась благодаря голливудской кинозвезде 1930–1940-х гг. Кларку Гейблу, исполнившему роль Ретта Батлера в мелодраме «Унесенные ветром» (1939). Однако для шведов звучание имени актера не было привычным, и они произносили его как *Slark* (Сларк).

В 70-е гг. XX в. благодаря серии книг Гуниллы Бергстрём о мальчике Альфонсе Оберге – первая книга вышла в свет в 1972 г. под названием *Godnatt, Alfons Åberg* («Спокойной ночи, Альфонс

Оберг») – соответствующее имя обрело популярность. После экранизации в 1989 г. романа Ульфа Старка *Dårfinkar & Dönickar* («Чудаки и зануды») стало модным имя главной героини *Simone* (Симоне). С 1997 по 2003 г. около 6 000 новорожденных девочек были наречены именем *Wilma* (Вильма). Причиной тому послужил сериал *Skärgårdsdoktorn* («Доктор с Архипелага»). В начале 1990-х в Швеции после показа американского сериала «Беверли Хиллз, 90210» получило распространение имя *Brandon* (Брендон). В 1995 г. было зафиксировано 250 случаев наречения мальчиков этим именем.

В XX в. «литературным диктатором имен» стала Астрид Линдгрэн. Это мнение высказывают в своих работах Э. Брюлла [Brylla 2002: 20], Б. аф Клинтберг [af Klintberg 2005: 16], К. ван Луик [van Luik 2009: 14–15]. Имена многочисленных персонажей писательницы – *Ida* (Ида), *Emil* (Эмиль), *Rasmus* (Расмус), *Madicken* (Мэдикен), *Mio* (Мио) и даже *Pippi* (Пиппи), *Jonatan* (Йонатан) – обрели носителей и в реальной жизни.

Имена литературных героев завоевывают еще большую популярность после экранизации произведений. Хотя иногда это случается по прошествии некоторого времени. Например, книга А. Линдгрэн *Vi på Saltkråkan* («Мы – на острове Сальткροка») была напечатана в 1964 г., полнометражный фильм вышел на экраны в 1968 г., а имя *Malin* (Малин) активно вошло в моду в 70-е и 80-е гг. XX в. То же самое случилось с именем *Ronja* (Рони) из произведения А. Линдгрэн *Ronja rövardotter* («Рони, дочь разбойника»). Книга появилась в 1981 г., а была экранизирована в 1984 г. (именно на этот период приходится пик популярности имени). В 1990 г. в Швеции на экранах появляется сериал *Ebba och Didrik* («Эбба и Дидрик»). Книга *Didrik* («Дидрик») Кристины Хелльстрём выходит в 1989 г., а *Ebba* («Эбба») в 1990 г. Соответствующие имена становятся популярными после показа сериала. К. Хелльстрем создает также имя Урла (*Yrlla*) (от *ura* – бред, вьюга и *virvla* – кружиться), объясняя это необходимостью особого имени для девушки, которая очарует Дидрика. В списках шведских личных имен имя *Yrlla* не зафиксировано, однако после показа сериала оно многим понравилось, и были отмечены случаи наречения им детей. Экранизация в 1997 г. романа датского писателя Питера Хёга *Fröken Smillas känsla för snö* («Смилла и ее чувство снега»), написанного в 1994 г.,

сделала имя *Smilla* (Смилла) более часто встречающимся в качестве первого имени.

В немалой степени популярности своего имени у поклонников способствуют известные личности. Так, благодаря легендарному шведскому бегуну Гундеру Хэггу (*Gunder Hägg*) в 1943 г. (именно на это время приходятся его лучшие спортивные достижения) было очень модно имя *Gunder* (Гундер). Имя *Benjamin* (Беньямин) стало активно использоваться в 60-е гг. XX в. после выступления в дуэте на рождественском вечере Беньямина Сюрсы и Бенгта Фелдриха. После того как в 2004 г. певец *Darin* (Дарин) вышел в финал передачи «Идол» (посвящена поиску талантливых исполнителей), его именем назвали 100 мальчиков. Распространенное ныне в Швеции имя *Zlatan* (Златан) своим успехом обязано Златану Ибрагимовичу, шведскому футболисту боснийского происхождения, играющему за сборную страны.

Мода на имена имеет циклический характер [Hagström 2006: 54]. Необходим временной отрезок от 80 до 100 лет, чтобы имя снова стало популярным. Современные родители редко называют своих детей именами, распространенными в их поколении. Это дает основание считать, что должно пройти много лет, прежде чем имена *Annika* (Анника), *Liselott* (Лиселотт) и *Ulrika* (Ульрика), популярные в 60-е гг. XX в., вновь получат признание. Исключение составляют имена *Erik* (Эрик), *Oscar* (Оскар), *Maria* (Мария) и *Anna* (Анна), которые вряд ли когда-либо войдут в разряд устаревших [van Luik 2009: 13]. Э. Брюлла добавляет к перечисленным антропонимам *Anders* (Андерс), *Johan* (Юхан), *Olof* (Улоф), *Eva* (Эва), *Kristina* (Кристина), подчеркивая, что модные тенденции не оказывают влияния на устойчивость их употребления [Brylla 2002: 21].

По мнению А. Мальмстена, модой управляют «эффект третьего поколения», тенденции и дух времени. Имя должно привлечь внимание, чтобы оказаться популярным. Например, королевская династия была образцом для подражания в том, что касается выбора имени. Появление на свет принца Бертиля в 1912 г. создало моду на его имя, и в 20–30-е гг. XX в. многие родители давали это имя детям при крещении. Имена принцесс – *Margaretha* (Маргаретта) (1934), *Birgitta* (Биргитта) (1937), *Désirée* (Дезире) (1938) и *Christina* (Кристина) (1943) – дали толчок к распространению этих имен

среди жителей королевства. Исследователь отмечает, что широкому употреблению имен способствует наречение «правильным человеком» своего ребенка именем, которое может стать популярным. Например, имя *Robin* (Робин) не было широко употребительным в Швеции. Однако после того как у Бьёрна Борга в 1980 г. родился сын Робин, оно вошло в разряд таковых [Цит. по: van Luik 2009: 14]. И этот пример не единичен. В 1980-х были также популярны имена *Oliver* (Оливер) и *Nathalie* (Натали). Оливер – сын известной певицы Перниллы Вальгрэн, Натали – дочь одного из лучших горнолыжников Ингемара Стенмарка.

А. Мальмстен обнаруживает следующую тенденцию: сегодня многие родители пытаются избежать обычных имен в отличие от 50-х гг. XX в., когда приблизительно 80% всех детей носили имена из десяти самых популярных. В настоящее время этот процент снизился до 50. Если ранее царил дух коллективизма, главным было слово «стабильность» и умение не выделяться, то сейчас родители хотят, чтобы их дети отличались от других. Исследователь О. Даун солидарен с А. Мальмстеном в значимости фактора места жительства для выбора имени, отмечая, что в Стокгольме люди смелее дают своим детям странные и забавные имена, в то время как в небольших городах жители более традиционны и даже консервативны в отношении новых имен [Цит. по: van Luik 2009: 82].

Как утверждает Б. аф Клинтберг, последние десятилетия моду на имена определяет факт широкой сферы употребления библейских и латинских имен. Мужские имена библейского происхождения *Simon* (Симон), *Jacob* (Якоб), *Lukas* (Лукас), *Marcus* (Маркус) и *Samuel* (Самуэль) занимают первые позиции в рейтингах личных имен. В начале XXI в. латинское имя *Julia* (Юлия) было самым популярным женским именем, а четвертое место среди имен новорожденных мальчиков занимало имя *Victor* (Виктор) (тоже латинского происхождения). В отличие от середины XX в., когда предпочтительны были краткие мужские имена, сейчас в моде длинные, впечатляющие имена, такие как *William* (Уильям), *Alexander* (Александр) и *Sebastian* (Себастьян). Среди самых частотных женских имен оказываются краткие, простые и мягкозвучные имена, например *Emma* (Эмма), *Elin* (Элин), *Maja* (Майя) и *Moa* (Муа) [af Klintberg 2005: 16].

В последней трети XX – начале XXI вв. вместе с еженедельной прессой, фильмами, радио- и телепередачами, Интернетом в Швецию активно стали проникать англосаксонские, главным образом американские имена. В моду вошли такие имена, как *Kenneth* (Кеннет), *Roger* (Роджер), *Ella* (Элла), *Jane* (Джейн), *Jessica* (Джессика), *Nancy* (Нэнси) и *Violet* (Вайолет).

Следует отметить, что в XX в. происходили иммиграционные процессы, оказывающие влияние на корпус шведских имен. Так, с началом Второй мировой войны в 1939–1940-е гг. в Швецию было эвакуировано большое количество детей из Финляндии, что способствовало появлению имен *Aili* (Аили), *Eila* (Эила), *Hilja* (Хилья), *Jussi* (Йюсси).

Начиная с конца 1970-х г. количество иммигрантов в стране резко увеличивается. Швеция становится мультикультурным обществом, в котором помимо шведского языка встречается около 200 других языков [Brylla 2004: 9]. Среди определенных групп населения распространены арабский, ассирийский, курдский, польский, сербский, хорватский языки. Этнолог Ш. Хагстрём утверждает о существовании иерархии имен. По мнению исследовательницы, в обществе бытуют типичные имена иммигрантов (*invandrarnamn*), характеризующиеся большей чуждостью, чем другие иностранные имена. Таковы имена *Mohammed* (Мохаммед) и *Liam* (Лиам). Первое имя арабского происхождения, второе – кельтского. Популярность имени Лиам Ш. Хагстрём объясняет его благозвучностью для шведского языка. Произношение имени совпадает с его написанием, в то время как мусульманское Мохаммед сигнализирует о нешведскости и связано с представлениями о чуждых нравах и традициях. Мусульманские имена, особенно распространенные на Ближнем Востоке и в Северной Африке, занимают самые нижние позиции в иерархии системы шведских имен [Hagström 2006: 145–146].

Мода может существовать не только на имена, но и на фамильные антропонимы. Так, Р. Сандстрём, изучая процесс шведизации финских фамилий в коммуне Паяла, расположенной в долине реки Торнео в Швеции, выяснила основные причины смены фамилий, которая носила массовый характер в период с 1940 по 1960 г. Это в первую очередь наличие в коммуне множества однофамильцев с

финскими фамилиями; трудности взаимодействия шведских официальных учреждений с людьми, носящими сложные финские фамилии. На стремление местных жителей сменить финские фамилии на шведские повлияло благозвучие последних, а также мода того времени на шведские фамильные имена [Sandström 1991: 149–152].

Э. Брюлла в монографии *Andersson, Petersson, Lundström och ... Beachman: Om nordiska efternamn i sin europeiska omgivning*, подробно рассматривая проблему истории и традиции формирования шведских фамилий, освещает вопрос влияния других культур на становление класса родовых имен [Brylla 2009: 36–74]. Проникая в шведский язык, инокультурные фамилии расширяют этническое пространство шведских родовых имен.

Многие шведские фамилии имеют немецкие корни. Среди таких заимствованных фамилий в достаточном количестве встречаются обозначения тех или иных профессий: *Fisher* (Фишер – рыбак), *Koch* (Кох – повар), *Kröger* (Крёгер – трактирщик), *Müller* (Мюллер – мельник), *Schulz(e)* (Шульц(е), – сельский староста), *Schmidt* (Шмидт – кузнец), *Wachtmeister* (Вахтмайстер – заведующий, управляющий; сторож, вахтер).

Окончание немецкого происхождения *-er* встречаем в фамилиях *Kröger/Kreuger* (Крёгер/Кройгер), *Böttiger* (Бёттигер). Оно использовалось в заимствованных обозначениях тех или иных профессий, например в следующих фамилиях: *Hæffner* (Хёффнер – гончар), *Leffler* (Леффлер – тот, кто делает седла) и *Meyer* (Мейер – управляющий). Позднее это окончание стало прибавляться к изначально шведским образованиям: *Berger* (Бергер) от *Berg* (Берг), *Linder* (Линдер) от *Lind* (Линд), *Hagströmer* (Хагстрёмер) от *Hagström* (Хагстрём).

Основу для образования многих фамилий создают также прозвища немецкого происхождения, выражающие внешние или внутренние качества человека: *Groth* (Грот – большой), *Klein* (Кляйн – маленький), *Ланг(е)* (*Lang(e)* – длинный), *Scheele* (Шееле – косоглазый, косою), *Schön* (Шён – красивый), *Wrede* (Вреде – гнев, ярость).

В заимствованных из немецкого языка фамилиях выделяется подгруппа, связанная с названиями животных: *Falk* (Фальк – со-

кол), *Fuchs* (Фукс – лиса), *Geijer* (Гейер – гриф), *Lamm* (Ламм – ягненок), *Löwe* (Лёве – лев), *Schwan* (Шван – лебедь), *Taube* (Таубе – голубь), *Vogel* (Фогель – птица), *Wolf* (Вольф – волк).

Фамилии могут быть образованы от слов, обозначающих происхождение человека: *Beijer/Bayer* (Бейер/Байер) – житель Баварии, *Bremer* (Бремер) – житель Бремена, *Mannheimer* (Маннхеймер) – житель Маннхайма, *Pollack* (Поллак) – гражданин Польши, *Wendt* (Вендт) – от средненижнемецкого *Went* – один из вендов, представителей западнославянских народов.

Немецкая традиция употреблять в качестве фамилий имена впоследствии распространилась и в Швеции. В данном случае речь идет о сокращенных патронимах, именах отцов, например *Fritz(e)* (Фриц(е)), *Steffen* (Штеффен). Иногда они имеют форму генитива *Gumpertz* (Гумперц), *Lorentz* (Лоренц), *Siwertz* (Сиверц).

Французские заимствования состоят по большей части из валлонских имен, проникших в Швецию в XVII в. В их составе могли встречаться французские названия профессий: *Charpentier* (Шарпентье – плотник), *Lemoine*, *Lemon* (Лемойне, Лемон) от слова *le moine* (монах).

Прозвища, указывающие на физические и духовные качества человека, дают начало таким фамилиям, как *Le Grand* (Ле Гран) – от *le grand* (большой) и *Lenoir* (Ленуар), в свою очередь образованного от *le noir* (черный). Среди французских заимствований встречаются наименования животных, например в фамилии *Renard* (Ренар) – лиса. Имена и уменьшительные формы от них входят в состав таких фамилий, как *Bernadotte* (Бернадотт), *Laurent* (Лоран), *Pieron/Peyron* (Пьерон/Пейрон). Многие фамилии образованы от французских географических названий, перед которыми употребляются *de (du, de la)*: *Anjou* (Анжу), *De Geer* (Де Геер), *De Laval* (Де Лаваль).

Заемствованные фамилии из датского и норвежского языков появились в основном в XIX в. К датским патронимам, оканчивающимся на *-sen* (иногда форма *-sén*), относятся *Hansen* (Хансен), *Jensen* (Йенсен), *Petersén* (Петерсен).

Топонимы, чаще всего норвежские, встречаются в составе фамилий с окончаниями *-gård (-gaard, -gard)*, *-by*, *-rup (-drup, -tup, -torp)* и *-stad (-sted)*: *Lindegård* (Линдегорд), *Wingård* (Вингорд),

Agardh/Ågårdh (Агард/Огорд), *Lyngby* (Люнгбю), *Norrby* (Норрбю), *Gleerup* (Глееруп), *Sverdrup* (Свердруп), *Fjæstad* (Фьёстад).

Большинство славянских фамилий, проникших в Швецию, образовалось от исконно вендских топонимов, оканчивающихся на *-ow (-u, -au), -itz*, например *Barnekow* (Барнеков), *Beskow* (Бесков), *Sydow* (Сюдow), *Herlitz* (Херлиц) или же комбинации этих окончаний *-witz: Brusewitz* (Брузевиц). Такие фамилии родом из Северной Германии, в особенности Померании. Окончаниями *-sky, -ski(j)* польских и русских фамилий указывают на определенные родовые отношения или же на происхождение: *Jacobowsky* (Якобовский), *Snoilsky* (Снойльский).

Э. Брюлла указывает, что английские и кельтские фамилии встречаются в Швеции довольно редко. Среди них можно выделить наименования профессий – *Miller* (Миллер – мельник), *Stuart* (Стюарт – тот, кто обслуживает, управляющий (имением)), *Wright* (Райт, от древн.-англ. *wryhta* – плотник, столяр). К этой же группе относятся исконные прозвища, подчеркивающие физические и духовные качества человека, например *Whitlock* (Витлок, – светлые локоны), *Young* (Янг – молодой). Исконные имена входят в состав патронимических фамилий, таких как *Sinclair* (Синклэр), *William* (Уильям), *Jones* (Джонс), *Stephens* (Стефенс). Среди них встречаются также фамилии, оканчивающиеся на *-son: Dickson* (Диксон), *Nelson* (Нельсон), *Wilson* (Уилсон).

Английские топонимы находим в составе родовых имен: *Crafoord* (Крафурд), *Fleetwood* (Флитвуд), *Montgomery* (Монтгомери) и *Hamilton* (Гамильтон). Кельтского происхождения патронимы с префиксом, имеющим значение «сын» или «потомок»: *Mac Gregor* (МакГрегор/Мак Грегор – шотландская), *Ap George* (ап Джордж – валлийская), *O'Konor* (О'Конор – ирландская).

Итальянские и испанские фамилии среди древних шведских родовых имен отличаются низкой частотностью: *Ambrosiani* (Амбросиани), *Belmonte* (Бельмонте), *Rinaldo* (Ринальдо), *Lopez* (Лопес).

Финские фамилии в значительном количестве встречаются в провинциях Норрланда. Большинство из них образуется путем сложения топонимов с суффиксами *-järvi, -maa, -niemi, -pää, -saari, -vaara* или *-ala, -ela, -ila, -ola, -ul*, например *Järvenpää* (Ярвенпяя),

Pajala (Паяла). Можно привести примеры и с другими суффиксами: *-anen, -ainen, -inen, -onen*: *Vaaranen* (Вааранен), *Mattinen* (Маттинен).

В результате иммиграционных процессов пространство шведских фамилий расширяется не только за счет западных антропонимов, но и фамилий арабского, курдского, персидского происхождения: *Javadifaraz* (Джавадифараз), *Mahabubul* (Махабубуль), *Musesultan* (Мусесултан).

§ 6. Современные тенденции имянаречения

С течением времени факторы, влияющие на имянаречение, меняются. Традиционные мотивы имянаречения дополняются новыми, что в свою очередь находит отражение в сохранении национальной именной системы. Появляются необычные имена, изменениям подвергаются распространенные имена. Так, за последние десять–двадцать лет родители зачастую нарекают детей довольно распространенными и популярными именами, отличающимися оригинальным правописанием – *Allis* (Аллис), *Mayah* (Майя), *Viljam* (Вильям), *Allexzander* (Аллексзандер), *Izack* (Изак).

Э. Альдрин отмечает, что родители старшей возрастной категории, имеющие высшее образование, чаще выбирают традиционные скандинавские имена, такие как *Erik* (Эрик) и *Axel* (Аксель). Не менее важно для них, чтобы имя носило международный характер. Молодые, менее образованные родители, предпочитают необычные имена [Aldrin 2011: 239, 240].

Регулярно в шведской печати появляются публикации, в которых родители рассказывают о причине выбора необычных имен для своих детей, а также о том, как долго им пришлось оформлять эти имена в официальных шведских государственных органах. В газете «Гетеборгс постен» сообщается о решении налоговой службы официально использовать имя *Metallica* (Металлика) [Göteborgs posten, 21.09.2009]. Ранее в прессе был опубликован ряд статей, описывающих сложности, связанные с оформлением этого имени, довольно редкого для Швеции. Примеров тому множество. В статьях часто указывается количество носителей подобных имен в Швеции. Когда в 2008 г. в провинции Сконе ребенка нарекли именем *Vic* (Вик), то в Швеции насчитывалось всего лишь шесть человек с этим именем в качестве официального (*förnamn*) и только

один человек с данным именем-обращением (*tilltalsnamn*) [Norra Skåne, 19.08.2008].

Родившейся в апреле 2007 г. в Швеции девочке дали имя *Barbie* (Барби), и она на тот момент была единственная его носительница в стране [Expressen, 16.04.2007]. В 2008 г. на свет появилась девочка, получившая имя *Engla-Leona* (Энгла-Леона), и она, возможно, единственная с таким уникальным именем-обращением (*tilltalsnamn*).

Публикуются статьи на тему отклонения имени при регистрации. Так, в 2011 г. отклонили заявку 28-летнего молодого человека, желающего заменить свою вторую фамилию (*mellannamn*) на HV71. Газета «Экспрессен» называет имя этого человека – *Joakim Sarsten* (Йоаким Сарстен) и причину выбора необычного имени HV71: Йоаким Сарстен – болельщик шведской хоккейной команды HV71 [Expressen, 27.06.2011].

Любовь к футболу побудила родителей мальчика по имени *Elis* (Элис) добавить к его не основным именам (*andra namn*) имя *Bajen* (Байен). *Bajen* (Байен) – название клуба футбольных болельщиков шведской команды Hammarby IK. В результате полное имя ребенка выглядит *Elis Bajen Eddie Roland* (Элис Байен Эдди Роланд) [Norra Skåne, 19.05.2010].

В 2004 г. была отклонена просьба родителей мальчика по имени *Lone Jepsen* (Лоне Йепсен) добавить к основной фамилии (*efternamn*) в качестве второй фамилии (*mellannamn*) *Korsgaard* (Корсгорд). В этой датской семье оно использовалось в качестве среднего родового имени на протяжении более четырехсот лет. Однако согласно шведскому закону «Об именах» в качестве среднего имени должна выступать фамилия одного из родителей. Остальные составляющие имени относятся к понятию *förnamn*. Закон определяет, что имя не должно быть похоже на фамилию [Expressen, 27.11.2004].

На сайте ИТАР-ТАСС однажды была размещена статья под заголовком «Гражданину Швеции не удалось изменить свое имя на «Его Величество». В ней сообщается о желании некоего Ханса Эрика добавить к своему имени словосочетание «Его Величество», чтобы именоваться Его Величество Эрик. «Титулы, имеющие хождение в обществе, могут вызывать недоразумения, а потому не подходят для использования в качестве имен», – значилось в ответном

письме налоговой службы. Закон «Об именах» не допускает использование имен, способных вызвать чувство обиды, неудобства или неподходящих по каким-либо иным причинам [Дергачева: ЭР].

Среди одобренных государственными органами имен встречаются следующие: *Törnrosa* от *törnros* ‘шиповник’, *Glädje* от *glädje* ‘радость’, *Grill* от *grill* ‘гриль’, *Minus* от *minus* ‘минус’, *Sputnik* от *sputnik* ‘спутник’. Приведем примеры отклоненных имен для женщин: *Allan* (Аллан), *Boris* (Борис), *Doctor* (Доктор), *Filip* (Филип) и *Likagod* (Ликагуд). В число незарегистрированных мужских имен вошли, например, следующие: *Dotcom* (Дотком), *Fån* (Фон) от *fån* (разг. слабоумный, идиот), *Göken* (Йёкен от *göken* ‘кукушка’, ‘плут’), *Plektrum* (Плектрум) от *plektrum* (муз. плектр). В то время как имена *Sara-Stefan* (Сара-Стефан), *Madeleine* (Мадлен), *Malin* (Малин) отклонены для мальчиков, а имена *Elba* (Эльба) и *Åsa-Nisse* (Оса-Ниссе) приняты [van Luik 2009: 155–156].

Нестандартные имена можно условно разделить на следующие основные семантические группы:

- топонимические (страны и города): *America* (Америка), *Kiruna* (Кируна), *London* (Лондон), *Luleå* (Люлео), *Paris* (Париж), *Stockholm* (Стокгольм), *Texas* (Техас), *Trinidad* (Тринидад);

- зоонимические (названия животных, насекомых, птиц): *Duva* ‘голубь’, *Falk* ‘сокол’, *Humla* ‘шмель’, *Katt* ‘кошка’, *Leopard* ‘леопард’, *Misse* (разг. ‘кот’), *Mugg* ‘комары, мошкара’, *Myra* ‘муравей’, *Mås* ‘чайка’, *Orm* ‘змея’, *Pippi* (в детской речи ‘птица’), *Puma* ‘пума’, *Tiger* ‘тигр’, *Zebra* ‘зебра’ и др.;

- флоральные (имена, обозначающие названия деревьев, кустарников, растений): *Ask* ‘ясень’, *Hallon* ‘малина’, *Koriander* ‘кориандр’, *Smultron* ‘земляника’, *Timotej* ‘timoфеевка’, *Tussilago* ‘мать-и-мачеха’, *Vejde* ‘вайда’, *Vide* ‘ива’ и др.;

- имена, в основе которых заложены слова с семантикой «явления природы»: *Måne* от *måne* ‘луна’, *Höst* от *höst* ‘осень’, *Månstrålen* от *måne* и *stråle* ‘луч, кончик, уголок’, *Snöflingan* от *snöflingan* ‘снежинка’, *Snöfrid* от *snö* ‘снег’ и *frid* ‘покой, мир’ и др.;

- имена, образованные при помощи заимствованной основы слова, например из английского языка: *Deep* от *deep* ‘глубокий’, *Freedom* от *freedom* ‘свобода’, *Modesty* от *modesty* ‘скромность’, *Summercloud* от *summer* ‘лето’ и *cloud* ‘облако’, *Sailor* от *sailor* ‘моряк’, *Sunshine* от *sunshine* ‘солнечный свет’;

- имена, содержащие в основе названия месяцев (за исключением *januari* ‘январь’). *Mars* ‘март’, *Augusti* ‘август’, *Oktober* ‘октябрь’, *November* ‘ноябрь’, *December* ‘декабрь’ выступают в качестве женских и мужских имен. В то время *Februari* ‘февраль’, *April* ‘апрель’, *Maj* ‘май’, *Juni* ‘июнь’, *Juli* ‘июль’, *September* ‘сентябрь’ можно встретить только среди женских имен;

- имена с неясной этимологией *Cson* (Сон), *Jazz-Ture* (Яз-Туре), *Myan* (Мюан), *Zappa* (Заппа) и др.

Количество семантических групп может увеличиваться и расширяться с учетом появления новых тенденций в имяназвании.

В рамках данной работы актуальна научная статья С. Энтзенберг *Smultron, Mynta och Peanut. Ätliga personnamn*. Автор, изучая семантическую группу так называемых «съедобных» шведских личных имен (*ätliga namn*) на различных материалах, датируемых концом XVII века до наших дней, и ограничиваясь названиями овощей, фруктов, ягод, трав, специй, сладостей, закусок, прохладительных напитков, приходит к следующим выводам. Так, среди названий ягод рябина (*rönnbär*) встретила лишь в качестве фамилии, в то время как черника (*blåbär*), малина (*hallon*), морошка (*hjortron*), крыжовник (*krusbär*), брусника (*lingon*), земляника (*smultron*) – только в качестве имени. Среди только фамилий оказались зафиксированы названия лука (*lök/lök*) и кабачка (*zucchini*). С. Энтзенберг считает, что даже если «съедобные» имена не получили широкого распространения в шведской культуре, они являются частью корпуса имен, и вопрос о их «продолжительности жизни» остается открытым [Entzenberg 2020: 39, 42].

Социальный характер имени выражается в желании шведов заявить обществу о важности индивидуальности и уникальности человека. Вероятно, речь идет о самоактуализации личности. Человек, изменяя имя, пытается реализовать свой личный потенциал. Языковед и писательница Т. Мелльбю акцентирует внимание на сильном проявлении индивидуализма в шведском обществе. Выбирая странные имена своим детям, родители полагают, что создать личность и обеспечить ей жизненный успех можно только с помощью имени [Svenska Dagbladet, 26.04.2010]. По мнению этнолога Ш. Хагстрём, каждый человек, независимо от его профессии, образования и социальной принадлежности, имеет возможность выбирать любые имена для своего ребенка [Hagström 2006: 17].

Смена фамилии/имени – довольно распространенное явление в Швеции. В период с 1920 по 1952 г. были введены в употребление 64 000 новых родовых имен. В газетной статье *Rekordmånga vill byta namn* («Рекордное число желающих изменить имя») отмечается, что ни один народ в мире не меняет имена так часто, как это делают шведы. Так, в 2009 г. около 8 000 граждан Швеции подали заявки на смену имени или фамилии. Среди распространенных причин смены имени отмечаются изменения в графических вариантах антропонимов. Чаще всего речь идет о замене согласных *S* и *Z*, например *Susanne* (Сюсанна) на *Suzanne* (Сюзанна) [Svenska Dagbladet, 27.04.2010].

Необходимость изменить имена возникает с появлением большого количества граждан, желающих закрепить свою гендерную идентичность. Речь идет и о людях с транссексуальной ориентацией. Патентно-регистрационному управлению даже пришлось составить список имен без родовых различий (*könsneutrala förnamn, unisexnamn*). В 2009 г. Верховный административный суд одобрил заявку некоего юриста *Jan-Olov* (Ян-Улов) добавить к своему имени женское имя *Madeleine* (Мадлен), в то время как женщина-юрист по имени *Carolina* (Каролина) получила разрешение добавить себе мужское имя *Sven* (Свен), взятое от бабушки. По заявлению Б. Коффга, экономиста в университете Клемсон в штате Южная Каролина, у женщин с гендерно-нейтральными именами больше возможностей построить карьеру в области юриспруденции, по крайней мере в США. Так, женщина-юрист по имени *Cameron* (Кэмерон) имеет в три раза больше шансов стать судьей, чем ее коллега по имени *Sue* (Сью) [Svenska Dagbladet, 28.04.2010].

Исследовательница Э. Брюлла считает, что люди должны иметь право выбирать имя согласно их половой самоидентификации, однако данная ситуация не способствует полному равноправию. Женщины, как правило, берут себе новые мужские имена, а не наоборот. В этом случае женские имена могут оказаться на втором плане [Svenska Dagbladet, 28.04.2010].

§ 7. Популярность имен и фамилий

Как правило, в Швеции дети в основном получают два имени (*två förnamn*). Более 25% – три имени (*tre förnamn*), 12% – одно имя (*ett förnamn*), и только 1% – четыре имени (*fyra förnamn*). Как пишет

И. Валленстин, класс имен собственных в Швеции на удивление консервативен. Многие из тех, что были распространены во времена викингов, оказываются востребованы и на данный момент. Такие мужские имена, как *Björn* (Бьёрн), *Sven* (Свен), *Ulf* (Ульф), *Karl* (Карл) и *Sten* (Стен), а также женские *Ingegerd* (Ингегерд) и *Sigríd* (Сигрид) остаются сегодня столь же излюбленными, как и тысячу лет назад [Wallensteen 2008: 8]. В доказательство своей точки зрения исследователь представляет список, составленный в период с 1371 по 1850 г. на примере одного из обычных шведских сел, свидетельствующий о консервативном отношении жителей сельской местности к классу имен:

1371 г. – согласно налоговым спискам в пятерку самых распространенных мужских имен вошли следующие: *Lars* (Ларс), *Joan/Johan* (Юан/Юхан), *Olof* (Улоф), *Per* (Пер) и *Anders* (Андерс).

1571 г. – круг употребляемых имен практически не изменился: *Olof* (Улоф), *Lars* (Ларс), *Anders* (Андерс) и *Jöns* (Йонс).

1650 г. – в соответствии с записями в костельных книгах, куда вносились данные о крестинах, среди мужских имен встречались *Erik* (Эрик), *Anders* (Андерс), *Lars* (Ларс), *Olof* (Улоф) и(ли) *Peder* (Педер), а среди женских – *Kerstin* (Черстин), *Karin* (Карин), *Brita* (Брита), *Margta/Margareta* (Маргта/Маргарета) и *Sara* (Сара).

1700 г. – значительных изменений не произошло. В употреблении остаются *Johan* (Юхан), *Anders* (Андерс), *Mats* (Матс), *Erik* (Эрик) и *Per* (Пер); *Kerstin* (Черстин), *Sara* (Сара), *Margareta* (Маргарета), *Anna* (Анна) и *Karin* (Карин).

1750 г. – модно называть детей *Mats* (Матс), *Anders* (Андерс), *Per* (Пер), *Johan* (Юхан) и *Lars* (Ларс), а также *Stina* (Стина), *Sara* (Сара), *Anna* (Анна), *Margeta* (Маргета), *Margareta* (Маргарета) и *Maria* (Мария).

1800 г. – список имен принципиально не меняется по сравнению со второй половиной предшествующего столетия: *Anders* (Андерс), *Johan* (Юхан), *Mats* (Матс), *Petter* (Петтер) и *Erik* (Эрик); *Anna* (Анна), *Stina* (Стина), *Katrina* (Катрина), *Sara* (Сара) и *Maria* (Мария).

1850 г. – двойные имена у детей стали привычными: *Jan Erik* (Ян Эрик), *Anders Gustaf* (Андерс Густаф), *Anna Katarina* (Анна Катарина) или *Anna Matilda* (Анна Матильда).

Для характеристики имени в шведском языке часто используют следующие прилагательные: *vanlig* – обычный, часто встречающийся, распространенный; *modern* – современный, модный; *omtyckt* – излюбленный; *populär* – популярный; *typisk* – типичный; *tidstypisk* – типичный, характерный для какого-либо времени. На наш взгляд, консервативность шведских имен больше прослеживается через понятие распространенности имени. Так, практически одни и те же имена присутствуют в списках распространенных имен (*de vanligaste förnamnen*), указанных И. Валленстином [Wallensteen 2008: 12]. Разница лишь в занимаемых позициях. В списках за 1900 г., 1940 г., 1960 г., 1980 г., 1990 г. присутствуют мужские имена *Karl* (Карл), *Erik* (Эрик) и женские имена *Mari(a)* (Мария) (причем лишь в списке за 1940 г. имя занимает третью позицию, в то время как в других – только первые) и *Elisabeth* (Элизабет). Далее имя *Lars* (Ларс) появляется во всех списках, за исключением 1900 г., и имя *Anna* (Анна) отсутствует лишь в списке за 1940 г. Подтверждение распространенности вышеперечисленных имен мы находим у Б. аф Клинтберга [af Klintberg 2005: 58, 185, 279, 409], который указывает на то, что в тройку самых популярных мужских имен в Швеции входят *Erik/Eric* (Эрик), *Karl/Carl* (Карл) и *Lars* (Ларс). В 2000 г. именем *Eric/Erik* были названы ок. 343 тыс. шведов, *Karl/Carl* (Карл) – 339 тыс., *Lars* (Ларс) – 245 тыс. Имя *Maria* (Мария) получили ок. 453 тыс. жительниц Швеции, *Elisabet/Elisabeth* (Элизабет) – примерно 370 тыс., *Anna* (Анна) – 315 тыс.

Если говорить об именах, типичных для разных периодов (*tidstypiska namn*), то здесь консервативность отходит на второй план. Такого рода имена существуют наряду с распространенными, однако популярность их недолговечна, так как с течением времени они заменяются другими. В случае обращения к именам подобного рода в списках, представленных К. ван Луик [van Luik 2009: 140–141] за 1900 г., 1940 г., 1960 г., 1980 г., 1990 г., видно, насколько они не совпадают, за исключением имени *Daniel* (Даниель):

1900 г. – *Agda* (Агда) *Andre* (Андре), *August* (Август), *Beata* (Беата), *Beda* (Беда), *Berta* (Берта), *Bror* (Брур), *Dagmar* (Дагмар), *Dagny* (Дагни), *Dina* (Диана);

1940 г. – *Anita* (Анита), *Barbro* (Барбру), *Bengt* (Бенгт), *Bernt* (Бернт), *Birgitta* (Биргитта), *Börje* (Бёрье), *Christina* (Кристина), *Gert* (Ерт);

1960 г. – *Ann* (Анн), *Ann-Charlotte* (Анн-Шарлотт), *Annika* (Анника), *Camilla* (Камилла), *Caroline* (Каролин), *Dan* (Дан), *Daniel* (Даниель);

1980 г. – *Angelika* (Ангелика), *Daniel* (Даниель), *Ellinor* (Эллинор), *Emelie* (Эмели), *Hampus* (Хампус), *Isabella* (Исабелла);

1990 г. – *Aleksandra* (Александра), *Amanda* (Аманда), *Benjamin* (Беньямин), *Denise* (Денис), *Ebba* (Эбба), *Elin* (Элин), *Emma* (Эмма), *Evelina* (Эвелина) и т. п.

Имя Мария встретилось в списке за 1940 г. и Анн – за 1960 г., что свидетельствует о возможном переходе распространенных имен (*vanliga namn*) в типичные имена для разного периода времени (*tidstypiska namn*).

В шведской культуре распространенными официальными женскими именами (*förnamn*) считаются *Maria* (Мария), *Elisabeth* (Элизабет), *Anna* (Анна); мужскими – *Karl* (*Carl*) (Карл), *Erik* (Эрик) (*Эрик*), *Lars* (Ларс). В то время как к распространенным именам-обращениям (*tilltalsnamn*) относятся *Anna* (Анна), *Eva* (Эва), *Maria* (Мария) и *Lars* (Ларс), *Karl* (*Carl*) (Карл), *Anders* (Андерс).

Согласно статистике распространения имен-обращений по областям и провинциям, можно выделить имя *Anna* (Анна), которое популярно по всей стране, но доминирует большего всего в провинции Емтланд. Там около 3% женщин носят это имя. Реже всего оно встречается в провинции Кальмар. Следом за ним по списку идет имя *Eva* (Эва), занимающее второе место в 14 провинциях из 21, затем имя *Karin* (Карин), популярное в 6 провинциях. Что касается имени Мария, то его больше всего любят в провинции Эребру. В регионе Норрланд и в провинции Верmland обращение Карин по степени популярности находится на втором месте. Имя *Maria* (Мария) более другим предпочитают жители провинций Стокгольм и Вестра-Гёталанд.

Мужское имя *Lars* (Ларс) в качестве обращения распространено в 17 провинциях, однако больше всего его обладателей можно встретить в провинции Евлеборг. Обращение *Karl* (Карл) преимущественно популярно в провинциях Эстергетланд, Йёнчёпинг и Кальмар. В провинции Блекинге ведущие позиции занимает имя

Anders (Андерс). Обращения *Johan* (Юхан), *Karl* (Карл), *Mikael* (Микаель), *Peter* (Петер) любят жители Южной и Средней Швеции, в то время как имена-обращения *Erik/Eric* (Эрик), *Hans* (Ханс), *Per* (Пер) – в провинциях региона Норрланд.

Список других распространенных личных имен и их форм, встречающихся в различных районах и провинциях Швеции, представлен в Приложении.

Несмотря на то что в различные периоды времени в классе шведских имен/фамилий, как и в языке в целом, произошли значительные изменения, можно определить ряд фамилий, ставших традиционными в шведской культуре имянаречения. Так, С. Энтзенберг выделяет три самые распространенные в Швеции фамилии: *Johansson* (Юханссон), *Andersson* (Андерссон), *Karlsson* (Карлссон) [Entzenberg 2005: 25]. Э. Брюлла предлагает более широкий список такого рода шведских фамилий: *Johansson* (Юханссон), *Andersson* (Андерссон), *Karlsson* (Карлссон), *Nilsson* (Нильссон), *Eriksson* (Эрикссон), *Larsson* (Ларссон), *Olsson* (Ульссон), *Persson* (Перссон), *Svensson* (Свенссон), *Gustafsson* (Густафссон) [Brylla 2009: 66].

Сделаем выводы

В историческом плане в шведской антропонимии можно выделить несколько временных пластов. Это имена периода Средневековья (*medeltida namn*) и Нового времени (*nyare tidens namn*). В рамках Нового времени особо обозначаются имена Реформации (*reformationen*) и эпохи Великодержавия (*stormaktstiden*).

Древняя форма именования человека – родовое имянаречение (*uppkallelsen*) – используется довольно часто, несмотря на то что претерпела некоторые изменения.

Традиция употребления постоянных фамилий (*ärfliga släktnamn*) закрепляется в Швеции только в XVII в. Класс шведских фамилий, передающихся по наследству, сопряжен с четырьмя сословиями: родовые имена дворян (*Lejonhuvud, Rodersköld*); фамилии священнослужителей (*Floderus, Beronius*); родовые имена зажиточных горожан (*Burman, Bergström*); фамилии крестьян (*Andersson, Svensson*).

В Швеции наряду с популярными, типичными, характерными для какого-либо времени личными именами и фамилиями, обнаруживается группа антропонимов, которые демонстрируют свою устойчивость на протяжении всей истории имянаречения. В шведской культуре в течение многих десятилетий укреплялась традиция наречения именами *Erik/Eric, Karl/Carl, Lars, Oscar; Anna, Elisabet/Elisabeth, Maria*. Самыми распространенными фамилиями считаются *Johansson, Andersson, Karlsson, Nilsson, Eriksson, Larsson, Olsson, Persson, Svensson Gustafsson*.

Основной состав шведской антропонимической системы образуют парные имена (*Fredrik–Fredrika, Johan–Johanna*), двойные имена (*Carl-Johan, Anna-Maria*), имена без родовых различий (*Andrea, Kim*), имена-палиндромы (*Otto, Ada*).

Среди мужских и женских личных имен выделяются имена, имеющие отапеллятивное происхождение, например, имена, обозначающие названия растений (*Iris, Lilja*); имена, в которых присутствует компонент *-björn* – медведь (*Bunbjörn, Torbjörn*) и др.

Дериваты личных имен образуются главным образом путем усечения (*Tina < Kristina, Celia < Cecilia, Ras < Rasmus*) и аффиксации

(*Affe, Nisse, Gurra, Vicky*). Изменения структуры слова могут оказаться значительными, особенно если они не регулируются определенными правилами: *Fredrika > Dika, Riken, Fiken, Frigga*.

Влияние на выбор имени оказывают литературные и музыкальные произведения, средства массовой информации, публичные люди (коронованные особы, музыканты, актеры, киногерои, спортсмены). В последней трети XX и начале XXI в. немалую роль в формировании антропонимических тенденций играют процессы межкультурной коммуникации. Это позволяет пополнить список шведских имен инокультурными антропонимами (*Zlatan, Fatima, Mahabubul, Musesultan*).

Традиция имянаречения на современном этапе развития шведского общества претерпевает существенные изменения. В процессе имянаречения особо прослеживается связь имени и социума. Стремление шведов подчеркнуть свою идентичность, важность проявления индивидуальности и уникальности человека находит выражение в формировании корпуса имен. В развитии антропонимикона немаловажную роль играют социальный и социально-психологический факторы. Шведское законодательство позволяет регулировать процессы имянаречения, одновременно учитывая свободу человека, связанную с выбором имени или фамилии, и сохраняя национально-культурную составляющую антропонимической системы. В шведском социуме обращает на себя внимание тенденция выбора подчас не отличающихся эвфонией уникальных и даже странных имен (*Metallica, Cson*), а также имен без родовых различий (*Marjan, Tintin*).

Глава 3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМОВ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Антропонимы и сленговые единицы

Антропонимы участвуют в построении сленговых единиц (СЕ), что позволяет определить в них национально-культурную информацию, обусловленную рядом факторов: особенностями восприятия окружающей действительности, уровнем развитием общества. Антропонимы могут функционировать как самостоятельные СЕ (1), как компоненты СЕ и в составе сленговых фраз (2). Например, в словаре *Officersjargong och manskapslang i Sverige 1645–1945* находим следующие примеры⁴:

1. *emma* – младший командный состав; *Eriksson* – прозвище старшего офицера; *Jan Hagel* – матрос; *karolina* – винтовка, ружье; *Klas Jakob* – шест с железным наконечником для досок (инструмент для судов); *nisse* – ранец у военных; *olle* – прозвище майора; *olsson* – шерстяная кофта;

2. *gas-Johan* – тот, кому не удалось запустить водород в аэростат; *knap-Lars* – человек с большим носом; *Kalle anka* – 22-миллиметровое зенитное орудие; *Svea barn* – шведские военно-служащие; *att följa John* (англ. *follow my leader*) – следовать за Йоном – игра, в которой игроки следуют с большой скоростью по палубе за ведущим и в конце игры обычно прыгают за борт; *att ropa Ulrik* – тошнота при морской болезни; *Saken är emil! Saken är oskar!* (букв. вещь Эмиль (Оскар)) – Ясно! Понятно!; *trogne Lukas sista tjänst* – последняя услуга верного Лукаса – 1) поджаренное мясо с луком и картофелем, 2) всякая всячина, всего понемногу; *Sussana i badet* (букв. Сюзанна в ванной) – кофе.

По результатам анализа электронных словарей [см.: <http://www.luxikon.se>; <http://www.folkmun.se>; <http://www.slangopedia.se>] и материала книги *En bok om slang, typ* (2003) методом сплошной выборки мы выделили семантические группы СЕ с антропонимической составляющей (таблица 1).

⁴ Здесь и далее написание антропонимов указано согласно орфографии источника.

Таблица 1

Семантическая группа	Антропоним
наркотики	<i>kerstin</i> (черстин) – амфетамин, <i>Lina</i> (Лина) – отдельная доза в виде дорожки наркотического средства в форме порошка
профессии, обязанности	<i>batong-Ola</i> (дубинка-Ула), <i>Bosse batong</i> (Боссе Дубинка), <i>Kling och Klang</i> (Клинг и Кланг), <i>Pelle blå</i> (Пелле Синий), <i>Pelle och Stina</i> (Пеле и Стина) – полицейский; <i>Jan-erik</i> (Ян-эрик) – проверяющий, смотритель, а также житель Вестергётланда; <i>Pelle-Jöns</i> (Пелле-Иёнс) – старое именование клоуна
иммигранты	<i>Ahmed</i> (Ахмед), <i>Abdullah</i> (Абдулла), <i>Ali</i> (Али), <i>Mustafa</i> (Мустафа), <i>Muhammed</i> (Мухаммед), <i>Mehmet</i> (Мехмет), <i>Kebab</i> (Кебаб). Следует отметить, что иммигранты могут называть шведов <i>svenne</i> (свенне), <i>svensson</i> (свенссон), <i>swansson</i> (сванссон) или обращаться к ним по имени <i>kerstin</i> (черстин) и <i>åke</i> (оке)
деньги	<i>selma</i> (сельма), <i>selmadollar</i> (сельма доллар) – купюра в 20 шведских крон
алкоголь	<i>sven-emil</i> (свен-эмиль) – глоток водки, <i>folk-johan</i> (фольк-юхан) – обыденное наименование пива крепостью от 2,25% до 3,5%
название частей тела	<i>lille Peter i gata</i> – мизинец; 1. мужские половые органы: <i>Lille Vilgot</i> (малыш Вильгот), <i>Nils Jörgen</i> (Нильс Йёрген), <i>Allan i brallan</i> (Аллан в штанах), <i>Arne</i> (Арне), <i>Bengt</i> (Бенгт), <i>Billy Bob</i> (Билли Боб), <i>Bosse</i> (Боссе), <i>Carl Johan</i> (Карл Юхан), <i>Big Johnson</i> (Большой Джонсон), <i>Elvis</i> (Элвис), <i>Hasse Hårig</i> (Хассе Волосатый), <i>Hubert</i> (Хуберт), <i>Kalle i backen</i> (Калле на пригорке), <i>Lasse Liten</i> (Лассе Малыш), <i>Lasse Luden</i> (Лассе Волосатый), <i>Lennart</i> (Леннарт), <i>Lukas</i> (Лукас), <i>Nils David</i> (Нильс Давид), <i>Nilsson</i> (Нильссон), <i>Pelle Jöns</i> , возможно и <i>Pelle-Jöns</i> , <i>Pellejöns</i> (Пеллейёнс), <i>Pellevink</i> (Пеллевинк), <i>Pelleplutt</i> (Пеллеплутт), <i>Petter Niklas</i> (Петтер Никлас), <i>Pettson</i> (Петтсон), <i>Ragnar</i> (Рагнар), <i>Runkpelle</i> (Рункпелле), <i>Stanley</i> (Стэнли), <i>Sune</i> (Суне), <i>Svante</i> (Сванте), <i>Svarte Petter</i> (Черный Петтер), <i>Sven</i> (Свен); 2. женские половые органы: <i>Lisa</i> (Лиса), <i>Fia</i> (Фиа), <i>Viola</i> (Виола), <i>Kickelina</i> (Кикелина)

У.-Б. Котсинас приводит примеры сленговых выражений с антропонимами *Pelle* (Пелле) и *Elvis* (Элвис). Так, когда человек заканчивает свой жизненный путь, у него появляется возможность *knalla upp till Pelle* (побрести наверх к Пелле) и *prata med Elvis* (поговорить с Элвисом) [Kotsinas 2003: 141].

Особую группу составляют личные имена, на базе которых возникают ассоциации, позволяющие обозначить типичного представителя определенной лингвокультуры. Так, имя *Sune* (Суне), особо популярное в 1930–40-е гг., впоследствии в шведском сленге стало ироническим именованием молодого человека с внешностью 50-х гг. Именем Суне могут также называть серьезного служащего. Женский аналог – *Doris* (Дорис) – модное имя в 1920–30-е гг. Оно стало пользоваться успехом в 1950-е гг. благодаря известной кинозвезде *Doris Day* (Дорис Дей) [af Klintberg 2005: 71; 398]. В словаре Б. Фриберга *Svenskt slanglexikon* имена *Sune* (Суне) и *Doris* (Дорис) – имена среднестатистических жителей Швеции (*Medelsvensson*) [Friberg 1964: 42]. В то же время, по мнению А. Ульссона, когда речь заходит о среднестатистических шведах, наиболее распространенной считается фамилия *Johansson* (Юханссон). Среднестатистическое мужское шведское имя – *Lars* (Ларс), женское – *Anna* (Анна) [Olsson 2009: 360].

Имя *Doris* фигурирует в сленговых единицах *Tros-Doris* (мужчина гомосексуальной ориентации), *Diesel-Doris* (женщина гомосексуальной ориентации). В словаре, размещенном на сайте <http://folkmun.se>, находим именно такое объяснение данных СЕ, в то время как У.-Б. Котсинас указывает на то, что *diesel-Doris* (букв. дизель-Дорис) могут называть полную женщину наравне с *pansar-Berit* (букв. бронированная Берит, танк-Берит) или *dubbel-Svea* (букв. двойная Свеа) [Kotsinas 2003: 73].

Анализ словарных дефиниций позволяет раскрыть смысловое содержание ряда других антропонимов этой группы: *arthur* (мажор с зализанными волосами); *Duktiga Annika* (букв. способная Анника – женщина, разрывающаяся между семьей, домом и работой); *Starke Arvid* (букв. сильный Арвид – шутивное наименование физически сильного человека); *Fridolf* – имя ассоциируется с актером-комиком Фридольфом Рудином (*Fridolf Rhudin*) и его героем *lille Fridolf* (маленький Фридольф); *Hulda* (старая тетя); *Emil* (глупый, ничего не понимающий человек); *Laura* (бестолковый, сбитый

столку человек, часто таким именем называют женщину за рулем автомобиля); *Pelle Snusk* (букв. Пелле Грязный – взерошенный, растрепанный человек, персонаж книги «Пелле Грязнуля» Г. Гофмана) (*Der Struwelpeter*, 1845) [Новицкая 2003: 119]; *Åke Tråk* (грустный человек);

Berit (Берит) – неприятная девушка, с которой тяжело общаться. Она может быть как несносной, так и несдержанной, громогласной. Ей кажется, что весь мир крутится только вокруг нее. В случае употребления антропонима во множественном числе (*beritsar*), его значение усиливается.

Gudrun (Гудрун) – 1. Хорошенькая девушка. 2. Девушка (либо молодой человек), врывающаяся как ураган, ошеломляющая всех.

Sven (Свен) – 1. Молодой мужчина (уст.). 2. Служащий. 3. Молодой воин, еще не ставший всадником. 4. Мужчина-девственник.

Под влиянием коллективных ассоциаций некоторые часто встречающиеся антропонимы связаны с определенными качествами человека, имя некоего индивида становится обобщенной характеристикой любого человека вообще, обладающего, по общему мнению, этим качеством. Имя превращается в апеллятив, выражает особенности характера, поведения человека и приобретает самостоятельное существование.

Согласно теории Р. Хедквиста [Hedquist 2002: 172–179], имена собственные могут обозначать как индивидуальные понятия, так и класс понятий – концепты. В 1982 и 1992 гг. Р. Хедквист провел два опроса среди студентов. Информантам необходимо было охарактеризовать 24 шведских личных имени: *Alma* (Альма), *Barbro* (Барбру), *Birgitta* (Биргитта), *Daniel* (Даниель), *Elin* (Элин), *Felix* (Феликс), *Gudmund* (Гудмунд), *Gustaf* (Густаф), *Hanna* (Ханна), *Helga* (Хельга), *Jenny* (Йенни), *Jöns* (Йёнс), *Karin* (Карин), *Karl* (Карл), *Konrad* (Конрад), *Kristina* (Кристина), *Liv* (Лив), *Maria* (Мария), *Olof* (Улоф), *Oskar* (Оскар), *Patrik* (Патрик), *Pelle* (Пелле), *Svea* (Свеа), *Vincent* (Винсент). Список имен оказался весьма противоречивым. Такие имена, как Альма, Гудмунд можно отнести к категории старомодных; Мария, Карл, Барбру, Биргитта, Карин пользовались популярностью много лет назад; Патрик, Йенни считались одними из самых распространенных примерно лет 20 назад; Винсент, Конрад – вообще редкие имена; а Йёнс – имя далеко не самого умного героя шведских сказок.

Р. Хедквист предложил описать имена с помощью антонимичных прилагательных: красивый – страшный, стройный – полный, молодой – старый, хороший – плохой, добрый – злой, веселый – грустный, активный – пассивный, сильный – слабый, светлый – темный, современный – старомодный, умный – глупый, богатый – бедный, бледный – яркий, дружелюбный – враждебный, из северной части Швеции – из южной части Швеции или из центральной, городской – деревенский, представитель высшего общества – представитель рабочего класса, шведский – иностранный. В результате проведенного опроса Р. Хедквист пришел к выводу, что имя может обладать общим значением. Нет необходимости лично знать носителя того или иного имени, чтобы сформулировать какими качествами обладает его носитель, следовательно, оно ассоциируется с определенными чертами характера человека, особенностями его внешности. Одним словом, при упоминании определенного имени возникает некий образ. Так, практически у каждого из опрошиваемых в кругу знакомых оказался человек, носящий имя Патрик (86%), однако далеко не все знали кого-нибудь по имени Винсент (12%). Несмотря на это, все респонденты охарактеризовали Патрика как блондина, доброго приятного юношу, в то время как Винсент представлялся им темноволосым, статным, неприятным снобом. Информанты оказались едины во мнении относительно обладательницы имени Альма – страшная, невысокого роста, полная, добрая, деревенского типа женщина, старомодная, небогатая, представительница рабочего класса. По итогам исследования, проведенного в 1992 г., выяснилось, что ассоциации, возникающие в отношении некоторых имен, изменились совсем незначительно. Например, Карин стала лишь немного дружелюбнее; Карл – умнее и, как правило, городским жителем; имена Даниель, Элин, Ханна приобрели большую популярность, а их носители заметно помолодели, похудели, поумнели, кроме того, виделись респондентам намного красивее и дружелюбнее.

Некоторые имена, по Ш. Хагстрём, могут быть свойственны группам людей. Речь идет об именах, относящихся к каким-то временным рамкам или определенной языковой, этнической, религиозной группам и указывающих на некую профессию или политические взгляды, или характеризующих людей как принадлежащих к какому-нибудь социальному классу. После исследования ассоциативных вариантов,

связанных с именами, у Ш. Хагстрёма сложилось четкое представление о некоторых именах. Например, *Kenneth* (Кеннет) – это раггар; студентка по имени *Louise* (Луиза) – вероятно, юрист или экономист; *Sabina* (Сабина) – женский парикмахер-стилист, *Jimmy* (Йими) – выходец из рабочего класса, *Rutger* (Рутгер) – представитель высшего общества и т.д. [Hagström 2006: 27–28].

§ 2. Антропонимы и идиоматическая лексика

Понимание имени как этнокультурной универсалии может быть раскрыто на уровне его взаимосвязи с идиоматической лексикой. В идиоматических выражениях имя может быть представлено не только в полной форме. Рассмотрим примеры таких выражений с ласкательным именем *Nisse* (Ниссе) – от имени *Nils* (Нильс). Персонажи *Nils Holgersson* (Нильс Холгерссон) и *Nils Karlsson* (Нильс Карлссон), встречающиеся в произведениях Сельмы Лагерлёф и Астрид Линдгрен, ассоциируются с крестьянами и верой в домового. Изначально *nisse* или *goenisse* (датское и южно-шведское) – шутовское обозначение в народных поверьях маленького гнома, домового. В настоящее время именем *Nisse* называют ученика официанта (*nisse*) и женщину официантку (*nissa*), а также просто человека (*knisse*, *knissa*). Антропоним фигурирует в выражениях: *Nisse i var gata* (букв. Ниссе с любой улицы) – любопытный человек, большой сплетник; ... *Nisse från Manpower* (букв. Ниссе из Manpower) – человек, который все организует; *Nisse i Hökarängen* (букв. Ниссе в Хёкаренген) – человек с улицы; *att se nisse i näsan* – подвергаться опасности, идти на войну; *att nosa Nisse* (иногда *Nissen*) *i näsan* – быть безрассудно смелым.

В словаре *Svenska idiom*, насчитывающем около 4500 идиоматических выражений, имеется только одно с личным именем: *mota Olle i grind* (букв. преградить Олле дорогу) – помешать кому-либо в самом начале [Si. 2006: 105], перевод и трактовку данного выражения как пословицы находим в НБШРС [НБШРС 2007: 206]. В русском источнике имеется еще один пример фразеологизма с личным именем: *ta sin mats ur skolan* (букв. забирать своего Матса из школы) – выйти из игры, уклониться [НБШРС 2007: 359]. В словаре Бев. указано, что данное выражение известно с 1917 г., когда именем Матс называли не очень умных людей [Bev. 2005: 290].

В отличие от шведского словаря, в НБШРС, в приведенной выше фразеологической единице, имя написано со строчной буквы.

В словаре *Bev.* находим другие примеры с антропонимами:

- *att spela Allan* (букв. играть Аллана) – вести себя надменно, грубо играть;

- *långa bollar på Bengt* (букв. длинные пасы на Бенгте) – в то время, пока одни занимаются изнурительным трудом, другие – отдыхают;

- *Icke sa Nicke* (букв. «Нет», – сказал Нике.) – неизвестный возраст;

- *Hesa Fredrik* (букв. хриплый Фредрик) – название сигнала сирены (тревоги) или окончание хоккейного матча;

- *tjocka Bertha* (букв. толстая Берта, ср. нем. *die dicke Berta* – орудие калибра 420 миллиметра) – используется для оценки крупных людей, громоздких предметов, оружия большой мощности;

- *Blås, Kajsa, blås* (букв. Дуй, Кайса, дуй) – призывают к стихиям любители парусного спорта, когда хотят больше ветра;

- *att gå till Kalle/Per i hagen* (букв. ходить к Калле/к Перу на пастбище, на луг) – устар. ходить в туалет. Выражение восходит к старой детской скороговорке: *Har du ont i magen, gå till Per i hagen* (букв. если у тебя болит живот, то сходи к Перу на пастбище (луг, лужайку));

- *att sitta med Svarte Petter* (букв. сидеть с Черным Петтером) – быть козлом отпущения, получить упрек, принять удар на себя. «Черный Петтер» – карточная игра наподобие «Акулины». У кого «Черный Петтер» остается на руках, тот и проиграл.

- *Kyss, Karlsson!* (букв. поцелуй Карлссона) – Исчезни! Иди к черту!;

- *göra som Svenssons gör* (букв. делать как семья Свенссон делает, ср. англ. *keep up with the Joneses*) – стремиться соответствовать социальному статусу и доходам своих соседей;

- *Det var en rysk, en tysk och Bellman* (букв. однажды русский, немец и Беллман) – глупые истории, анекдоты разных лет, так называемые, *Bellmanhistorier*, в которых фигурирует *Bellman* (придворный шут). Следует отметить, что эти истории не имеют никакого отношения к известному шведскому скальду Карлу Микаэлю Беллману.

Фамильный антропоним встречаем также в названиях еды: *Biff à la Lindström* – мясной говяжий фарш с луком, свеклой и каперсами, *Janssons frestelse* (букв. искушение Янссона) – название картофельной запеканки. В зависимости от ингредиентов картофельной запеканки, блюдо могут называть *Karlssons frestelse* (в приготовлении вместо анчоусов используют мясной фарш) и др.

Крылатые фразы и выражения, содержащие антропонимы, зачастую могут носить политический характер:

- *Det här är Lennart* (букв. это Леннарт) – надпись на предвыборных афишах Швеции в 1998 г. по случаю представления нового руководителя партии центра Ленарта Далейуса (*Lenart Daleus*). Л. Далейуса назначили на должность руководителя партии за три месяца до начала выборов с тем, чтобы привлечь внимание к партии, которая к тому времени уже теряла поддержку избирателей;

- *Per Albin-hus* (букв. дом(а) Пера Альбина). Речь идет о типовых домах, построенных для простых людей по доступным ценам при премьер-министре Швеции Пера Альбине Ханссоне в 1932 г.;

- *Tage och Geijler, Lyndons / USA:s lakejer* (букв. Таге и Гейлер, лакеи американского президента Линдона) – скандировали участники демонстраций против войны во Вьетнаме, проходивших в 1960 и 1970 гг. По мнению манифестантов, премьер-министр Швеции Таге Эрландер и председатель Центрального объединения профсоюзов Швеции Арне Гейлер повели себя безвольно во время встречи с американским президентом Линдоном Б. Джонсоном и даже не пытались отстоять свою позицию по осуждению боевых действий во Вьетнаме. Несколькими годами позже демонстранты изменили лозунг на *Palme och Geijler, Nixons lakejer* (букв. Пальме и Гейлер, лакеи Никсона).

Крылатые фразы с именами собственными и именами, обозначающими концептные образы в шведской культуре, заимствованы из других лингвокультур, преимущественно из английской и американской:

- *dr Jekyll och mr Hyde* (доктор Джекил и мистер Хайд) – человек двойной природы – персонажи книги «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Луиса Стивенсона;

- *Onkel Tom* (дядя Том) – уничижительное именование представителя негроидной расы. Прототипом явился герой романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (англ. *Uncle Tom's Cabin*);

- *Uncle Sam* (букв. дядя Сэм) – персонифицированный образ США;

- *Murphys lag* (закон Мёрфи) – закон подлости (англ. *Murphy's law*);

- *Parkinsons lag* (закон Паркинсона) – эмпирический закон, сформулированный историком Сирилом Норткотом Паркинсоном в его сатирической статье, напечатанной в британском журнале *The Economist* в 1955 г. Закон гласит, что «Работа заполняет время, отпущенное на нее» (англ. *Parkinson's Law*);

- *Peters princip* (принцип Питера) – положение, выдвинутое и обоснованное в одноименной книге Лоуренсом Питером. Формулировка положения следующая: «В иерархической системе любой работник поднимается до уровня своей некомпетентности» (англ. *The Peter principle*).

Среди фразеологических единиц с личными именами особо выделяются фразеологизмы библейского происхождения: *Jakobs stega* (букв. лестница Якова) – лестница из сна Иакова, соединяющая землю и Небо, лестница на небеса, или лестница в небо; *tjäna sju år för Rakel* (букв. семь лет служить ради Рахиль) – служить кому-либо долго и верно; *följa med Davids höns under isen* (букв. последовать за курицами Давида под лед) – бесследно исчезнуть; *jakobskamp* (букв. борьба Якова; борьба Якова с Богом) – душевная, интеллектуальная, религиозная борьба; *David och Goliat* (букв. Давид и Голиаф) – победа слабого над сильным; *svärja vid Per och Pål* (букв. клясться Петру и Павлу) – кто угодно, простой человек; *Tomas tvivlaren* (букв. Фома сомневающийся) – недоверчивый слушатель.

Взаимодействие личных имен с нарицательными находим в следующих лексических единицах: *brütsommar* (бабье лето), *emmafåtölj/emmastol* (мягкое кресло/стул в стиле рококо с закругленной спинкой и короткими подлокотниками), *emmabodacabriolet* (детская коляска), *eriksgata* (объезд королем своей страны); *gaspelle* (педаль газа), *grilljanne* (именование молодых снобов в Стокгольме в конце XIX в.), *isabellafärgen* (грязно-желтый цвет), *johannesbröd* (цареградский стручок, сладкий рожок), *johannesnycklar* (ятрышник шлемоносный – многолетнее травянистое растение семейства орхидных), *johannesträd* (рожковое де-

рево), *johannesört* (зверобой), *karlsbaderbröd* (булочки из пшеничной муки без сахарного песка), *lapplisa* (женщина-контролер на парковке), *luciatåg* (хоровод на праздник св. Люсии), *papperspelle* (корзина для мусора), *rumpnisse* (мужчина-гомосексуалист), *skinnknutte* (молодой мотоциклист), *smörjnisse* (механик), *tykobrahedag* (день, в котором все не ладится). В сложных существительных *karljohan* *ssvamp* (белый гриб, боровик), *karljohansstil* (стиль ампир, модный во времена Карла XIV), *karljohanssofa* (диван в стиле ампир) представлены сразу два антропонима *Karl* и *Johan*. Первые два компонента существительного *tykobrahedag* представлены именем собственным *Tycho Brahe* (Тихо Браге). Тихо Браге – датский астроном, которому Рудольф II дал задание подсчитать, какие дни в году неблагоприятны. Астролог пришел к выводу, что таких дней 32, когда надо быть особо осторожными.

Личные имена, характеризующие внутренние качества человека, а также его внешний вид, выступают в качестве второго компонента в таких сложных существительных, как *buspelle* (шумный или активный ребенок); *klantpelle* (человек, постоянно выставляющий себя на посмешище или не справляющийся с простыми вещами); *slipsnisse* (человек, одетый не по случаю); *snålmåns* (груб. жадина); *snåljåp*, *Snål-Jakob*, *Snål-Ove* (жадина); *tråkmåns* (нудный человек); *korvanisse*, *smörgåsnisse*, *räknenisse* (толстый человек); *tryckfelnisse*, *sättarnisse* (тот, кто делает опечатки в тексте).

В рамках исследования имени как составляющей этнокультурного пространства актуален вопрос о наличии в каждой культуре имен собственных – национальных символов. Искусство, массовая культура – источники прецедентных имен, обладающих национальной спецификой и имеющих характер культурного знака, символа. Прецедентное имя тесно связано с историей и культурой общества, в котором оно создано. Наиболее частотны в шведской культуре – двухкомпонентные прецедентные имена. Условно их можно разделить на имена массовой культуры и имена литературы, искусства. Приведем примеры.

1) прецедентные имена массовой культуры:

Eva & Adam – Эва и Адам – герои популярного фильма *Eva & Adam* в Швеции в 1997 г.;

Ronny & Ragge – Ронни и Рагге – герои комедии *Byhåla*;

Albert & Herbert – Альберт и Херберт – герои комедии положений *Albert & Herbert*, популярной в Швеции в 1974 г.;

Bibi & Pekka – Биби и Пекка – герои телевизионного шоу, популярного в Швеции в 1970 г.;

Mia & Klara – *Mia Skäringer* (Мия Шерингер) и *Klara Zimmergren* (Клара Зиммергрэн) – героини комедийного шоу, популярного в Швеции в 2007 г.;

Filip & Fredrik – *Filip Hammar* (Филип Хаммар) и *Fredrik Wikingsson* (Фредрик Викингссон) – известные журналисты в Швеции;

Anders & Måns – *Anders Johansson* (Андерс Юханссон) и *Måns Nilsson* (Монс Нильссон) – основатели и ведущие телевизионной программы в Швеции, премьера которой состоялась в 2003 г.

Hasse & Tage – *Hans Alfredson* (Ханс Альфредсон) и *Tage Danielsson* (Тэге Даниельссон) – авторы классических скетчей, пьес, которые пользовались популярностью в 60-х гг. XX в.;

Agnetta & Anni-Frid – *Agnetha Åse Fältskog* (Агнета Осе Фельтскуг) и *Anni-Frid Lyngstad* (Анни-Фрид Люнгстад), *Björn & Benny* – *Björn Ulvaeus* (Бьёрн Ульвеус) и *Benny Andersson* (Бенни Андерссон) – члены знаменитой поп-группы XX в. ABBA;

Kicki, Bettan & Lotta – *Kicki Danielsson* (Кики Даниельссон), *Bettan Elisabeth Andreassen* (Беттан Элисабет Андреассен), *Lotta Engberg* (Лотта Энгберг) – члены музыкальной группы начала XXI в.;

Svenne & Lotta – *Svenne Hedlund* (Свенне Хедлунд) и *Lotta Hedlund* (Лотта Хедлунд) – популярный поп-дуэт в Швеции в 70-х гг.;

2) прецедентные имена литературы и искусства:

Emil & Alfred – Эмиль и Альфред – персонажи книги «Эмиль из Леннеберги» Астрид Линдгрэн;

Emil & Ida – Эмиль и Ида – персонажи книги «Эмиль из Леннеберги» Астрид Линдгрэн;

Karl-Oscar & Kristina – Карл-Оскар и Кристина – персонажи книги «Эммигранты» Вильгельма Муберга;

Tommy & Annika – Томми и Анника – персонажи книги «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрэн;

Andersson, Petersson och Lundström – Андерссон, Петерссон и Лундстрём – персонажи пьесы с одноименным названием Франса Ходелля;

Issac & Sigrid – Issac Hirshe Grünwald (Иссак Гирше Грюневальд) и *Sigrid Hjertén* (Сигрид Хейертен) – классики модерна в Швеции.

В пространстве шведских прецедентных имен находим имена из других культур: *Abbott & Costello, Angelina & Brad, Bill & Hillary, Hans & Greta, Ike & Tina, Romeo & Julia, Tarzan & Jane, Thelma & Louise, Tristan & Isolde, Will & Grace, Maria & Josef* и др.

§ 3. Имя и народный календарь

Народный календарь является ярким примером репрезентации этнических характеристик имени, поскольку отображает традиции народной культуры, складывающиеся в течение длительного времени.

На протяжении веков устанавливалась связь имени и календарной даты, например 7 октября – *Birgittadagen, Brittmässa* (день Биргитты), 17 марта – *Gertrud–Gertruddagen* (день Гертруды); 19 января – *Henrik–Henriksdagen* или *Hindersmäss* (день Хенрика); 24 августа – *Bartolomeus–Barsmässa* или *Bartelsmässa* (день Бартоломеуса); 10 августа – *Lars–Larsdagen* или *Larsmässa* (день Ларса); 29 июля – *Olof–Olofsmässa* или *Olsmässa* (день Улофа). В качестве второго компонента имени в случае, если он относится к святому, выступает как слово *dag* ‘день’, так и слово *mässa*.

На некоторые из памятных дней (*märkesdag*) в разных частях Швеции приходилось открытие ярмарок. Так, в Гётеборге – на день Ларса (*Larsmässa*), в Векшё – на день Сигфрид (*Sefframäss, Sigfridsmässa*, 15 февраля).

Пословицы и поговорки, содержащие имена, служат энциклопедией крестьянской жизни. Они отражают связь человека и природы, передают нравы и обычаи народа в виде кратких изречений; как и народный календарь, их можно рассматривать как источник знаний о бытовых традициях народа. В соответствии со структурой народных пословиц и поговорок можно выделить рифмованные и нерифмованные. Тематически они соединяют в себе суждения о погоде, сельскохозяйственных работах, отражают поверья, бытовавшие в крестьянском обществе (*bondesamhället*), связанные с флорой и фауной.

Обратимся к некоторым народным изречениям:

13 января – *Knut* (Кнут). *Knut driver julen ut* (букв. Кнут выгоняет Рождество). По обычаю в день Кнута наряжались в особые одежды (*knutgubbar* от *gubbe* ‘старик’, *göra gubbar* ‘гримасничать’) и ходили по соседям. В XX в. обычай связывается с выбрасыванием рождественской елки. Этот обычай нашел отражение в поговорке *Tjugondag Knut åker granen ut!* (букв. на двадцатый день Кнута уезжает елка!). В некоторых частях Швеции *Knutfirandet* (празднование дня Кнута) переносился на 14 января, *Felixdagen* (день Феликса). Поговорка *Gått med Felix* (букв. ушел с Феликсом) до сих пор употребляется в юго-восточной части провинции Сконе. В день Феликса перед дверью устанавливают большую набитую куклу, после этого в дом стучат и убегают до того, как хозяева откроют дверь.

28 января – *Karl* (Карл), 30 января – *Gunhild* (Гунхильд). Два дня объединены в поговорке *Karl spår, Gunhild rår* (букв. Карл предполагает, а Гунхильд располагает). По преданию, какая погода будет 28 января, такая и сохранится в последующие семь дней. Пословица перекликается с *Människan spår men gud rår* (Человек предполагает, а Бог располагает).

15 февраля – *Sigfrid* (Сигфрид). *Sigfrid god och bild/lovar gott år och god tid* (букв. Сигфрид хороший и теплый обещает хороший год и хорошее время). Изречение употребляется в провинции Вестергётланд.

23 февраля – *Mattias* (Маттиас). Дети в Норрланде переодевались в одежды Маттиаса (*mattesgubbar*) в честь первого дня весны. Была распространена такая рифмованная поговорка: *Mattis med sitt långa skägg/lockar barnen utom vägg* (букв. Маттис со своей длинной бородой выманивает детей за стену). Борода символизировала сосульки, которые вместе с все больше пригревающим солнцем, манили детей на улицу.

12 марта – *Gregorius* (Грегориус). До 1901 г. в этот день именины были у Грегориуса. Имя вошло в поговорку *Vid Gregorii gång/är dag och natt lika lång* (букв. на день Грегориуса день и ночь одинаковой длины). Для шведов 12 марта – день весеннего равноденствия. Считалось, что погода, которая стояла в этот день, сохранится надолго, а начавшаяся оттепель – это добрый знак. Отсюда и появилась поговорка: *Gregorius tö/är bättre än femton skrindor hö*

(букв. оттепель на день Грегориуса лучше, чем пятнадцать возов с сеном).

14 апреля – *Tiburtius* (Тибуртиус). В провинции Хелсингланд говорят: *På Tiburtius går lillsommaren* (букв. на Тибуртиус идет летушко). Согласно народным приметам лед на озерах начинал раскалываться. По наблюдениям в Национальном парке Скансен в Стокгольме, медведи выходят из спячки. В провинции Верmland говорят: *Hur än vädret är på Tiburtius, så skall björnen gå ur idet, tjädern spela i talltoppen och gäddan gå på nätet* (букв. какая бы ни была погода на Тибуртиус, медведь выйдет из берлоги (спячки), глухари начнут играть на верхушке сосны, щука пойдет в сеть).

20 июля – *Margareta* (Маргарета). В народе говорили: *Greta väter nöter* (букв. Грета мочит орехи). В выражении используется краткая форма имени Маргарета – Грета. Полагали, что дождь в этот день особенно влиял на урожай орехов.

25 июля – *Jakob* (Якоб). День, завершающий «женскую неделю» (*fruntimmersveckan*). Так обозначают период с 19 по 24 июля, когда в Швеции празднуют именины только женщины: *Sara* (Сара), *Margareta* (Маргарета), *Johanna* (Юханна), *Magdalena* (Магдалена), *Emma* (Эмма), *Kristina* (Кристина). Однако на этот период все же приходится два мужских имени и, чтобы «женской» была вся неделя, в народе бытует мнение, будто мужское имя *Fredrik* (Фредрик, 18 июля) начинает этот период, либо что имя *Jakob* (Якоб) завершает. По народным поверьям, в течение этой недели устанавливается жаркая погода, и идут проливные дожди, самые сильные в году. В провинции Даларна в этот день говорили: *Jakob skakar på slevan* (букв. Якоб машет поварешкой).

Сделаем выводы

Антропонимы, взаимодействуя с апеллятивной лексикой языка, демонстрируют особые отношения имени собственного с языком. Рассмотрев процесс апелляции собственного имени, мы определили, что личное имя может выступать в качестве первого или второго компонента сложного существительного: *karljohanssvamp* (белый гриб, боровик), *lappfisa* (женщина-контролер на парковке), *papperspelle* (корзина для мусора).

Апеллятивы могут выражать определенные качества и особенности характера, поведения человека и приобретать самостоятельное существование: *Emil* (глупый, ничего не понимающий человек), *Laura* (бестолковый, сбитый с толку человек, часто таким именем называют женщину за рулем автомобиля).

В текстах календарного жанра антропоним функционирует не только в своей начальной форме, но и в трансформированных вариантах. В данном случае мы наблюдаем так называемую дивергенцию имени. Для шведской культуры свойственно территориальное разграничение народных изречений.

Шведские личные имена и фамилии активно участвуют в образовании сленговых единиц. По результатам анализа словарей шведского сленга методом сплошной выборки мы выделили ряд семантических групп сленговых единиц, с антропонимической составляющей. Например, наркотики – *kerstin*, *Lina*; профессии, обязанности – *batong-Ola*, *Bosse batong*, *Pelle blå*, *Pelle och Stina* – полицейский; *Jan-erik* – смотритель; иммигранты – *Ahmed*, *Abdullah*, *Muhammed*.

В рамках исследования мы затронули вопрос прецедентных имен в шведской культуре. Наиболее распространенные в шведской культуре являются двухкомпонентные прецедентные имена, основными источниками которых служат массовая культура, литература и искусство (*Emil & Ida*, *Tommy & Annika*, *Karl-Oscar & Kristina*).

Заключение

Антропонимика – один из важных разделов ономастики, изучение которого выходит за пределы лингвистики. Для раскрытия темы этнокультурного пространства, частью которого являются антропонимы, выявления национально-культурной специфики данных ономастических единиц, необходимо охватить широкий круг проблем, обращаясь к фактам не только языкознания, но и этнографии, культурологии, фольклористики, истории, философии.

Изучать антропонимические системы языков следует на междисциплинарном уровне, делая акцент на неразрывную связь языка и культуры этноса. Только при таком подходе обнаруживается национально-культурная составляющая системы именования, взаимодействие антропонимов с лексической системой языка, раскрытие процессов именования человека в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах. Кроме того, происходит определение тенденций и принципов имянаречения, выявляются лингвокультурные факторы, оказывающие влияние на выбор имени.

В результате исследования мы пришли к следующему заключению:

– концепции и теории имени собственного меняются в зависимости от мировоззренческих установок той или иной эпохи, философской школы;

– подходы к изучению имени собственного в контексте языка определяются пониманием природы имени, его категории и значения, отношением между именем собственным и нарицательным;

– в контексте культуры имя собственное выступает средством самоидентификации и символом принадлежности к определенному этносу;

– лингвистические характеристики антропонимов определяются их взаимодействием с лексической системой языка, в то время как этнические признаки антропонимов обнаруживаются в их связи с историей и культурой этноса.

Древнейшие антропонимические обычаи определяют начальную стадию формирования этнических характеристик имени. Родовое имянаречение, претерпев некоторые изменения, используется в культурах разных стран.

На становление и формирование антропонимических систем европейских стран влияют различные факторы: религия, веяния моды, определяемые известными людьми из сферы политики,

кино, средств массовой информации. Шведская культура имянаращения в этом отношении не является исключением. В последней трети XX и начале XXI в. немалую роль в формировании антропонимических тенденций играют процессы межкультурной коммуникации. Это позволяет пополнить список шведских имен инокультурными антропонимами (*Zlatan, Fatima*).

Традиция имянаращения на современном этапе развития шведского общества претерпевает значительные изменения. Стремление шведов подчеркнуть свою идентичность и индивидуальность находит выражение в формировании корпуса имен. В шведском социуме существует тенденция выбора подчас не отличающихся эвфонией и странных имен (*Metallica, Cson*), имен без родовых различий (*Jin, Joan, Kim, Marjan, Mika, Niss, Pell, Ping, Tintin*). В то же время, наряду с популярными, типичными, характерными для какого-либо времени личными именами и фамилиями, выделяется группа антропонимов, которые демонстрируют свою устойчивость на протяжении всей истории имянаращения. В шведской культуре в течение десятилетий укреплялась традиция наращения именами *Erik/Eric, Karl/Carl, Lars, Oscar; Anna, Elisabet/Elisabeth, Maria*. Самыми распространенными фамилиями считаются *Johansson, Andersson, Karlsson, Nilsson, Eriksson, Larsson, Olsson, Persson, Svensson, Gustafsson*.

Главными антропонимическими источниками европейских культур считаются греческий и латинский языки. В то же время часть национального антропонимикона составляют исконные, собственные основы.

Начиная со времен племенного общества, имя и прозвище, а затем на более поздних стадиях историко-культурного развития и фамилии служат средством идентификации человека либо обозначают родственную группу людей.

Терминология в области шведской антропонимической системы, как во многих других языках, определяется разными способами именования человека. Можно говорить о комплексном терминологическом аппарате в шведском языке, для которого характерны некоторые неоднозначные трактовки.

Мы определили, что классификация шведских личных имен и фамилий строится на основе различных семантических признаков

– антропоним как единица культуры и истории этноса и антропоним как единица языка и речи. Так, например, в шведской культуре выделяются четыре класса фамилий, которые сопряжены с условиями: родовые имена дворян (*Lejonhuvud*); фамилии священнослужителей (*Berinius*); родовые имена зажиточных горожан (*Sandström*); фамилии крестьян (*Eriksson*). В рамках каждого класса находим компоненты, отличающие один класс фамилий от другого.

Изучение дериватов шведского личного имени позволило выявить, что производные формы личных имен образуются главным образом путем усечения (*Bella < Isabella, Celia < Cecilia*) и аффиксации (*Stickan, Totte, Nisse, Andy, Tommy*). Мы рассмотрели не всю область деривационных характеристик шведских личных имен. Заслуживает внимания сфера употребления гипокористических и диминутивных имен в речевых ситуациях.

Антропонимы, взаимодействуя с лексической системой языка, демонстрируют особые отношения имени собственного с языком. В разных культурах находим функционирование имени в фразеологизмах, в сленговых единицах. Процессы онимизации апеллятива, деонимизации актуальны на разных стадиях развития языка.

Многоаспектное изучение антропонимов в шведской культуре позволило установить, что антропонимы в шведском языке образуют сложную систему, в основе которой лежат закономерности, свойственные системам антропонимов других языков.

Антропонимическая система шведского языка, как и системы других языков, открыта и подвержена изменениям. В результате появления новых имен, фамилий возникает ряд вопросов, требующих рассмотрения имени на уровне языка и культуры этноса. Для дальнейшего анализа корпуса шведских имен и фамилий представляет большой научный интерес проблема, касающаяся имен без родовых различий и новых типов фамилий. Подробно следует изучить двухтемные, однотемные и производные личные имена с опорой на различные семантические сферы: мифологические существа, оружие и военные действия, абстрактные понятия и др.

Мы не рассмотрели вопрос использования антропонимов для именования предметов другой понятийной соотнесенности. Эта тема требует отдельного рассмотрения. Перспективна для изуче-

ния проблема взаимодействия антропонимов с различными топонимическими единицами. Заслуживают внимания темы, затрагивающие литературные и прецедентные имена, виртуальные имена людей, используемые в компьютерных играх и в сети Интернет, полноценный анализ имени собственного в шведском фольклоре.

Анализ шведских антропонимов будет способствовать расширению и углублению представлений о закономерностях становления, формирования, развития антропонимических систем в целом и выявлению их особенностей, а также дальнейшему изучению национальной и этнической и культуры.

Библиография

1. Агапкина, Т.А. Имя [Текст] / Т.А. Агапкина // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 210–213.

2. Агеева, Р.А., Бахнян, К.В. Социолингвистический аспект имени собственного. Научно-аналитический обзор [Текст] / Р.А. Агеева // Р.А. Агеева, К.В. Бахнян / отв. ред. Ф.М. Березин. – М.: ИНИОН ИИ СССР, 1984. – 60 с.

3. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 324 с.

4. Алефиренко, Н.Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2010. – № 1. – С. 405–424.

5. Алешина, Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных антропонимических системах [Текст] / Л.Н. Алешина // *Вестник ЦМО МГУ*. – 2009. – № 1. – С. 60–63.

6. Алёкшина, М.Л. Имя собственное в современном норвежском языке. Грамматический очерк [Текст] / М.Л. Алёкшина. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 189 с.

7. Аналитическая философия: учеб. пособие [Текст] / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев, Н.И. Петякшева, В.А. Суворовцев, А.З. Черняк, Я.В. Шрамко / под ред. Лебедева М.В., Черняка А.З. – М.: РУДН, 2004. – 740 с.

8. Анохин, Г.И. Скандинавские народы [Текст] / Г.И. Анохин // Системы личных имен у народов мира. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 278–287.

9. Антышев, А.Н. Антропонимы в языке и культуре [Текст] / А.Н. Антышев // Словообразование и лексические системы в разных языках. Межвуз. сб. научных трудов. Башкирский университет. – Уфа, 1996. – Вып. 2. – С. 12–21.

10. Антышев, А.Н. Имена. Немецкие антропонимы [Текст] / А.Н. Антышев. – Уфа: БГАУ, 2001. – 238 с.

11. Бахтин, М.М. Дополнения и изменения к Рабле [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 134–164.

12. Бедненко, Г.Б. Имя в скандинавском мире [Текст] / Г.Б. Бедненко. URL: <http://norse.ulver.com/articles/bednenko/names.html>, 2002 (дата обращения: 01.06.2023).

13. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) [Текст] / А.А. Белецкий. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1972. – 208 с.
14. Березович, Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации [Текст] / Е.Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 7. – С. 90–105.
15. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования [Текст] / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 599 с.
16. Блох, М.Я. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике [Текст] / М.Я. Блох, Т.Н. Семенова; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Моск. пед. гос. ун-т. – М.: Готика, 2001. – 192 с.
17. Боголюбова, Н.М. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие [Текст] / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева. – СПб.: СПбКО, 2009. – 416 с.
18. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
19. Булгаков, С.Н. Философия имени [Текст] / С.Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1999. – 448 с.
20. Быстрова, А.Н. Модель культурного пространства: границы и безграничность [Текст] / А.Н. Быстрова // Вестник ТГПУ. – 2008. – Вып. 1 (75). – С. 95–104.
21. Быстрова, А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии [Текст] / А.Н. Быстрова // Философские науки. – 2004. – № 12. – С. 24–40.
22. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста [Текст] / Н.В. Васильева; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
23. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая // пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
24. Вессен, Э. Скандинавские языки [Текст] / Э. Вессен / пер. со швед. и примеч. С.С. Масловой-Лашанской; под ред. и с предисл. С.Д. Кацнельсона. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 168 с.
25. Володина, Н.Ю. Современный именник: стратегия имянаречения [Текст] / Н.Ю. Володина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 10. – С. 106–108.

26. Габдрахманов, П.Ш. Имя и счастье в средневековой Фландрии [Текст] / П.Ш. Габдрахманов // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. – М.: ОГИ, 2002. – Вып. 4. – С. 26–44.

27. Габдрахманов, П.Ш. Какими именами нарекали детей в Средние века: случай Фландрии [Текст] / П.Ш. Габдрахманов // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 2 (58). – С. 232–242.

28. Гарагуля, С.И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имен: [монография] [Текст] / С.И. Гарагуля. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 136 с.

29. Гильченко, Н.Л. Практикум по переводу с немецкого языка на русский [Текст] / Н.Л. Гильченко. – СПб: КАРО, 2009. – 360 с.

30. Гоббс, Т. Учение о теле [Текст] / Т. Гоббс // Избр. соч. Ч. I. – Л.: Изд-во Лен. унта, 1926. – 41 с.

31. Горбулева, М.С. Меч как символично-культурная категория [Текст] / М.С. Горбулева // Дефиниции культуры: Сб. тр. участников Всерос. семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – Вып. VII. – С. 111–115.

32. Грошева, А.В. Грамматические учения западноевропейского Средневековья [Текст] / А.В. Грошева // История лингвистических учений: Средневековая Европа. – Л., 1985. – С. 208–242.

33. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт / сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

34. Гуткин, О.В. Феномен культурного пространства: [монография] [Текст] / О.В. Гуткин, Е.В. Листвина, Г.Н. Петрова, О.А. Семенищева. – Саратов: Научная книга, 2005. – 138 с.

35. Гуткина, И.М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения [Текст] / И.М. Гуткина // Философия и современность. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 79–87.

36. Долгов, В.В. «Волшебные мечи» в контексте религиозных воззрений человека Древней Руси [Текст] / В.В. Долгов // Вестник УдГУ, 2005. – С. 118–125.

37. Душечкина, Е.В. Мессианские тенденции в советской антропонимической практике 1920–1930-х годов [Текст] / Е.В. Душечкина // Toronto Slavic Quarterly. No 12, 2005. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (дата обращения: 15.06.2023).

38. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 198 с.
39. Есперсен, О. Философия грамматики (The philosophy of grammar by Otto Jespersen) [Текст] / О. Есперсен / пер. с англ. В.В. Пасека и С.П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1958. – 329 с.
40. Жаркова, А. Собственные имена в русских и литовских пословицах, поговорках [Текст] / А. Жаркова // *Meninis tekstas. Suvokimas. Analizė. Interpretacija*. Vilnius. – 2008. – № 6 (2). – P. 118–125.
41. Жапова, Д.Н.-Д. Антропонимы как этноисторическое явление [Текст] / Д.Н.-Д. Жапова // *Бытие и язык*. – Новосибирск, 2004. – С. 216–219.
42. Живоглядов, А.А. Семантико-стилистические особенности и поэтическая функция подсистемы английских индивидуализирующих имен собственных [Текст] / А.А. Живоглядов, С.Ж. Нухов // *Словообразование и лексические системы в разных языках*. – Уфа: Башкирский пединститут, 1996. – Вып. 2. – С. 49–58.
43. Зайцева, К.Б. Англичане [Текст] / К.Б. Зайцева // *Системы личных имен у народов мира*. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 37–42.
44. Ильичев, А.А. Опыт классификации нижегородской антропонимической системы XVI века (на материале деловой письменности) [Текст] / А.А. Ильичев // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2009. – № 6 (2). – С. 246–250.
45. Исакова, А.А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика (на материале современной механонимии) [Текст] / А.А. Исакова: автореф. дис. ... д-р филол. наук. – Краснодар, 2008. – 45 с.
46. Калакуцкая, Л.П. О специфичности ономастики как лексической категории (на материале русского языка) [Текст] / Л.П. Калакуцкая // *Ономастика и грамматика: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Л.П. Калакуцкая*. – М.: Наука, 1981. – С. 20–25.
47. Кисель, О.В. Коннотативный аспект семантики личных имен [Текст] / О.В. Кисель // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2008. – № 19. – С. 356–362.
48. Кобрин, В.Б. Антропонимика как специальная историческая дисциплина [Текст] / В.Б. Кобрин // *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды*. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2008. – С. 234–245.

49. Комова, Т.А. Имя личное в истории и культуре Великобритании и США: Учеб. пособие для студентов всех спец., изучающих англ. яз. [Текст] / Т.А. Комова, С.И. Гарагуля. – М-во общ. и проф. образования РФ. Белгород. гос. технол. акад. строит. материалов. – Белгород, 1998. – 72 с.

50. Красноперова, Л.С. Функционирование имени собственного в современном португальском языке [Текст] / Л.С. Красноперова: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 143 с.

51. Кулабухов, В.С. Имена как форма отражения мировоззрения древнерусского населения [Текст] / В.С. Кулабухов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 51–57.

52. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

53. Леонович, О.А. В мире английских имен: учеб. пособие по лексикологии для студентов лингвист. вузов и фак. ин. яз. и преподавателей сред. школ [Текст] / О.А. Леонович. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 157 с.

54. Липс, Ю. История древних цивилизаций [Текст] / Ю. Липс / под. ред. И.А. Задоя. – СПб.: Полион, 1999. – 480 с.

55. Лосев, А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.

56. Лотман, Ю.М. Миф – имя – культура [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Избранные статьи в трех томах. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – Т. I. – С. 58–75.

57. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2006. – 413 с.

58. Мадиева, Г.Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры [Текст] / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2010. – № 5. – С. 96–102.

59. Малышев, В.Н. Пространство мысли и национальный характер [Текст] / В.Н. Малышев. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009. – 408 с.

60. Мальцева, Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку [Текст] / Д.Г. Мальцева. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.

61. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
62. Маслова-Лашанская, С.С. Лексикология шведского языка [Текст] / С.С. Маслова-Лашанская. – Л.: ЛГУ, 1973. – 208 с.
63. Матвеева, Ф.П. Французы [Текст] / Ф.П. Матвеева // Системы личных имен у народов мира. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 316–320.
64. Моисеева, С.А. Французский национальный характер в зеркале фразеологии [Текст] / С.А. Моисеева, И.А. Волошкина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 22–29.
65. Мокиенко, В.М. Перевоплощенное имя [Текст] / В.М. Мокиенко // Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – М.: А Темп, 2006. – С. 5–10.
66. Никонов, В.А. Имя и общество [Текст] / В.А. Никонов. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 278 с.
67. Орлова, Е.В. Культурное пространство: Определение, специфика, структура [Текст] / Е.В. Орлова // Аналитика культурологии. – 2010. – № 3 (18). URL: <http://analiculturolog.ru/component/k2/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html> (дата обращения: 27.04.2023).
68. Парменова, Н. Средневековая Исландия [Текст] / Н. Парменова. URL: <http://www.geografia.ru/midiceland.html> (дата обращения: 14.06.2023).
69. Перельмутер, И.А. Грамматическое учение модистов [Текст] / И.А. Перельмутер // История лингвистических учений: Позднее Средневековье. – СПб., 1991. – С. 9–10.
70. Платон, Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 [Текст] / пер. Т.В. Васильевой / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1990. – 864 с.
71. Плотникова, А.В. Принципы и способы атрибуции имен собственных в произведениях жанра «фэнтези»: на материале английского языка [Текст] / А.В. Плотникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 19 с.
72. Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры [Текст] / под ред. Е.В. Смирницкой. – М.: ННН, 1995. – 272 с.

73. Рассел, Б. Избранные труды [Текст] / Б. Рассел; вступ. статья В.А. Суровцева; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 1991. – 1001 с.

74. Реформатский, А.А. Топономастика как лингвистический факт [Текст] / А.А. Реформатский // Топономастика и транскрипция. – М.: Наука, 1964. – С. 9–34.

75. Роэдаль, Э. Мир викингов: Викинги дома и за рубежом [Текст] / Э. Роэдаль / пер. с дат. Ф.Х. Золоторевской. – СПб.: Всемир. слово, 2001. – 271 с.

76. Рыбакин, А.И. Из истории английских личных имен [Текст] / А.И. Рыбакин // Словарь английских личных имен: 4000 имен. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель, АСТ, 2000. – С. 10–16.

77. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации [Текст] / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 311 с.

78. Рылов, Ю.А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов: [монография] [Текст] / Ю.А. Рылов, В.В. Корнева, Н.В. Шеминова, К.В. Лопатина, Е.В. Варнавская; под. ред. Ю.А. Рылова. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 390 с.

79. Рылов, Ю.А. Сопоставительная антропонимика русского и романских языков: учебное пособие [Текст] / Ю.А. Рылов. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – 274 с.

80. Силкина, Л.В. Социально-философские основания анализа культурного пространства [Текст] / Л.В. Силкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1999. – 19 с.

81. Скрозникова, В.А. Американцы [Текст] / В.А. Скрозникова // Системы личных имен у народов мира. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – С. 27–36.

82. Смирнов, И.П. Самозванство и философия имени [Текст] / И.П. Смирнов // Звезда. – 2004. – № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/3/smir16.html> (дата обращения: 12.03.2023).

83. Смольников, С.Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия [Текст] / С.Н. Смольников // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 23–35.

84. Соколова, Е.Н. Из истории изучения древнерусской антропонимической системы [Текст] / Е.Н. Соколова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 21. – С. 147–157.

85. Стеблин-Каменский, М.И. Личность в эддических мифах [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский // Миф. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.
86. Стеблин-Каменский, М.И. Труды по филологии [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский / отв. ред. Ю.А. Клейнер. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. – 928 с.
87. Суперанская, А.В. Имена: История и современность [Текст] / А.В. Суперанская; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Таус, 2007. – 272 с.
88. Суперанская, А.В., Общая терминология: Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева / отв. ред. Т.Л. Канделаки. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
89. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская / отв. ред. А.А. Реформатский. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с. (а)
90. Суперанская, А.В. Ономастика начала XXI века [Текст] / А.В. Суперанская; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 80 с. (b)
91. Суперанская, А.В. О русских именах [Текст] / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – 5-е изд., перераб. – СПб.: Авалонь, Азбука, 2010. – 304 с.
92. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал [Текст] / В.И. Супрун: дис. ... д-р. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 77 с.
93. Сулова, А.В. Из истории антропонимии советского периода (20-е годы) [Текст] / А.В. Сулова // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 302–316.
94. Толстая, С.М. К понятиям апеллятивизации и онимизации / С.М. Толстая // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 24–27.
95. Толстой, Н.И. Имя в контексте народной культуры [Текст] / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Школа «Языки русской культуры», 2000. – С. 597–624.
96. Топоров, В.Н. Имена [Текст] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С. 508–510.
97. Топоров, В.Н. Имя как фактор культуры (на злобу дня) [Текст] / В.Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – М., 1989. – С. 125–129.

98. Топоров, В.Н. Из теоретической ономатологии [Текст] / В.Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. В 3 т. Т.1: Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 376–378.

99. Топорова, Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные [Текст] / Т.В. Топорова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.

100. Трубачев, О.Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков [Текст] / О.Н. Трубачев // Этимология. – Вып. 1–13. – М.: Наука, 1988. – С. 3–10.

101. Успенский, Ф.Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии [Текст] / Ф.Б. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 160 с.

102. Флоренский, П.А. Общечеловеческие корни идеализма [Текст] / П.А. Флоренский // Символ. – 1984. – № 11. – С. 166–193.

103. Флоренский, П.А. Имена [Текст] / П.А. Флоренский. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 448 с.

104. Фомина, М.Н. Философская культура: онтологический диалогизм: [монография] [Текст] / М.Н. Фомина. – Чита: Поиск, 1999. – 160 с.

105. Фоянкова, О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособ. [Текст] / О.И. Фоянкова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.

106. Фреге, Г. Смысл и значение [Текст] / Г. Фреге // Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – 28 с.

107. Фрэзер, Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии [Текст] / Дж.Дж. Фрэзер. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

108. Хоружий, С.С. Выготский, Флоренский и исихазм в проблеме формирования современной антропологической модели [Текст] / С.С. Хоружий // Антропологические матрицы XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 111–135.

109. Худошин, А. Как выбрать имя новорожденному [Текст] / А. Худошин. – Киев: Свято-Троицкий Ионинский монастырь, 2010. – 64 с.

110. Чичагов, В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.) [Текст] / В.К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

111. Щербак, А.С. Ономастический знак – символ в когнитивном аспекте [Текст] / А.С. Щербак // Вестник ТГУ. – 2007. – Вып. 7 (51). – С. 7–11.

112. Языковая номинация: Общие вопросы / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
113. Aldrin, E. Namnval som social handling. Val av förnamn och samtal om förnamn bland föräldrar i Göteborg 2007–2009 (Naming as a social act. Parents' choices of first names and discussions of first names in Göteborg 2007–2009.) Institutionen för nordiska språk. Namn och samhälle 24. – Uppsala, 2011. – 297 s.
114. Andersson, T. Personnamn. Till begreppets avgränsning // Personnamnsterminologi. NORNAs åttonde symposium i Lund, 10–12 oktober 1981. Norna-rapporter 23. – Uppsala, 1983. – S. 9–22.
115. Brylla, E. Terminologiska problem inom nordisk personnamnforskning // Nordiskt och ryskt i namnforskningen. Rapport från ett symposium om onomastisk terminologi i Uppsala, 17 december 1999. Namn och samhälle, 11. – Sankt Petersburg, 2001. – S. 65–75.
116. Brylla, E. Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk. – Uppsala: Bombus, 2002. – 126 s.
117. Brylla, E. Förnamn i Sverige. Kortfattat namnlexikon. – Stockholm: Liber, 2004. – 240 s.
118. Brylla, E. Andersson, Petersson, Lundström och ... Beachman: Om nordiska efternamn i sin europeiska omgivning. – Uppsala: Bombus, 2009. – 128 s.
119. Carlsson, A. W. Stora namnboken från Abel till Östen. – Stockholm: LTs förlag, 1986. – 196 s.
120. Entzenberg, S. Månfare Johansson och Emil Brandamour. Om tendenser i nutida för- och efternamnsskick // Ortnamnssällskapets i Uppsala årsskift. – Uppsala, 2005. – S. 21–36.
121. Entzenberg, S. Smultron, Mynta och Peanut. Ätliga personnamn // Namn och namnvård. Vänskrift till Annette C. Torensjö den 18 november 2020 / ed. by Staffan Nyström, Svante Strandberg & Mats Wahlberg. Namn och samhälle 31. – Uppsala, 2020. – S. 31–44.
122. Evans, K.K. Baby Naming trends. URL: <http://people.howstuffworks.com/baby-name-trends-ga.htm>, 2006 (дата обращения: 11.05.2023).
123. Gardiner, Alan H. The theory of proper names: a controversial essay. – London: Oxford University Press, 1940. – 67 p.
124. Gustafsson, L. Om smeknamnens funktion. Kan smeknamn användas för att studera sociolingvistiska frågeställningar? // Namn – en spegel av samhället förr och nu / red. Staffan Nyström. – Falun: Norstedts, 2010. – S. 171–187.

125. Hagström, C. Man är vad man heter. Namn och identitet. – Stockholm: Carlsson Bokförlag, 2006. – 192 s.

126. Hebbe, A., Ek, K. Ordglädje. Bygg vidare på ditt ordförråd med Agneta Hebbe och Kerstin Ek. – Stockholm: Natur och Kultur, 2005. – 287 s.

127. Hedquist, R. The meaning of proper names // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences Uppsala August 2002, 1. – Uppsala: Institutet för språk och folkminnen, 2005. – S. 172–184.

128. Karlsson, O. Att sortera Anders Andersson Bergman // Språkvård, 2003, 4. – S. 14–16.

129. Klintberg, af B. Namnen i almanackan: fakta och kulturhistoria om svenska förnamn. – Stockholm: Norstedts akademiska förlag, 2005. – 453 s.

130. Kotsinas, U.-B. En bok om slang, typ. – Falun: Norstedts Ordbok, 2003. – 311 s.

131. Leibring, K. The new Personal Names Act in Sweden – some possible consequences for the name usage // Namenkundliche Informationen (NI), 109/110. – Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2017. – S. 408–419.

132. Lindstedt, I. Sportspråkets personnamnsbruk // Nordrapp 2. Rapporter från institutionen för nordiska språk/svenska vid Göteborgs universitet, Lic.-avhandling, 1989. – 109 s.

133. Lindström, F. Fredriks fynd // Språktidningen, 2007, 3. – S. 44–46.

134. Luik, van C. Stora boken om namn. – Stockholm: Alfabetabokförlag, 2009. – 224 s.

135. Martenius, I. *Namn i Sverige*. URL: <http://web.comhem.se/~u31263678/genealogy/Namn.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

136. Meldgaard, E.V. Diminutiv, hypokorisme, kortnavn og kortform // Personnamnsterminologi. NORNA:s åttonde symposium i Lund, 10–12 oktober 1981. – Uppsala, 1983. – S. 98–108.

137. Modéer, I. Svenska personnamn. Handbok för universitetsbruk och självstudier // 3 uppl. Utg. av Birger Sundqvist & Carl-Eric Thors med en bibliografi av Roland Otterbjörk som kompletterats och omarbetats av Sigurd Fries (*Anthroponymica Suecana* 5). – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1964. – 177 s.

138. Nyman, C. Namninspiration när barnet ska namnges. 2000 namn med förklaringar, betydelser, ursprung, popularitet, namnsdagar och trendlistor. – Malmö: Första upplagan, 2009. – 233 s.

139. Olsson, A. Svenska 123. Grund paket. Svenska som andraspråk. Svenska som främmande språk. – Västerås: Edita Västra Aros AB, 2009. – 400 s.
140. Otterbjörk, R. Svenska förnamn. – Stockholm: Esselte Studuim, 1973. – 216 s.
141. Pulgram, E. Theory of names. – Berkley: American Name Society, 1954. – 26 p.
142. Riad, T., Larsson, N. Ibrahim kallas Ibbe // Språkvård, 4, 2004. – S. 7–13.
143. Ribbing, A. Vad heter du? En bok om förnamn. – Stockholm: Eriksson&Lindgren, 2005. – 28 s.
144. Ryman, L. Salanus, Tunström och Sporrang. Tillnamnbruk och framväxten av släktnamn i Uppland // Antroponymica Suecana 13. – Umeå, 2002–2003. – S. 43–47.
145. Sandström, R. Om försvenskningen av efternamnen i Pajalatrakten på 1900-talet och dess orsaker // Fenno-Ugrica Suecana. Tidskrift för finsk-ugrisk forskning i Sverige, 10. – Stockholm: Finsk-ugriska Institutionen, 1991. – S. 107–156.
146. Sellerberg, A.-M. Avstånd och attraktion. Om modets växlingar. – Uddevalla: Carlssons, 1987. – 201 s.
147. Strandberg, S. Kortformer och smeknamn i Ryssland och Sverige // Nordiskt och ryskt i namnforskningen 2. Namn och samhälle 13. – Uppsala: Uppsala universitet, 2002. – S. 57–62.
148. Wallensteen, I. Våra namn. 1165 namn och namnformer, deras betydelse och ursprung. – Stockholm: Ica Bokförlag, 2008. – 134 s.
149. Utterström, G. Släktnamn i Sverige för hög och för låg. En historisk betraktelse // Ortnamnsällskapet i Uppsala årsskrift. – Uppsala, 1994. – S. 36–44.
150. URL: <http://kurufin.narod.ru> (дата обращения: 27.06.2023).

Источники

1. Александрова, Т.С. Словарь немецких личных имен. Происхождение, значение, употребление [Текст] / Т.С. Александрова, Д.О. Добровольский, Р.А. Салахов. – М.: Рус. яз., 2000. – 248 с.
2. Аристотель, Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.2 [Текст] / пер. Э.Л. Радловой в переработке З.Н. Микеладзе / ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – 688 с.
3. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 571 с.
4. Библия. Ветхий завет. – М.: Кн. дело [и др.], 2006. – 1214 с.
5. Биргегорд, У. Новый большой шведско-русский словарь [Текст] / У. Биргегорд. – М.: Живой язык, 2007. – 992 с. (НБШРС).
6. Дергачева, И. Статья Его Величеством шведу помешал закон «Об именах» [Текст] / И. Дергачева. URL: <http://www.itar-tass.com/c23/172356.html>, 2011 (дата обращения: 28.05.2023).
7. Лидин, Р.А. Иностранные фамилии и личные имена. Написание и произношение. Словарь-справочник [Текст] / Р.А. Лидин. – М.: Внешсигма, 1998. – 303 с.
8. Новицкая, И.Я. Становление детской и юношеской литературы Швеции: литературные предшественники Астрид Линдгрэн [Текст] / И.Я. Новицкая. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 139 с.
9. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: Вып. первый [Текст] / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
10. Скандинавский эпос: Старшая Эдда. Младшая Эдда. Исландские саги: [сб.] [Текст] / пер. с древнеисландского М.И. Стеблина-Каменского, О.А. Смирницкой. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 858 с.
11. Björklund, T. Försökte byta namn till HV71 – men fick avslag [Текст] / T. Björklund // Expressen. – 2011. – 27 juni.
12. Bromwich, R. and Simon Evans, D. Culhwch and Olwen. An Edition and Study of the Oldest Arthurian Tale. – Cardiff: University of Wales Press, 1992. – P. 64–65.
13. Ernby, B. Nordstedts etymologiska ordbok. – Stockholm: Nordstedts Akademiska Förlag, 2008. – 792 s.
14. Friberg, B. Svenskt slanglexikon. – Stockholm: B. Fribergs förlag, 1964. – 77 s.

15. Gradvall, J., Nordström, B., Nordström, U., Rabe, A. Tussen svenska klassiker. – Stockholm: Norstedts, 2009. – 704 s.
16. Helsing, B., Hellquist, M., Hallengren, A. Bevingat från Adam & Eva till Köttberget. – Norge: Albert Bonniers Förlag, 2005. – 555 s. (Bev.).
17. Jannerling, L. Svenska Barbie är född // Expressen. – 2007. – 16 april.
18. Johansson, L.-O. Lilla Metallica får heta Metallica // Göteborgs posten. – 2009. – 21 september.
19. Koskinen, C. Vic är en stor kille med ovanligt namn // Norra Skåne. – 2008. – 19 augusti.
20. Lagerblad, A. Namnmodet öppnar för Lucifer och Iggy // Svenska Dagbladet. – 2010. – 26 april.
21. Lagerblad, A. Rekordmånga vill byta namn // Svenska Dagbladet. – 2010. – 27 april.
22. Lagerblad, A. Namnbytet en etapp på könsresan // Svenska Dagbladet. – 2010. – 28 april.
23. Lagerström, T. Han får inte heta Korsgaard // Expressen. – 2004. – 27 november.
24. Luthan, H. Svenska idiom. – Kristianstad: Kristianstads Boktryckeri AB, 2006. – 181 s. (Si.).
25. Malmström, S., Györki, I., Sjögren, P. Bonniers svenska ordbok. – Stockholm: Albert Bonniers Förlag AB, 2002. – 704 s.
26. Namnlag 1982 // Brylla E. Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk. – Uppsala: Bombus, 2002. – S. 110–126.
27. Officersjargong och manskapsslang i Sverige 1645–1945. Ordbok med inledning av Gösta Langenfelt. – Uppsala: Almqvist och Wiksells, 1947. – 313 s.
28. Strömberg Andersson, M. Bajen är en riktig liten lirare // Norra Skåne. – 2010. – 19 maj.
29. URL: <http://www.folkmun.se>: эл. словарь (дата обращения: 12.03.2023).
30. URL: <http://www.luxikon.se>: эл. словарь (дата обращения: 12.03.2023).
31. URL: <http://www.slangopedia.se>: эл. словарь (дата обращения: 11.05.2023).

Приложение

Распространенные личные имена и их формы, встречающиеся в различных районах и провинциях Швеции

Территориальное деление	Мужские имена	Женские имена
провинция Сконе (<i>Skåne</i>)	<i>Ale</i> (Але), <i>Asmund</i> (Асмунд), <i>Assar</i> (Ассар), <i>Bonde</i> (Бунде), <i>Brodde</i> (Брудде), <i>Bror</i> (Брур), <i>Frenne</i> (Френне), <i>Frosten</i> (Фростен), <i>Gisle</i> (Йисле), <i>Gissel</i> (Йиссель), <i>Ingvar</i> (Ингвар), <i>Jonas</i> (Юнас), <i>Kjell</i> (Челль), <i>Lage</i> (Лаже), <i>Mattis</i> (Маттис), <i>Måns</i> (Монс), <i>Mårten</i> (Мортен), <i>Ola</i> (Ула), <i>Truls</i> (Трульс), <i>Åstrad</i> (Острад)	<i>Bengta</i> (Бенгта), <i>Boel</i> (Боель), <i>Magnhild</i> (Магнхильд), <i>Malena</i> (Малена), <i>Maren</i> (Марен), <i>Metta</i> (Метта – уменьшительная форма имен <i>Mektild</i> , <i>Märta</i>), <i>Nilla</i> (Нилла – краткая форма имени <i>Pernilla</i>), <i>Pernilla</i> (Пернилла)□
провинция Смоланд (<i>Småland</i>)	<i>Bonde</i> (Бунде), <i>Bror</i> (Брур), <i>Brodde</i> (Бродде), <i>Erengisle</i> (Эренйисле), <i>Folke</i> (Фольке), <i>Gisle</i> (Йисле), <i>Gissel</i> (Йиссель), <i>Gumme</i> (Гумме – уменьшительная форма имени <i>Gudmund</i>), <i>Lage</i> (Лаже), <i>Åbjörn</i> (Обьёрн)	<i>Gyrid</i> (Йирид), <i>Svenborg</i> (Свенборг)
провинция Верmland (<i>Värmland</i>)	<i>Atte</i> (Атте), <i>Brynolf</i> (Брюнольф), <i>Brungel</i> (Брунгель – диалектная форма имени <i>Brynolf</i>), <i>Brynte</i> (Брюнте – уменьшительная форма имен <i>Brynjulf</i> , <i>Brynolf</i>), <i>Elof</i> (Элоф), <i>Enar</i> (Энар), <i>Halsten</i> (Хальстен), <i>Kjellar</i> (Челлар)	
провинция Емтланд (<i>Jämtland</i>)	<i>Brodde</i> (Бродде), <i>Kjell</i> (Челль), <i>Enar</i> (Энар), <i>Rikard</i> (Рикард)	<i>Gunborg</i> (Гунборг), <i>Lucia</i> (Люсия), <i>Magnhild</i> (Магнхильд), <i>Märet</i> (Мерет – вариант имени <i>Märta</i>), <i>Seborg</i> (Себорг)
провинция Даларна (<i>Dalarna</i>)	<i>Engelbrekt</i> (Энгельбрект), <i>Gudmund</i> (Гудмунд), <i>Helmer</i> (Хельмер), <i>Hjalmar</i> (Яльмар)	<i>Karin</i> (Карин), <i>Mait</i> , <i>Majt</i> (Майт, Майт – диалектные формы имени <i>Margareta</i>)
провинция Бохуслен (<i>Bohuslän</i>)	<i>Alf</i> (Альф), <i>Götar</i> (Йётар), <i>Halvor</i> (Хальвор), <i>Ole</i> (Уле), <i>Påske</i> (Поске), <i>Rasmus</i> (Расмус), <i>Sivert</i> (Сиверт – вариант имени <i>Sigvard</i>), <i>Tolle</i> (Толле – уменьшительная форма имени <i>Thorlef</i>)	<i>Oleana</i> (Олеана)

Окончание таблицы

Территориальное деление	Мужские имена	Женские имена
Готланд (<i>Gotland</i>)	<i>Botolf</i> (Ботольф), <i>Botvind</i> (Ботвинд), <i>Halvard</i> (Хальвард), <i>Rasmus</i> (Расмус), <i>Svante</i> (Сванте)	<i>Maren</i> (Марен), <i>Marlene</i> (Марлене), <i>Vendela</i> (Вендела)
Гёталанд (<i>Götaland</i>)	<i>Algot</i> (Альгот), <i>Botvid</i> (Ботвид), <i>Germund</i> (Ермунд)	<i>Lussa</i> , <i>Lusse</i> , <i>Lussi</i> (Лусса, Луссе, Лусси – уменьшительные формы имени <i>Lucia</i>)
Западный Гётланд (<i>Västergötland</i>)	<i>Brynolf</i> (Брюнольф), <i>Götar</i> (Йётар), <i>Kjellar</i> (Челлар), <i>Kettil</i> (Четтил), <i>Linnar</i> (Линнар – диалектная форма имени <i>Lindorm</i>)	<i>Bolla</i> , <i>Botilla</i> (Болла, Ботилла – диалектные уменьшительные формы имени <i>Ingeborg</i>);
Восточный Гётланд (<i>Östergötland</i>)	<i>Dan</i> (Дан), <i>Inge</i> (Инге), <i>Ingolf</i> (Ингольф), <i>Folke</i> (Фольке), <i>Frosten</i> (Фростен), <i>Holsten</i> (Хольстен)	<i>Gyrid</i> (Йирид)
Западная Швеция (<i>Västsverige</i>)	<i>Ambjörn</i> (Амбьёрн), <i>Andor</i> (Андор), <i>Asmund</i> (Асмунд), <i>Charles</i> (Чарльс), <i>Esbjörn</i> (Эсбьёрн), <i>Frank</i> (Франк), <i>Glenn</i> (Гленн), <i>Gullbrand</i> (Гульбранд), <i>Gunnar</i> (Гуннар), <i>Gunne</i> (Гунне – краткая форма имен на <i>Gun-</i>), <i>Ralf</i> (Ральф), <i>Reine</i> (Рейне – краткая форма имен <i>Reinhold</i> , <i>Reinhard</i>), <i>Steve</i> (Стеве), <i>Torbjörn</i> (Торбьёрн)	<i>Helge</i> (Хельге), <i>Rangela</i> (Рангела), <i>Åsa</i> (Оса)
Южная Швеция (<i>Sydsverige</i>)	<i>Holger</i> (Холгер), <i>Gertorn</i> (Ерторн, возможно написание <i>Gerton</i> , <i>Hjerton</i>), <i>Lave</i> (Лаве), <i>Måns</i> (Монс)	<i>Olöf</i> (Улёф), <i>Sestrid</i> (Сестрид – вариант имени <i>Estrid</i>), <i>Sissa</i> (Сисса – уменьшительная форма имени <i>Cecilia</i>), <i>Tolla</i> (Толла – краткая форма имени <i>Thorlof</i>)
Норрланд (<i>Norrland</i>)	<i>Ante</i> (Анте), <i>Engelbrekt</i> (Энгельбрект), <i>Grels</i> (Грельс), <i>Gullik</i> (Гуллик), <i>Jonas</i> (Юнас), <i>König</i> (Кёниг), <i>Lage</i> (Лаге), <i>Lorents</i> (Лорентс), <i>Moses</i> (Мосес), <i>Mårten</i> (Мортен), <i>Salmon</i> , <i>Salmo</i> (Сальмон, Сальмо – диалектные формы имени <i>Salomon</i>), <i>Sten</i> (Стен), <i>Une</i> (Уне), <i>Vidar</i> (Видар), <i>Östen</i> (Эстен)	<i>Barbro</i> (Барбру), <i>Gudrun</i> (Гудрун), <i>Helge</i> (Хельге), <i>Marlene</i> (Марлене), <i>Rådgård</i> (Родерд), <i>Sara</i> (Сапа), <i>Ödgård</i> (Эдерд)

Научное издание

Природина Ульяна Петровна

**ИМЯ В КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ, ИСТОРИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА)**

Монография

Чебоксары, 2023 г.

Компьютерная верстка и правка *Е. В. Кузнецова*

Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 11.08.2023 г.

Дата выхода издания в свет 14.08.2023 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 8,1375. Заказ К-1175. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru